

ИВАН ПЕТРОВ

РОДНОЙ ИСТОРИИ
ПАМЯТНЫЕ СТРОКИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ИВАН ПЕТРОВ

РОДНОЙ ИСТОРИИ ПАМЯТНЫЕ СТРОКИ

Всякая благородная
личность глубоко сознает
свое кровное родство, свои
кровные связи с Отечеством.

В.Г. Белинский

Омск
2009

ББК 63,3(253)

П 30

УДК 94(57)

Фото на обложке: Воскресенский собор, г. Омск

Петров И.Ф.

Родной истории памятные строки. –
Омск, 2009. – 176 с.

ISBN

В новом сборнике омского писателя-краеведа и публициста Ивана Федоровича Петрова представлены избранные страницы его литературного творчества разных лет, посвященные истории родного края.

ББК 63,3(253)

ISBN

© Петров И.Ф., 2009

© Министерство культуры
Омской области, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

СИБИРСКИЙ КОРЕНЬ	5
Вместо предисловия	5
Начало.....	7
Первые сибирские пахари	14
Про удалых устюжан	18
«И стольной наречется град»	25
Тара.....	32
Верхотурье	35
Покупала и продавала Сибирь	44
Енисейск	48
Восточносибирская пашня	54
Русская соха в Америке	63
Добрая молва живет и поныне	69
Хлеб Сибири	75
 КАК ОБШИРНОСТЬ ГРАНИЦ, БОГАТСТВА И СЛАВА РОССИИ ПРИРАСТАЛИ СИБИРЬЮ	 80
О народном характере.....	81
Морские ворота Сибири	84
Канал, которого нет на карте	95
Великий тракт	101
Позвоночный хребет русского великана.....	110
 РОДНОЙ ЗЕМЛИ ПРОСТОРЫ	 127
СЛОВО ОБ ОМСКЕ	140
ДЕЛО ЧЕСТИ ОМИЧЕЙ	147
ВОКРУГ ИМЕНИ ОСНОВАТЕЛЯ	162
 Коротко об авторе	 171

СИБИРСКИЙ КОРЕНЬ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Более ста лет назад Сибирь была охвачена жаркими спорами о том, по какому направлению строить железную дорогу, призванную связать центр России с тихоокеанским побережьем. Одни предлагали вести ее по направлению, где она впоследствии и была построена, - через Омск, Иркутск, южным берегом Байкала на Читу. Другие же настаивали на северном направлении, т.е. от Красноярска она должна была идти на срез северо-восточной дуги Байкала, оставляя в стороне Иркутск. И далее – к Амуру. При этом упорно доказывалось, что так будет намного короче, дешевле и меньше неудобств при строительстве.

Однако проведенные изыскания показали, что второй проект основан на полном незнании условий местности. На деле оказалось, что там и горных хребтов, и рек, и земляных работ намного больше, к тому же и длиннее на четверта верст.

Один из критиков этого проекта – полковник Волошин – не без горечи и иронии писал в 1889 году: «жаль, что храбрости инженеров часто не дают ходу показания нивелира и придирчивые требования железнодорожной техники. Триста лет тому назад мы получили Сибирь в наследство от наших предков, но до сих пор не знаем, что нам досталось. Давно пора бы разобраться в отцовском сундучке, хотя бы только для того, чтобы избавиться от несбыточных иллюзий и фантастических проектов».

Отцовский сундучок! Что это такое? Конечно же, это не только хорошее знание топографии родного края. Отцовский сундучок – это совокупность наследства, оставленно-

го нам предшествующими поколениями. Это дедовские заветы, предания и обычаи родной стороны, и богатства недр, полей и лесов. Это опыт хозяйственного освоения родного края, его культура. Это то самое наследство, которое мы не только должны как можно шире использовать в строительстве новой жизни, но и беречь как зеницу ока, всемерно развивать и приумножать.

Отцовский сундучок – это, прежде всего золотой запас нашей духовности. Это сокровище на все времена, залог нашего суверенитета перед лицом других народов и стран, свидетельство тому, что мы не голые короли и не иваны, не помнящие родства на этом свете.

Тем больше и обиднее сознавать, что богатства эти и по сей день используются нами плохо, многие из сокровищ пылятся втуне. К тому, что было недостаточно изучено раньше, добавилось очень много такого, что отвергнуто как классово чуждое и даже враждебное в послереволюционную эпоху. Сколько блистательных имен, дел, событий отечественной истории, благодаря этому, выключено из оборота нашей духовной и хозяйственной жизни!

«Мы все родом из революции» - можно слышать то здесь, то там. Верно из революции. Но родителей всегда бывает два. Вместе с материнскими генами наше общество унаследовало еще и тысячелетнюю Отечественную историю. А это значит, что мы не безотцовщина. И если это так, то стыдно не знать, не помнить своего кровного родства. Еще позорнее отрекаться от него. А ведь целые десятилетия отказывались! А теперь отречаемся от того, что было в Советскую эпоху.

Привыкли сами и приучили молодежь смотреть на все, что было раньше, как на нечто во всех отношениях плохое. Но так ли это? Так ли уж все плохо было в старой России

и в Советской России? А как же люди, народ, их подвиги, скажем, по защите Отечества на поле брани – разве они не достойны нашего глубочайшего уважения? Да и не только на поле брани. И в хозяйственных делах много такого, чего, к сожалению, нет сегодня. Прилежание, усердие, сметка, дотошность позволяли нашим предкам, нашим отцам добиваться при значительно меньших возможностях и допотопных орудиях труда более высокого качества продукции, а нередко и количества. Старая Россия, к примеру, не только сама себя кормила хлебом, она вывозила его на мировые рынки. Широко торговала маслом, салом, пушниной, льном, лесом и многими другими товарами. Даже Сибирь поставляла в Европу хлеб и масло. Причем, очень высокого качества. Теперь же мы сами во множестве покупаем это за рубежом.

Слава богу, мы, кажется, наконец-то начинаем понимать ненормальность сложившегося положения. Как и то, что надо, в конце концов, в полном объеме знать и историю своего государства. Причем не в последнюю очередь помнить историю родного края – не менее интересную и славную, быть может, в чем-то и печальную, зато во многом поучительную. Не зря же этот сундучок называется именно отцовским, что означает наследственным.

НАЧАЛО

Их не называли романтиками. Не «за туманом» и не «за запахом тайги» шли и ехали они в неведомую Сибирь.

Непрекращающиеся набеги орд сибирского ханства настоятельно требовали обезопасить восточную границу русского государства. Бороться же с ними теперь стало

легче. Несколькими десятилетиями раньше под ударами Московской Руси пало Казанское ханство. Путь на восток становился открытым.

Кроме того, к западно - сибирскому побережью ледовитого моря все внимательнее присматривались англичане и другие государства северной Европы, чьи корабли уже неоднократно пытались проникать до Оби и Енисея.

Необходимо было оградить мирное население Урала от разорительных набегов и преградить иноземцам доступ в устья великих сибирских рек.

Потребовались решительные и смелые люди. Их же России во все времена было не занимать. Достойные наследники славы отважных новгородцев, еще в XII веке ходивших «в югру и за самоядь» и веками поддерживавших с ними торговые отношения русские люди, объединившиеся под вольным знаменем Ермака Тимофеевича, не только в короткий срок разгромили главные силы «презренного царя Сибири», но и первыми обживали зауральские земли.

Это о них писал позднее А.И.Герцен: «Горсть казаков и несколько сот... мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки, в мерзлых степях... закипала жизнь, поля покрывались нивами, стадами...»

Однако «усталые кучки» далеко не всегда торопились осесть на новых землях. Многие из них упрямо шли и шли на восток, основывая по пути крепости и городки.

Воистину удивления достоин календарь закладки городов сибирских! Сроки, в кои построены они были, поражают воображение даже наших современников, привыкших к таким темпам и размаху строительства, каких не знало прошлое человечества.

Всего лишь шестнадцать лет минуло со времени боев Ермаковой дружины с полчищами Кучума, а в Приирты-

шье и Приобье уже стояли русские города: Тюмень и Тобольск, Сургут и Пелым, Березово и Тара. Более того, на далеком диком севере, среди безбрежных снегов, уже существовали Обдорск и «златокипящая государева вотчина» Мангазея. Через три года после их основания, в 1604 году, 120 казаками под командой казацкого головы Гаврилы Писемского и сына боярского Василия Тыркова был заложен Томск, через пять лет, в 1609 году, - Туруханск, в 1632 году Якутск.

Якутские воеводы отправляли служилых людей для проведывания новых земель, закладки крепостей и городов на них. Так, в 1635 году было положено начало Вилюйску, в 1644 году - Нижне-Колымску. А еще через четыре года, в 1648 году Семен Дежнев уже доносил московскому царю о следующем: «Да яз же холоп твой в прошлом году с Колымы реки послан был на твою государеву службу на новую Анадырь реку великим морем окояном... великие нужи и бедности и морские разбои принимали до Анадыри реки дошел».

До самой крайней точки материка дошел русский человек Семен Дежнев! В результате его похода в 1649 году на карте северо-восточного края Азии появился Анадырский острог. А двумя годами раньше - в 1647 году - Семеном Шелковниковым был основан Косой острожок (будущий Охотск). Эти два поселения стали отправными пунктами для разведки и изучения новых земель: Камчатки, Курильских островов, Аляски и Калифорнии.

Так всего за шестьдесят лет, на протяжении жизни всего лишь одного поколения, российские рубежи, проходившие ранее по восточному склону Уральских гор, передвинулись на побережье Тихого океана! По своей грандиозности событие это не имело ничего равного себе во всей истории человечества. Смысл его заключался не только и не столько

в умножении земель, подвластных России, а главным образом в том, что огромная страна эта и ее разноплеменное население, сильно отставшее в своем развитии от всех других народов мира, приобщалось к значительно более высокой духовной и материальной культуре.

«Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», - писал позднее Фридрих Энгельс.

Кто скажет, быть может, никогда до того так полно не проявлялся русский характер, как в годы присоединения Сибири к России. Навсегда оторванные от родных мест люди никогда, однако, не забывали своего государства. Все, что делалось ими в Сибири, все, что здесь открывалось и осваивалось, - все это приносилось на алтарь русской государственности. Результаты похода на вновь открытую реку, обнаружение в горах рудного и самоцветного камня, опыты хлебопечения, описание народов, населяющих тот или другой угол Сибири, - обо всем этом немедленно составлялись «отписки» и «скаска», которые препровождались русской администрации для принятия «зависящих решений».

Нередко эти решения тут же ими подсказывались. Во всяком подобном деле проявлялось столько государственного ума, что можно подумать, это были не рядовые казаки и мужики, сотники и десятники, а государственные деятели высокого масштаба.

Благодаря приходу русских, местное население Сибири начало мало-помалу приобщаться к земледелию и оседлости, прекратилась междоусобица. Оживилась торговля. В Сибирь хлынул целый поток товаров, которых не знало туземное население глухих углов Сибири.

В 1649 году в Енисейской таможенной избе была совершена ценовая опись товаров, привезенных из-за Урала для

продажи. Опись эта сохранилась до наших дней. Она интересна тем, что показывает, какие товары находили сбыт среди населения Сибири, как местного, так и пришлого из Руси. Вот некоторые из содержащихся в названной описи товаров: соль, крупа, порох, свинец, олово, железные и стальные изделия, серебро, кожа, икра, мед, сахар, изюм, сало, перец, воск, хмель, книги печатные, бумага писчая, свечи, зеркала, рюмки, гребни, кружева, мошны, ковры, атласы, бархат, сафьяны, кушаки, сукна немецкие, литовские и русские, холст, тафта, хлопчатая бумага, семена огородные, сети, пряжа, олифа, точильные брусы и т.д.

На товары были указаны цены. Так, например, пуд ржаного хлеба стоил две гривны, пшеничного - две с половиной, икра черная - полтора рубля пуд, красная - рубль, рюмка - гривна, гусь - алтын, пуд хороших огородных семян стоил сорок рублей, а плохих - двадцать рублей и т.д.

Как видно из этой описи, рядом с солью, крупой и сукнами, рядом с порохом, свинцом, железными и стальными изделиями во вновь открытую страну пошли книги печатные, бумага писчая и, быть может, самое главное - семена для посева.

Нельзя сказать, что до прихода русских Сибирь вообще никогда не знала никакого земледелия. Найденные при раскопках древнейших поселений зерна хлебных злаков, а также каменные мотыги, зернотерки и другие орудия труда свидетельствуют о том, что здесь еще за несколько столетий до нашей эры небольшие участки земли обрабатывались человеком. Но земледелие это было мотыжным, примитивным. Оно имело распространение в некоторых районах южной Сибири - в Минусинской котловине, на Алтае, Прииртышье, а местами и в Забайкалье.

Возможно, при других обстоятельствах Сибирь со вре-

менем и стала бы страной пахарей, но ей не суждено было сделаться таковою. Виной тому явились опустошительные набеги полудиких племен с востока, первый из них носил название «хунну», или гуннов. Вторая - еще более разрушительная лавина, прокатившаяся по Южной Сибири, известна в истории как нашествие орд Чингис-хана. Местные племена, с большим трудом кое-как научившиеся обрабатывать землю и мало-помалу приобщившиеся к оседлой жизни, вынуждены были вновь стать на долгие годы кочевниками.

О том, что у татар и других народностей Сибири не было своего хлеба, пишет, например, побывавший у них в XV веке И.Штильтбергер. «В этой стране сеют только просо и хлеба не едят вовсе», - сообщает он в своей «Книге путешествий». Однако есть свидетельства, что татары со временем также стали выращивать кое-какие из хлебных злаков. В Кунгурской лесостепи, например, упоминается, что хан Кучум уже собирал дань с некоторых своих подданных ячменем, овсом и полбой. Да и первые группы русских, перевалившие за Урал и нуждавшиеся в хлебе, «ячменя и полбы множество обретоша», - говорит Ремезовская летопись.

Но зародившееся татарское земледелие было все тем же примитивным, мотыжным. Что же касается качества сортов культивируемых злаков, то оно было очень низким. В.И.Шунков указывает, что после прихода русских в Сибирь при общем недостатке в это время хлеба для них татарский хлеб оставался нетронутым. Настолько он был плох.

Да, самым дефицитным продуктом питания для русских, когда они впервые проникли на территорию бывшего сибирского ханства, стал именно хлеб. И чем больше прибывало за Урал русских, тем острее становилась эта проблема.

Возникали все новые и новые гарнизоны во вновь построенных городах, росли торговое и ремесленнические сословия в них, увеличивалась армия промысловиков, обогащавшая царскую казну дорогими сибирскими мехами, разрастался административный корпус - все это требовало большого притока хлебных запасов из России.

Принимая во внимание бездорожье, гигантские расстояния и способы передвижения грузов через горный Урал в те годы, задача эта была не из легких. А с каждым годом она становилась еще труднее. Поэтому-то и решено было заводить на сибирской земле собственное хлебосеяние. Во всех царских указах о строительстве новых городов и острогов в Сибири обязательно давалось повеление казакам заводить рядом и пашню.

В 1604 году, например, в очередном указе строителям Томска - Гавриле Писемскому и Василию Тыркову - читаем: «И пашни в новом Томском городе промышлять». А вот наказ от 1628 года Андрею Дубенскому - основателю Красноярска: «Острог поставить..., ясак имати..., пашни завести». И так всякий раз. Через все письменные и устные распоряжения московской власти своим подчиненным в Сибирь красной нитью проходят настоятельные повеления «заводить пашни».

«В нынешнем 169 (1661) году июля шестой день, против Иркута реки на Верхоленской стороне... новый острог служилыми людьми ставлю... тут место самое лучшее, угоднее для пашен... и сенные покосы и рыбные ловли - все близко», - доносил своему воеводе основатель Иркутска енисейский сын боярский Яков Похабов. Как видим, даже и здесь, в Прибайкалье, прежде всего, руководствовались необходимостью иметь под боком хлебные посевы.

ПЕРВЫЕ СИБИРСКИЕ ПАХАРИ

К сожалению, мы не знаем имен первых сибирских целинников. Но ответить, когда приблизительно и откуда они прибыли в Сибирь, можно. Для этого нам надо будет мысленно перенестись за Урал, в те достопамятные места, где реки Сухона и Юг образуют Малую Двину, а последняя после слияния с Вычегдой становится Двиной Северной. Именно здесь, в придвинских селах и деревнях была набрана и затем из Соли Вычегодской отправлена в Сибирь первая партия крестьян для заведения «государевой пашни».

В указе царя Федора Ивановича, датированном 1590 годом, читаем: «Выбрати в Сибирь на житье тридцать человек крестьян с женами, детьми и со всеми их животы. А у всякого человека было бы по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пять овец, да по двое гусей, да по пятеру кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь, а на подмогу им дати по двадцать пять рублей человеку».

Благодаря сохранившемуся указу, мы знаем теперь не только условия и экипировку, но и точную дату отправки той группы крестьян за Урал.

Однако утверждать вполне определенно, что это была самая первая партия русских хлебопашцев, перевалившая за Каменный пояс, затруднительно. Вполне возможно, что самыми первыми были крестьяне, посланные не царем, а Строгановыми. Дело в том, что именно здесь, в Соли Вычегодской, находилась в то время главная вотчина богатейших в Московском государстве хлеботорговцев и солепромышленников. В 1515 году завел здесь первую солеварню и пашни один из основателей знаменитого рода - Аника

Строганов с сыновьями. Их владения быстро расширялись. В 1558 году Строгановы получили жалованную грамоту Ивана Грозного на «Камские изобильные места», а в 1574 году и на земли, расположенные по рекам Туре и Тоболу в Зауралье, фактически еще подвластном Кучуму.

Вот почему трудно допустить, что предприимчивые люди эти, помогавшие снарядить отряд Ермака против «презренного царя Сибири», не попытались воспользоваться результатами успешного похода. Упустить завоеванное было не в характере цепких промышленников.

Во всяком случае, в Сольвычегодском краеведческом музее есть записи о том, что богатые вотчинники заводили пашню за Уралом. Но поскольку в этих записях нет точных указаний на время и место, трудно ответить со всей определенностью, где и когда были произведены подобные заселения.

Неясности эти, однако, распространяются лишь на то, какая из отправленных в Сибирь партий крестьян была самой первой. Что же касается места, откуда они были посланы, то это известно давно: они отправлялись за Урал из Соли Вычегодской.

А почему же именно из Соли Вычегодской? - может спросить читатель. - Почему, скажем, не из Владимира, Ярославля, Суздаля или Нижнего Новгорода, расположенных ближе к Сибири и несравненно лучше развитых в сельскохозяйственном отношении, чем далекий северный городок на Вычегде?

Можно попытаться ответить и на этот вопрос. Во-первых, надо иметь ввиду, что в ту пору пашня заводилась пока лишь в районах Тюмени, Тобольска и Туринска. Природные ж условия последних более соответствовали окрестностям Соли Вычегодской, чем расположенных зна-

чительно южнее Владимира и Ярославля, либо Суздаля и Нижнего Новгорода. Потому-то и решено было набирать крестьян для отправки в северных районах Московского государства. Больше было надежды на то, что они быстро приживутся и освоятся в далекой холодной Сибири.

А во-вторых, еще не существовало в те времена наезженных путей в Сибирь по линии Москва-Владимир-Нижний Новгород. Основные пути лежали много севернее. Они шли из Москвы на Вологду, а оттуда по Сухоне через Тотму и Великий Устюг до Соли Вычегодской и далее уже по Вычегде до бассейна Печоры или сухопутьем через Чердынь и Соликамск вели почти к самому подножию Уральского хребта, а, перевалив последний, приводили к речной системе Оби и Иртыша.

Естественно, что всего удобнее и дешевле было набирать партии крестьян для переселения не в стороне, а на самом пути в Сибирь. Причем не просто на пути, а в тех местах, которые были на нем всего ближе расположены к Уралу и Сибири.

Однако, чтобы не оголить сольвычегодскую и окрестные вرخнедвинские пашни, крестьян отбирали не подряд, не всех, кто изъявлял желание переселиться на вольные сибирские земли, а выборочно, понемногу от каждого села, по принципу: «от отца сына, от брата брата и от соседа соседа». Желающих было значительно больше, чем разрешалось, и потому многие крестьяне, особенно в голодные годы, уходили в Сибирь сами без разрешения и без «подъемных», на собственный страх и риск. Волостные писцы нередко вынуждены были отмечать в книгах своих: «Сбрел от хлебной скудности в сибирские города».

Но Соль Вычегодская в те годы была не только местом, где набирали крестьян для переселения и откуда многие

бежали в Сибирь сами. Это был город-база, город-склад, ежегодно поставлявший за Урал многие товары для казенных надобностей и в первую очередь продовольствия. Так, в 1596 году, читаем мы в писцовой книге, с Соли Вычегодской было отправлено в Сибирь только хлебных запасов 854 четверти муки ржаной, 108 четвертей круп и более 100 четвертей толокна.

Отсюда же бесконечным потоком отправлялись в сибирскую тайгу за соболями, куницами и горностаями промысловики. Сибирь манила к себе многих. Отправлялись туда не только охотники, но и мастера по выварке соли, рудознаты. Шли холмогорцы, устюжане, пинежане, жители вначале добирались до Соли Вычегодской и уже оттуда, объединяясь в небольшие ватажки, а чаще по два-три человека отправлялись в неведомую Сибирь на поиски счастья.

Но даже и те, кто оставался на месте, жили Сибирью и для Сибири. На посаде не умолкая, звенели десятки наковален. Здесь ковались для отправки в Сибирь топоры, серпы, косы, ножи, дверные снаряды (скобы, замки, ключи, пробой), а также судовые снасти. Работали многочисленные заведения по изготовлению теплой одежды, шапок, рукавиц, кушаков, сапог, валенок. Со всеми этими товарами ежегодно отправлялись обозы в Сибирь, где спрос на них был большой, особенно на изделия из металла.

Это был, кроме всего прочего, торговый город. На все Московское государство славился он пушными ярмарками. Сюда каждую осень возвращалась часть сибирских промысловиков. На встречу с ними съезжались купцы из всех русских городов и даже из-за границы.

Ярмарка была узаконена царским указом: «Велено иногородним и всяким торговым людям торговать и сибирских выходов с мягкой рухлядью и со всякими товары

дождаться у Соли на посадe». О размахе торговли говорят сохранившиеся в таможенных книгах записи: крестьяне Юрьева наволока, говорится в одной из них, - Степан Антипин да Степан Сидоров привезли из Сибири в 1654 году мехов на двух лошадях и продали товару на 1030 рублей (сумма по тем временам огромная). В 1652 году, - сообщается в другой, - крестьянин Быстро-Курского стану Корнило Хабаров, выйдя из Сибири, «явил мягкой рухляди: двадцать сороков соболя (1120 штук), 11 бобров и двадцать лисиц».

Давно это было. Ветры четырех столетий пронеслись с тех пор над нашей древней страной. Многое из рассказанного здесь миновало навеки. Но не загдох хлебоборбский корень в Сибири. Напротив, укрепившись, он богатырски раздался вглубь и вширь. О том и пойдет наша речь впереди.

ПРО УДАЛЫХ УСТЮЖАН

Роль Верходвинья в заселении и освоении Сибири велика и почетна. С течением времени, однако, с Солью Вычегодской и Краснообском в сибирских делах начинает соперничать расположенный по соседству с ними Великий Устюг.

Не много на Руси есть городов, которые могли бы потягаться старинной славою с Великим Устюгом. Его особая роль в отечественной истории закреплена уже в самом названии. Напомним, что кроме него всего лишь два города на Руси именовались великими: Ростов и Новгород.

Он был основан в 1147 году, и следовательно, является ровесником Москвы. Но с последней его роднит не один лишь год основания, а и общая судьба. В свое время в длительном и непримиримом единоборстве Москвы с

Новгородом, стремившимся закрепить за собою все земли, простиравшиеся к востоку и северу от Вологды, Великий Устюг, стоявший на границе спорных территорий, всегда держал руку Москвы.

Как свидетельствуют устюжские летописи, город обладал самоуправлением, в нем было свое вече, на котором и решались все общественные дела. Расположенный на реке Сухоне при впадении реки Юг (отчего и получил название Устюг - Усть-Юг), он со временем оказался в самом центре торгового перекрестка. Пути из Великого Устюга по Сухоне вели на Вологду и Москву, по Северной Двине - на Архангельск и Белое море, по Югу - на верховья притоков Волги, а по Вычегде - в бассейн Печоры, на Урал и далее, в сибирские земли.

Историки утверждают, что в ХУ1-ХУП веках ни один из северорусских городов не торговал так широко, как Великий Устюг. Согласно сотной книге тех лет, здесь числился гостиный двор и восемь торговых рядов, а в них 242 лавки. Кроме того, в городе было десять винокурен.

«Главным своим торгом и цветущим по одному состоянию Устюг должен Сибири», - говорится в одной из старинных книг. Здесь, как и в Соли Вычегодской, существовал пушной торг и были хорошо развиты ремесла. Одних только кузниц тут шестьдесят восемь. В них изготавливали для нужд Сибири сохи-ральники, топоры и подковы, серпы и косы. В городе существовали большие хлебные склады, поставлявшие в Сибирь зерно и муку.

Но самое главное, что поставлял Сибири этот замечательный город и его уезд, были смелые отважные люди, в которых так нуждалась только что присоединенная к России огромная страна. Отсюда вышла целая плеяда героев-землепроходцев, людей, чьи имена по праву ныне украша-

ют карту Родины. Они открывали «неведомые землицы», прокладывали пути сообщения, исследовали и обживали свое новое отечество.

Одним из первых в этом списке стоит имя Ерофея Павловича Хабарова. В Сибири он появился в 20-х годах ХУП столетия. Поначалу вместе с братом своим Никифором промышлял пушного зверя в районе Мангазеи и на Таймыре. Но затем крестьянская закваска взяла в нем верх, и он осел на земле. Местом поселения были избраны верховья Лены (на Усть-Куте). В 1632 году он начинает проводить там «каков хлеб родитца». А, насмелившись, «пашни многие распахал и мельницы устроил». К 1641 году у него насчитывалось уже двадцать шесть десятин земли.

Если бы Ерофей Павлович Хабаров ничего больше не сделал в своей жизни, то и тогда его имя бы осталось в сибирской истории. Достаточно сказать, что там, где он выращивал в первой половине XVII века довольно приличные урожаи, даже в наши дни хлебопашество из-за сурового климата нельзя назвать процветающим.

Однако главное дело Хабарова было еще впереди. Он отправился на него через семнадцать лет после того, как предпринял первые опыты хлебопашения на холодных ленских берегах.

В 1649 году в сопровождении небольшой ватажки людей он выступил из Якутска в загадочную землю, что, по слухам, лежала на великой реке Амуре, где до него побывал один лишь В.Д. Поярков. Отправился по собственной инициативе на «собственный кошт». И он достиг этой земли и в 1651 году заложил здесь первую русскую крепость Албазин, а сам, понимая, какое значение может иметь в будущем для его страны великая водная артерия, на которую он вошел, решил тщательно обследовать ее. С верхо-

вьев он спустился до устья реки Уссури, нанеся при этом на подробном «Чертеже реки Амуру» все необходимые данные для характеристики, как самого русла, так и притоков и прилежащей местности. На основании доклада Ерофея Павловича якутский воевода писал московскому царю: «... тебе, государь, будет прибыль большая и в якуцкой, государь, острог хлеба посылать будет не надобно, ... что та земля будет прибыльнее Лены, а сказывал он, Ярко Хабаров... что и против всей Сибири место в том украшено и изобильно».

Через два года Ерофей Павлович совершает еще один поход через Амур. На этот раз он заложил зимовье ниже нынешнего Хабаровска. Походы его имели огромное значение для освоения русскими бассейнами Амура и способствовали закреплению за Москвой всего левобережья Амура с бассейном Зеи.

Прямым следствием походов Хабарова явилось массовое переселение на Амур русских крестьян. Вскоре по всей реке вытянулись новые поселения - острожки, деревни, заимки. К 80-м годам ХУП столетия, то есть уже через тридцать лет после первого похода Хабарова на Амур, здесь насчитывалось уже большое количество десятин пашни и существовало целое Албазинское воеводство. Только в непосредственной близости Албазинской крепости жило свыше пятисот крестьянских семей.

Счастлив человек, крепко и навсегда связавший свою судьбу с судьбой отчизны, кто был полезен ей в поворотные моменты истории. Память о нем не тускнеет с веками. Именно такая судьба выпала Ерофею Павловичу Хабарову.

Вторым из знаменитых устюжан следует назвать здесь Семена Ивановича Дежнева, человека, с именем которого связано одно из величайших в мировой географии откры-

тий*. В 1648 году семь русских кочей вышли из Нижне-Колымска, чтобы пройти Анадырь-реку «великим морем-окияном».

Несмотря на то, что, на беду навигаторов в проливе, носящем теперь имя Беринга, утлые суденышки застигла страшная буря, и большинство участников похода погибло, коч Семена Ивановича Дежнева достиг цели. Отважный мореход высадился в районе Анадыри, доказав тем самым существование пролива, соединяющего Студеное море с Тихим океаном.

Он рубил городки и остроги,
Строил струги, ладьи и кочи,
Через тундру торил он дороги,
Службу нес из последней мочи.
Был он в службе пешей и конной,
В службе санной, лыжной и стружной,
Вел ладьи по хляби бездонной,
Шел он пустошью снежной и выюжной.

Так писал в «Песне про Атамана Семена Дежнева» поэт Сергей Наровчатов.

За долгие годы своей многотрудной службы Семен Иванович Дежнев снискал славу человека честного и надежного. Не случайно ему не раз давались самые ответственные поручения по доставке в Москву множества сороков

---

*Доктор исторических наук М.И. Белов, однако, на основании найденных им документов доказывает, что С.И. Дежнев родился не в Великом Устюге, а на реке Пинеге. В Устюжане, тем не менее продолжают считать знаменитого землепроходца своим земляком.

мягкой рухляди и моржовой кости, а на обратном пути в Якутск и Нижне-Колымск - государева жалования служилым людям. За долголетнюю и безупречную службу Семен Дежнев был поверстан в Москве вместо сотника сразу в казачьи атаманы. В 1673 году он последний раз привез в столицу «соболиную казну» и больше на восток уже не возвращался.

Следующим из удалых устюжан надо отметить Владимира Васильевича Атласова, доставившего Москве первые достоверные сведения о Камчатке, хорошо им изученной и пройденной вдоль и поперек. На цареву службу Атласов был взят в 1695 году в Якутске. Получив назначение «прикащиком» в далекий Анадырьск, он в том же году отбыл на место своей службы. Однако в указанном ему городе долго не просидел - уже на следующую весну, прослышав о неведомой стране Камчатке, он отправился со ста двадцатью казаками для «прииска новых земель» с целью присоединения их к Москве. прослышав о неведомой стране Камчатке, он отправился со ста двадцатью казаками для «прииска новых земель» с целью присоединения их к Москве.

Исследовав Камчатский полуостров, Атласов заложил здесь несколько зимовий, а также Верхне-Камчатский и Нижне-Камчатский остроги.

Кроме того, он подробно описал реки, горелые сопки (вулканы), животный мир и быт местного населения. «Скаски» Владимира Атласова явились первыми достоверными сведениями о Камчатке. Кроме того, они содержали новые сведения о Чукотке, Аляске, Курильских островах и даже Японии.

В начале 1701 года Атласов ездил в Москву, где лично докладывал в Сибирском приказе о походе и комментировал свои «скаски». К этому же времени относится и его

челобитная на имя царя Петра I. «...Милосердный великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержец, пожалуй меня, холопа твоего, за те новоприисканные землицы и за збор твоей, великого государя, ясачные казны и за всякое нужное терпение и за раны вели, государь, мне дать жалования... Володька Атласов руку приложил».

Петр I не оставил просьбу Атласова без внимания. Вознаградив его прилично за «нужное терпение и раны», произвел его еще и в чин казачьего головы.

Трудно сказать, сколько их, устюжан, было в Сибири всего. Одно можно утверждать с полной определенностью: очень много. В старых писцовых книгах можно обнаружить не одну запись, свидетельствующую о том, что вследствие массового переселения местных жителей в Сибирь в Устюжском уезде «учинилась великая пустота». Сибирские воеводы почти ежегодно выписывали из Великого Устюга опытных мастеров-ремесленников, кузнецов, плотников, судостроителей, оружейников и т.д.

«В Сибири без устюжан никакое дело не ладится», - говорила старая пословица. Среди них и выходцев из соседних с Устюгом городов были хлебоборы, рудознаты, морепроходцы, картографы, администраторы. Мы встречаем их имена не только в Енисейске и Якутске, на Амуре и на Камчатке, но и на Аляске (И.Коробицын, М.Булдаков), на Калифорнийском побережье Русской Америки (И.Кусков), на побережьях Северного Ледовитого и Тихого океанов (В.Шилов, Н.Шалауров), на Алеутских островах (М.Неводчиков) и во многих других дальних местах.

Великие дела предков новыми поколениями устюжан не забыты. Имена землепроходцев и мореходов носят ныне

улицы не только самого Великого Устюга, но и окрестных сел и деревень. Они присвоены местным библиотекам, пионерским отрядам, клубам и кинотеатрам. О том же свидетельствуют и памятники, установленные здесь.

Один из них сооружен в 1971 году. Собственно, это даже не памятник, а целый скульптурный комплекс. Место для него было выбрано наиболее почетное в городе - под стенами древнего Успенского собора - немого свидетеля героического прошлого Великого Устюга.

В центре скульптурного комплекса высится фигура одного из наиболее почитаемых здесь героев - Семена Ивановича Дежнева. На некотором расстоянии за ней установлена бетонная стела со старинным гербом Великого Устюга, изображающего водолея в образе старца, льющего воду сразу из двух сосудов. (Образующийся водный поток символизирует начало Малой Двины). Рядом размещены отлитые в металле имена других героев-землепроходцев и мореплавателей. Напротив каждого имени указаны даты открытий, сделанных ими в Сибири. Там значатся, кроме уже упоминавшихся Е.Хабарова и В.Атласова, имена Ф.Попова - сподвижника С.Дежнева по их совместному плаванию вокруг Чукотского Носа; М.Неводчикова, ходившего в плавания вместе с В.Берингом и А.Чириковым, первооткрывателя ближних островов Алеутской гряды; А.Бахова - отважного морехода-североморца; Н.Шалаурова - одного из пионеров освоения Северного морского пути, наряду с А.Баховым составителя карты северо-восточных морей; В.Шилова - камчатского землепроходца, замечательного картографа.

Тут же выбиты слова стихотворения устюжского уроженца, а ныне ленинградского поэта Н. Кутова:

От этих берегов к иным
широтам
Шли в неизвестность
смелых корабли,
Как в наши дни уходят
звездолеты
От космодромов –
пристаней Земли.

Исполняющееся 400 - летие начала хозяйственного освоения зауральских земель обязывает нас вспомнить всех, кто, презирая страх, стремился в неизвестные сибирские широты, изучал их, наносил на карту, составлял свои бесценные «отписки» и «скаска» и, быть может, самое главное - проведывал там, «каков хлеб родитца».

«... И СТОЛЬНОЙ НАРЕЧЕСЯ ГРАД»

В предыдущих главах рассказывалось о том, откуда и когда отправлялись первые хлебопашцы и промысловики в Сибирь. Теперь пришла очередь рассказать куда, в какие места прибывали они, где находили приют, где оседали на жительство после того как, перевалив Уральский хребет, спускались на сибирскую равнину.

К моменту прибытия в Сибирь первых партий крестьян, промысловиков и ремесленников здесь уже стояли небольшие русские города, располагавшие, хотя немногочисленными, но надежными гарнизонами, способными обеспечить безопасность нарождающегося русского населения, держать под охраной основные пути передвижения. Московское правительство, стремясь закрепить за собой

новоприобретенные на Востоке земли, направляло в Сибирь специальные отряды для закладки укрепленных поселений.

Где и когда они были основаны? Самым первым из сибирских городов была заложена Тюмень. Поскольку главный путь в Сибирь в те далекие годы пролегал в Зауралье по реке Туре, то, естественно, именно на ее берегах (на месте развалин татарского городища Чимги-Тура) и был заложен самый первый русский город.

Кунгурская летопись от этом повествует так: «Лета 7093 (1586) посланы воеводы с Москвы Василий Борисов Сукин да Иван Мясной да письменный голова Данило Чулков с тремя сты человек, поставиша град Тюмень июля в 29 день, еже Чемги слых...»

А было это вскоре после гибели Ермака. Время все еще было беспокойное. Хотя Кучума изгнали из его столицы Искера, оружия он не сложил. Обозленный, подобно раненому зверю, рыскал он в Приобье, выжидая удобного случая, чтобы отомстить за поражение свое.

В августе 1584 года ему удалось застать врасплох отряд Ермака и погубить его. Так же коварно ханским музой Карачой был заманен в ловушку и уничтожен отряд Ивана Кольцо.

В бывший татарской столице в это время сидел князь Сеид-Ахмат, на сторону которого перешла часть бывших кучумовских мурз, в том числе и хитрый Карача. С их помощью новый правитель пытался закрепиться на ханском престоле.

С большим поспешанием возводился первый сибирский город. И как только он утвердился на берегах Туры, то сразу же одному из его строителей - письменному голове Даниле Чулкову - было поручено возгла-

вить новый отряд, в задачу которого входило поставить еще один город. На этот раз уже не на Туре и даже не на Тоболе, а на «велицей горе» Алафейской, на правом берегу Иртыша.

Дело это было очень рискованное, поскольку выбранное для города место находилось всего в 30 верстах от ханской столицы - Искера, где сидел, внимательно следивший за действиями русских, Сеид-Ахмат. Последний хотя и не осмеливался заступить им дорогу, однако же и не выказывал своего лояльного отношения. Он вынужден был смириться с русским городом на сравнительно отдаленной Туре, но было неизвестно, как он отнесется к закладке нового города на Иртыше, рядом с Искером.

Даниле Чулкову - было поручено, возглавить новый отряд, тщательно продумав предстоящее дело. Опасаясь враждебных акций со стороны татар, боясь, что они не дадут времени и возможности нарубить достаточного количества лесу и доставить его к месту строительства, прибывший к горе Алафейской отряд сходу разобрал дощаники, лабды и лодки, на которых сплавлялся по Туре и Тоболу, и из этого леса спешно принялся возводить крепостные стены. Бревна подтаскивались из соседнего бора.

Город был возведен в кратчайший срок. В течение месяца были не только сооружены крепостные стены, но и закончена и освящена церковь. Интересно отметить, что в строительстве города на Иртыше приняли участие сподвижники Ермака во главе с атаманом Матвеем Мещеряковым.

Ордынцы, что называется, и глазом моргнуть не успели, как по соседству с их столицей уже красовался с церковными маковками «ладейный град», прозванный так потому, что на его сооружение, как уже говорилось, пошли разобранные лабды. Официальное же его название стало

Тобольск, поскольку расположен был напротив устья реки Тобол. А было это в лето 1587-е.

Но по-прежнему оставалась угроза татарского нападения. Было ясно, что рано или поздно, а стычки с ними не миновать. И тогда Данила Чулков решился на хитрость. Он заманил к себе на новоселье князя Сеид-Ахмата. Вместе с князем в город вошла личная охрана. Многочисленное же татарское воинство осталось за воротами. И тут Данила Чулков арестовал своих гостей.

Как повествует Черепановская летопись, «оставшиеся за городом татары, слыша, что князь их и его товарищи взяты под караул, а татары в городе побиты, не искали способу, чтоб своего государя свободна учинить, но только нашли дороги в разные места для сохранения своего живота бежать и имели за собой гонящего страха столько, что и в город свой не возвратились».

С тех пор в бывшей кучумовской столице уже никто не жил, и «вместо царствующего города Сибири (Искера), Тобольск - новый град старшинство прия и стольной наречеся град».

Имел ли право Чулков воспользоваться хитростью против татар? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, как коварно и жестоко они поступали сами, например, с отрядом Ермака, как хитро они устроили засаду Ивану Кольцо с товарищами (именно тот самый Карача, оказавшийся теперь пленником Чулкова). Тобольский воевода поступил по правилам, предложенным ранее самими же татарами. Но он не убивал и не издевался над своими пленниками, а отправил их в Москву, где они были приняты царем, получили надель и безбедно жили, пользуясь многими привилегиями, как знатные люди.

В Сибири же после этого появилась возможность спо-

койно строить новые города, развивать земледелие и ремесла. Начиналось хозяйственное освоение края.

Первыми местами поселения русских крестьян были окрестности городов Тюмени, Тобольска, а чуть позднее Туринска и Верхотурья. Именно эти места явились колыбелью сибирского хлебопашества. Отсюда оно постепенно распространилось уже по всей Сибири.

Трудно развивалось оно на первых порах. Часто не доставало семян, не хватало тягла. Особенно трудно было в 1603-1604 годах, когда в Сибири случился сильный падеж скота, и многие крестьянские хозяйства остались без лошадей и быков. Об этом свидетельствуют документы тех лет. В царской грамоте на имя тюменского головы Алексея Безобразова от 5 декабря 1604 года говорилось: «... мы писали в Казань, велели купить 300 быков и велели отослати в сибирские города для пашни. Да с Казани ж и со всех понизовных городов велели татаром и черемисе ийти в сибирские города со всякой животиной; а в которой они город придут и учнут лошадей и всякую животину продавати, и мы с них пошлин никаких имать не велели. И как к тебе ся грамота придет, а из Казани боярин наш и воеводы князь Иван Голицын с товарищи быки пришлют, и ты б те быки роздал пашенным крестьянам и служилым людям, кому пригоже... А будет которым крестьянам быков купить нечем, и ты бы покупал быки для нашей пашни и наши деньги и давал крестьянам... И велел бы еси Микифору Емельянову над крестьяны смотреть... чтоб нашу пашню ухахивали на мягко, и семяны не корыствались и высевали сполна... и только Микифоровым небрежением нашей пашне учинится какая проруха, а хлебу какая истеря, и ему за то от нас быти в великой опале».

Конечно же, доставить срочно по тогдашнему бездорожью 300 быков из Казани в Тюмень было делом не легким. Но не находилось другого способа, чтобы хоть немного пополнить тягловую силу для зарождающегося сибирского крестьянства. Надежда на то, что черемисы и другие народности Поволжья будут пригонять скот для продажи в Сибирь, было немного. Впрочем, один способ был - покупать лошадей у местных татар и приезжих ногайцев и бухарцев. Перед нами грамота царя Федора Ивановича от 31 августа 1596 года воеводе князю Григорию Долгорукову: «Как к вам ся наша грамота придет, а которые будут бухарцы с товары или нагаи с лошадьми торговые люди учнут к вам приезжать, и вы б тем бухарцам и нагайцам торговым людям велели с нашими русскими людьми и с юртовскими и с ясашными татары на Тюмени торговать беспошлинно... И береженье к ним и ласку держали великую, и обиды б им насильства никоторого не было, чтоб им впредь повадно было со всякими товары приезжати».

Тут мы видим уже не только попытку увеличить поголовье рабочего скота в Сибири путем покупки его у ногайцев, но и желание наладить торговлю с жителями соседних владений, бухарцев и ногайцев, стремление заложить основы политики добрососедства и уважения между народами, населяющими огромную страну за Уралом.

Что же касается Тобольска, ставшего стольным градом Сибири, то он продолжал строиться, быстро росла и ширилась его слава. Со временем он обзавелся белокаменным кремлем, стал не только местопребыванием главной сибирской администрации, но и подлинным центром постепенно налаживающейся культурной жизни Сибири.

ТАРА

Возведение в 1587 году на высоком иртышском берегу Тобольска положило начало хозяйственному освоению зауральских пространств, основными направлениями которого были пушной промысел и заведение земледелия. Как уже было сказано, основная масса первых сибирских пахарей оседала вокруг возникающих городов, промысловики же более северными путями через Пелым, Березов, Обдорск стермились в Мангазею и в низовья Енисея, богатых пушным зверем.

И только южнее и восточнее Тобольска все еще было неспокойно. В среднем Прииртышье и Приобье еще бродили сильные отряды и группы разбитого татарского войска во главе с самим Кучумом.

Для окончательного искоренения мятежных сил свергнутого сибирского царя в 1594 году в четырехстах верстах южнее Тобольска на Иртыше был заложен еще один русский город - Тара.

Возведенная по указу царя Федора Ивановича с повелением «Кучума истеснить», Тара с честью справилась со своей задачей. Под ударами тарских ратников недобитый дружиной Ермака Кучум навсегда сошел с исторической арены.

Это именно тарчане восторженно чествовали на своей главной площади героев-победителей с Андреем Воейковым во главе, далеко на юг прогнавших «презренного царя Сибири» и доставивших в своем обозе из Барабы богатые трофеи и много пленников, в числе которых были восемь жен хана Кучума, пять его сыновей и восемь дочерей. Сам хан успел унести ноги, но оправиться после этого он уже больше не смог.

Отдельные группы разбитого татарского войска долго еще бродили в Приобье, беспокоя русских, но сделать они уже ничего не могли. «Град Тарский», - говорится в «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, - служил неодолимой твердыней от всяких бывших кучумовских гнусников».

Кроме того, Тару по праву можно назвать матерью многих деревень, слобод, сел и даже городов среднего Прииртышья. Это после нее начали появляться крепости и станцы вверх по могучей сибирской реке Иртышу. И даже большая Омская крепость долгое время находилась в ведении города Тары.

В указе Федора Ивановича после главных задач тарчанам: «пашню завести и Кучума-царя истеснить» была названа еще одна: «и соль устроить». Солью было богато Ямышевское озеро, что стояло в восьмистах верстах выше Тары по Иртышу. Туда и отправляли караваны дощаников тарские ратные люди. Солью, добытой на «Ямыш-озере», они снабжали тогда всю Сибирь. Ее выдавали служилым людям в счет жалованья. А соль та была, по словам летописца «зело чиста аки снег, яко лед ясенец, солка вельми и сладка».

Сначала заселялись окрестности Тары. Потом стали появляться селения выше по реке. Одна за другой возникали слободы - Бергамакская, Такмыкская, Чернолуцкая, деревни - Карташова, Качесова, Пустынная, Серебряная, станцы - Ачаирский, Черлакский, Атмасский, крепости - Омская, Железинская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская.

Так шаг за шагом осваивал русский люд прииртышские земли. Шли десятилетия, ширилась слава мирного града Тарского. Со всех сторон стали приезжать сюда без опаски

купцы с товарами даже из далекой Джунгарии, Бухары и других восточных стран. В городе шел большой торг. Это о нем писал поэт:

Знаменита Тара товарами,
На востоке и западе чтима,
Деревянными тротуарами
Люд торговый шагает чинно.

А за высящимися заборами
По закрытым замками лабазам -
Шелк, парча с мехами собольими,
Плюш и хна и ковры с атласом...

Славе родного города способствовали и многие из тарских жителей, находившихся на государственной службе. Тарский сын боярский Иван Перфильев, например, в 1659 году был удостоен чести возглавить одно из самых первых русских посольств в Китай. Он вез грамоту царя Алексея Михайловича богдыхану и должен был постараться убедить китайский двор в великой пользе для обоих соседних государств наладить торговые отношения и не мыслить друг против друга зла.

Кроме общей задачи было велено ему хорошо проводить путь в Китай и попытаться установить, какие именно русские товары найдут в Китае спрос и какие можно будет закупать там для продажи в Москве и Сибири, и какую при этом можно получать прибыль. Узнать также, делают ли китайцы шелковые ткани сами или их к ним привозят.

При отъезде Ивану Перфильеву было выдано для опыта 750 рублей, на которые он набрал разных предметов для продажи. Расторговавшись в Пекине, он истратил вырученные деньги на закупку китайских товаров, реализация

которых в 1662 году в Москве дала ему уже 1057 рублей. Таким образом, поездка И.Перфильева принесла посылавшему его царскому двору чистого дохода 300 рублей.

Интересно отметить, что среди других товаров тогда впервые были привезены на Русь 10 пудов чая. Закупки последнего в Китае становятся потом традиционными.

Была у Тары и другая слава. С некоторых пор слыла она среди сибирских городов непокорной и строптивой. Поводом к этому послужило тарское восстание 1722 года, вспыхнувшее в ответ на указ Петра I о единонаследии. «Не похотя быть у присяги» той, тарчане оказали открытое неповиновение царю.

Взбешенный неслыханной дерзостью жителей маленького сибирского городка, Петр I поручил вице-губернатору Петрово-Соловово произвести расследование на месте и сурово наказать ослушников. Кара была жестокой. «Овии бичи бия, овии за руки повесив, овии же огнем опаляя». Особенно бесчеловечной была расправа с раскольниками. Их жгли и мучили до смерти. Многие из них бежали в леса, где строили срубы и сами сжигались в них. Около девяноста человек было сослано на каторгу. Почти все население города было сечено кнутом «мужеска полу по сту, а женска - по пятьдесят ударов».

Были в Таре и другие случаи неповиновения государственной воле. Так, например, тарские жители открыто оказывали гонимым Николаем I на вечную ссылку в Сибирь декабристам радушный прием и отеческую заботу во время их проезда через город. Личный пример в этом показывал тарский городничий Степанов. Жандармам, пытавшимся припугнуть местного градоначальника напоминанием о Николае I, Степанов отвечал: «В Таре - я Николай I».

Много с тех пор в Иртыше воды утекло. Но тарчане не

забывают славной истории своего маленького городка, добрых дел своих дедов и прадедов, хранят ратные и трудовые традиции. Потомки основателей города - воина, заложённого в конце XVI века, не раз отличались в боях за Родину и позднее. Широко известны в Сибири боевые дела тарских партизан. Столь же самоотверженно тарчане дрались на полях Великой отечественной войны. Четверо из числа жителей маленького городка были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Не меньшую доблесть снискали тарчане - труженики. Как мы помним, одной из главных задач основателям Тары велено было завести пашню. Хлеб в этих краях сеется и поныне. Тарчане признанные мастера высоких урожаев. Так, даже в очень трудном по погодным условиям 1981 году, они собрали в среднем по 17 центнеров зерна с гектара. Тот исторический факт, что самая первая борозда в среднем Прииртышье была проложена именно здесь, в окрестностях Тары (у села Чекрушево), составляет предмет особой гордости новых поколений тарчан.

ВЕРХОТУРЬЕ

Если вопрос известной песни «С чего начинается Родина?» несколько переиначить и спросить кого - либо о Сибири, с чего она начинается, то, наверное, редко кто ответит на это сразу.

Один, подумав, скажет: «Ну, как с чего? С подножия восточных склонов Уральского хребта. Точнее с Тюмени, если ехать по северной дороге. А если по Южно-Уральской, то с Кургана». Другой, вспомнив про знаменитые столбы «Европа - Азия», станет утверждать, что Сибирь начинается от них, то есть, опять - таки, если ехать по северной до-

роге, то километрах в восьмидесяти от Свердловска, а если по Южно-Уральской, то у Златоуста.

«Ничего подобного!» - возразит на это третий. «Не только Свердловск со Златоустом, но даже Курган Сибири не принадлежит. Эти города и области относятся к Уралу. Сибирь же начинается с Омской и Тюменской областей».

Так, где же она, наша великая Сибирь, начинается?

Вопрос и впрямь не так прост, как может показаться с первого взгляда. Ответ на него зависит от того, какой подход избрать для решения. А их, по крайней мере, существует три: административно - хозяйственный, географический и исторический.

По административно-хозяйственному делению Курган действительно входит в Уральскую зону, составляет часть Уральского экономического района и, следовательно, к Сибири отношения не имеет. Напротив, при географическом подходе к вопросу Курганскую область часто относят не к Уралу, а к Западной Сибири. Так же считают работники сельского хозяйства, включающие в Западно-Сибирский регион, кроме Курганской и Тюменской областей, еще и часть Челябинской.

А как же было в прошлом? Что говорит на сей счет история?

В прошлые века, отвечает она, эти границы были еще шире. К Сибири относились не только территории теперешних Тюменской, Курганской и частично Челябинской областей, но и почти половина Свердловской области (в частности, районы Верхотурский, Туринский, Ирбитский, Тавдинский и другие). Половина уральцев именovala себя сибиряками. Не случайно такой типично писатель, как Мамин, живший уже в сравнительно недавнее время, носил псевдоним «Сибиряк».

Наиболее заметную роль среди сибирских административных центров в свое время играл город Верхотурье, стоящий, как видно из самого названия, в верховьях реки Туры, на территории нынешней Свердловской области. Официально считалось: «Первый сибирский град - Тобольск, а второй - Верхотурье».

Когда и как он возник? Прочему ему отводилось столь высокое положение среди всех местных городов - Тюмени, Тары, Пелыма, Березова, Томска, Енисейска, Красноярска, Иркутска? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо вспомнить те изначальные пути, по которым осуществлялись связи русского государства с вновь осваиваемыми сибирскими землями.

Известно, что до похода Ермака с дружиною в Сибирь никаких налаженных путей сообщения через Югорские (Уральские) горы не существовало. Поэтому сразу же после успешно завершившегося присоединения Сибири к русскому государству во весь рост встал вопрос об удобных путях сообщения и способах передвижения в Сибирь и обратно.

На первых порах таким путем стало направление через Вишеро-Лозьвинский волок, проходившее по Каме до верховий ее левого притока - Вишеры. Затем пешим способом или на лошадях через Уральский хребет до верховий реки Лозьвы, по которой путь продолжался теперь уже вниз до реки Тавды, затем по Тавде, Тоболу до города Тобольска и далее.

Дорога эта была окольна, следовательно, длинна и трудна, и потому с самых первых дней ее существования начались поиски более короткого и более легкого пути в Сибирь. Он был, наконец, найден, в 1597 году неким Артемием Бабиновым, почему впоследствии и получил название Бабиновского.

Новая дорога шла от Соли Камской (нынешнего Соликамска) не на север по Вишере, как раньше, а сухопутьем на восток до верховий Туры, отсюда вниз по Туре, а затем по Тоболу до города Тобольска. Эта дорога оказалась короче почти на целых две тысячи верст. Вот тогда-то, в конце нового сухопутного отрезка Бабиновского пути, на восточном склоне Уральских гор, воеводой Шестаковым и было основано Верхотурье - своеобразные ворота в новые земли, застава и таможня, ставшая первым городом (считая от Москвы) на сибирской земле и «вторым градом» по значению в иерархии сибирских городов.

Утес над Турой позднее получил название «Троицкого камня» по имени церкви, построенной в центре Верхотурского кремля. Скалистый холм, круто обрывающийся к водам Туры, как бы самой природой был предназначен для постройки подобного рода. С высокими угловыми башнями Верхотурский кремль был грозен для каждого, кто пытался проникнуть в Сибирь или выехать из Сибири, минуя контроль властей.

Дело в том, что с самых первых дней освоения Сибири за Урал устремился целый поток промышленных людей. Речь идет не о тех, что собирался поселиться в Сибири, кто ехал обживать этот край, а о тех, кто видел в нем лишь «золотое дно» и всеми силами стремился к обогащению. Главным богатством Сибири была пушнина. Предприимчивые промысловики нанимали охотчих людей для промысла, скупали ее за бесценок у местного населения и затем везли на Сольвычегодскую и Великоустюгскую ярмарки. Тем самым наживались.

Царское правительство, зная о том с самого начала, попыталось поставить дело под свой контроль, для чего в Верхотурье и была учреждена таможня под началом таможенного головы, в распоряжении которого находился целый

штат целовальников. Пошлину велено было брать большую - по гривне с каждого рубля стоимости провозимых товаров (т.е. по 10 рублей с сотни, по сто с тысячи). Кроме того, бралась так называемая «поголовщина» - по полтине с человека и еще «амбарщина» - за хранение товаров в таможене - по 10 денег в неделю в деревянном амбаре и по три алтына и по две деньги с человека в каменном (безопаснее в противопожарном отношении). Причем деньгами брали только за мелкий груз, а с крупных партий товаров взимали натурой: соболями, черными лисицами, горностаями, бобрами и т.д.

Поскольку пошлина была довольно высокой, то, естественно, находилось немало людей, которые пытались всякими путями обходить установленный порядок. Но так как проезжать, минуя Верхотурье, было рискованно, то купцы и промышленники пытались наиболее ценные товары утаивать от таможенников либо откупаться взятками, предьявляя для осмотра лишь часть груза.

Как свидетельствуют документы, лихоимство и взяточничество в Верхотурье было делом обычным. Перед нами грозный указ от 15 января 1650 года верхотурскому таможенному голове Дрягину: «По нашему указу, - говорится в нем, велено пересматривать все товары порознь и оценивать, ты делаешь воровство, что над торговыми и промышленными людьми в провозимых товарах не смотришь и в том норовишь для себя бездельная корысти, а по нашему указу велено тебе у приезжих торговых и промышленных людей привозные их товары с целовальниками пересматривать все налицо и писать всякий товар подлинно порознь и, оценив, с тех товаров нашу десятую пошлину имать вправду».

О том, как строго велено было следить за провозом товаров, свидетельствует выдержка из другого царского указа верхотурскому таможенному голове. Из нее видно, что

и самые высокие чины в государстве не освобождались от уплаты пошлины, а даже наоборот. Вот что в этом документе говорится: «... И если в приезде будут кто из царедворцев и из городовых московских и сибирского или патриаршего или иных архиереев какова чина ни есть люди, и их всех осматривать накрепко против торговых людей; а буде кто осматривать не будет, а о том будет ведомо в сибирском приказе, и за то голове учинено будет жестокое наказание».

Особые строгости в этом отношении были введены при Петре I. Его «Регламент» таможенной службы предупреждал: «А буде который голова, забыв страх Божий и к Великому Государю крестное целование и его государский гнев, учнет воровать, пошлины красть и с иными делиться, или в пошлинах торговым людям спускать и давать им выписки, а возьмет пошлину не полную или пропустит без выписки... им будет учинено жестокое наказание: биты будут кнутом, а все животы их будут взяты на Великого Государя безо всякой пощады, а сами сосланы в ссылку».

Надо отметить, верхотурская таможня приносила казне немалые доходы. Очень выгодным было винокурение, за которым надлежало следить также таможенному голове. Он обязывался, «чтобы не было охулки на государево вино», производить пробу каждой новой его партии. Взяв стопку с метками, он наполнял ее вином и выливал в ковш. Затем, подогрев, зажигал и ждал, пока не закончится горение. Остатки сливал обратно в стопку и определял по меткам, сколько осталось - половина (полугар), больше или меньше, что записывал в книгу. После этого вином из бочки наполняли небольшую склянку и опечатывали ее. Склянка отправлялась вместе с бочкой. На месте, куда они прибывали, делался «опыт», т.е. бочковое вино сравнивалось со скляночным. Если первое соответствовало второму, вино

продавали, а если оказывалось разведенным, то тех, кто его сопровождал, нещадно, пытая, били кнутом, а товар уценяли. Вино из Верхотурья шло в Тобольск, Березов, Пелым, Тару, Сургут и другие сибирские города.

Было бы, однако, ошибочно думать, что в Верхотурье только тем и занимались, что вышибали деньги для казны, секли кнутом провинившихся. Все это действительно творилось там, но были у Верхотурья и другие дела поважнее как для государственной казны, так и для все расширяющегося процесса, который, по определению «сибирского Герцена» известного публициста Н.М.Ядринцева, позднее стал называться вольно - народной колонизацией Сибири. Нужно было всеми силами способствовать продвижению за Урал все большего числа людей крестьянского и ремесленного звания для закрепления оседлостей в новом крае.

Через Верхотурье шли и ехали одна за другой партии мужиков с семьями, гнали скот, везли немудрящий скарб. В городе с утра до вечера слышалось тревожное ржание лошадей, мычание коров, бляение овец, гоготание гусей. Каждое утро партии переселенцев из Верхотурских ворот, поднимая пыль, выступали к востоку. Купцы везли хлеб, металлические изделия, мануфактуру, порох, свинец и другие товары.

Шел и встречный поток. Кроме промысловиков и купцов с пушниной в Москву, по заказам двора, везли отловленных сибирскими татарами соколов для царской охоты, лебедей для государевых прудов. Их ловили на просторах Барабинской степи, отправляли в специальных санях и повозках, обитых войлоком. Однажды случился конфуз. Командирам Канского и Каргатского форпостов было велено вдруг наловить «больших гусей». Приказ был выполнен.

Гусей доставили в Тару, а оттуда через Тобольск ко двору. Оказалось же, что нужны были вовсе не гуси, а лебеди. Напутал какой - то немец, плохо знавший русский язык (тот, что писал указ). Видимо он переспросил, что такое лебеди? Ему объяснили, что это такие большие гуси. Он так и написал. На другой год пришла бумага ловить лебедей.

Давно это было. Так давно, что, как говорят, уже и быльем поросло. Но не все здесь кануло в лету. Не все забылось, не все разрушилось. Многие сохранилось от тех далеких времен до наших дней. Прежде всего - кремлевский холм. До сих пор стоит на нем ажурная Троицкая церковь, внесенная в списки ЮНЕСКО как ценнейший памятник архитектуры. Построенная по плану «восьмерик на четверике» с золоченым пятиглавием на вытянутых восьмигранных барабанах, увенчанных продолговатыми пухлыми луковками, с высокой шатровой колокольней, она и поныне является подлинным украшением старинного городка. Теперь в ней располагается районная библиотека. Из других построек тех лет хорошо сохранилась воеводская канцелярия 1698 года и часть кремлевской стены с зубцами и двумя воротами.

Ныне Верхотурье - небольшой городок, центр Верхотурского района Свердловской области. Соседние, более молодые и крупные города - Нижний Тагил, Серов, Кушва, Свердловск - затмили славу Верхотурья. Оставшись в стороне от новых более удобных дорог, проложенных южнее, он постепенно утратил свое бывшее значение.

Но вечно жива замечательная история старого городка. Знаменательная дата присоединения Сибири к русскому государству обязывает нас вспомнить о его судьбе и его роли, которую он когда-то сыграл в хозяйственном освоении необъятного сибирского края.

ПОКУПАЛА И ПРОДАВАЛА СИБИРЬ

Вряд ли найдется человек, который никогда ничего не слышал бы о знаменитой Ирбитской ярмарке. Она была известна во всех уголках старой России. Сюда съезжался торговый люд почти со всех ее губерний, а также из многих стран Европы, Азии и даже из далекой Америки.

Известность, однако, пришла не сразу. Все начиналось более чем скромно, с маленькой Ирбейской слободы, основанной свыше трехсот сорока лет тому назад в Верхотурском уезде.

Здесь, южнее Туринска, первыми появились слободы: Усть-Ницинская (1622), Ницинская и Чубаровская (1624), а затем Киргинская (1627). Строительство поселений продолжалось. «И вновь прибрать из охочих людей, читаем мы в приказе верхотурского воеводы Воина Корсакова за 1632 год, - от отцов детей, от братии братьев, от дядей племянников двадцать человек для основания Ирбейской слободы».

Народ из-за Урала на новые земли, где не было помещиков, шел охотно. Через год и Ирбейская слобода уже полностью обстроилась. Место было выбрано не только угодное, но и пригожее, при впадении реки Ирбейки (Ирбитки) в Ницу. Жители новой слободы, как и других поселений, освобождались от налогов на шесть лет, после чего должны были сдавать в казну по 180 четвертей ржи и по 225 четвертей овса), то есть по 7,2 центнера ржи и по 9 центнеров овса).

Хлеб на распаханной целине родился неплохо. Его сплавляли в дальние сибирские города по Нице, Туре и Тоболу на дощаниках. С годами слобода разрасталась, расширялись ее поля, и старого количества судов для доставки

хлеба казне уже не хватало. Осенью 1654 года верхотурский воевода Максим Стрешнев велит приказчику Ирбейской слободы Василию Муравьеву построить дополнительно четыре дощаника «от лапы до лапы по девять сажень, а поперек - по шести аршин». А суда те делать «с великим радением», лес готовить заранее и хорошо сушить.

Как видим, первые ирбитцы были хлебопашцами и судостроителями.

А как возникла ярмарка? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Ни местные историки, ни экономисты не могут удовлетворительно объяснить, почему именно здесь, в Ирбейской слободе возник торжок, которому суждено было снискать впоследствии громкую известность. Одна из версий такова: поскольку - де слобода стояла на середине сухопутного волока от Верхотурья до Тюмени, то ее зимой не миновал ни один купец (летом они обыкновенно проплывали по Туре). А так как купцов каждую зиму проезжало много, то в Ирбейской слободе их оказывалось по несколько человек одновременно. Престольным же праздником слободы было Рождество, которое праздновалось с шестого по девятое января. На праздник собиралось все окрестное население. Естественно, купцы, оказавшиеся здесь в это время, не упускали случая показать свои товары. Возникал торг. Это - де вошло в обычай.

Как бы там ни было, а слава о вновь возникшем торжке скоро достигла Москвы, и в 1643 году специальным указом царя Михаила Федоровича он был узаконен. Так было положено начало.

Но, если можно более или менее убедительно рассказать о возникновении ярмарки, то до сих пор никто не может толково объяснить последующие события. А они таковы. Получив право беспошлинной торговли, ярмарка в Ирбей-

ской слободе с каждым годом становилась все популярнее. Все больше число людей собирала она отовсюду. Торг шел поначалу не на деньги. Происходил натуральный обмен. Купцам нужна была пушнина, а местному населению - в основном металлические изделия: котлы, топоры, косы, ружья, скобы, серпы и т.д. За котел, например, например, платилось столько шкурок, сколько их вмещалось в этом сосуде. Но позднее пошли в ход и деньги.

Когда ярмарка стала настолько крупной, что затмила собою другие сибирские и уральские ярмарки, стали предприниматься попытки перевести ее в другое, более удобное место, как, например, в Екатеринбург (инициатива В.Н.Татищева - управляющего уральскими казенными заводами), и в Тюмень (распоряжение сибирского генерал-губернатора М.М.Сперанского). Но, удивительное дело, она не прижилась ни в Екатеринбурге, ни в Тюмени. Она неизменно возвращалась на свое старое место, на берега Ницы.

По сравнению с Екатеринбургом и Тюменью Ирбит был глухим местом. До него отовсюду было трудно добираться. Да и сам городок (статус города он получил в 1775 году), тесный и маленький, казалось, менее всего подходил для столь многочисленных съездов торговых людей (в иные годы до десяти тысяч человек) и огромного количества товаров. Наплывы людей в ярмарочные дни были такие, рассказывают старожилы, что все дома местных жителей забивались до отказа, спали вповалку, прямо на полу, один к одному, как сельди. Сани во дворе укладывались одни на другие в несколько этажей, чтобы высвободить место для лошадей.

Но как ни странно, именно здесь ярмарка чувствовала себя хорошо и год от года росла и ширилась. Привоз товаров достигал более чем внушительных размеров. В 1885 году, например, было привезено разных товаров на сумму

69 миллионов рублей, из них на 65 миллионов 700 тысяч рублей продано. В 410 лавках ирбитского гостиного двора торговали пушниной (ежегодно продавалось от пяти до десяти миллионов шкурок соболей, куниц, выдр, горностаев, песцов, белок, лис, барсуков и т.д.), коровьим маслом, кожами, шерстью, хлебом, ситцем, дорогими тканями, сукнами, зеркалами, мебелью, плодами цитрусовых и прочим.

Десятки иностранных фирм и компаний имели здесь своих представителей, одновременно тут находились агенты купеческих домов 180 городов России.

Основной покупательницей и продавцом на ярмарке была Сибирь. Местные купцы, выгодно сбыв в Ирбите пушнину, масло, хлеб, кожи, шерсть, мед, закупали оптом большие партии привозных товаров и сплавляли их водой до Тюмени, Томска и далее на восток, везли обозами. В конце прошлого века по Нице, Туре и Тоболу с товарами Ирбитской ярмарки курсировало до 15 пароходов, до 20 барж и две винтовые шхуны. Из Ирбита за навигацию сплавлялось до 800 тысяч тонн грузов. Еще больше перевозилось гужом.

Однако шли годы, и значение Ирбитской ярмарки стало понемногу, в конце концов, падать. Дело в том, что в самом конце века городок на Нице, как когда-то и Верхотурье, оказался в стороне от новых путей сообщения. Проложенные в Сибирь железные дороги обошли Ирбит. Тогда ирбитцы в попытке спасти репутацию своего города в качестве торгового центра всего Зауралья нанимают известного инженера - путейца Н.Гарина - Михайловского, чтобы тот провел изыскательские работы для прокладки железнодорожной ветки. Хотя изыскания были проведены, правительством они в расчет приняты не были.

Но даже и надолго оставшись в стороне от железной дороги (линию через город начали строить только в 1913

году), Ирбитская ярмарка по-прежнему оставалась самой крупной к востоку от Урала, намного превосходила крупнейшую Никольскую в Ишиме, а также Тюменскую и все остальные в Зауралье.

Просуществовала ярмарка до 30-х годов XX века. За время Советской власти Ирбит вырос значительно. Население его ныне составляет уже свыше 80 тысяч человек.

Основой экономики современного Ирбита является машиностроение - заводы автоприцепов, мотоциклетный и другие. Что же касается хлеба, то его сеют в окрестных хозяйствах и поныне.

ЕНИСЕЙСК

Отмечалось уже, что первоначальная стадия освоения сибирских пространств всецело была связана с Тобольском. Город, поставленный на высоком иртышском берегу, был подлинным центром, откуда велась разведка земель огромной Западно-Сибирской низменности и не менее обширного Средне-Сибирского плоскогорья.

В результате продвижения русских на восток, в 1619 году, в среднем течении реки Енисей пелымским боярским сыном Петром Албычевым и сотником Черкисом Рукиным с тридцатью казаками был заложен еще один город - Енисейск.

Быстрому росту нового русского города способствовало чрезвычайно выгодное положение его на стыке двух речных бассейнов - обского и енисейского. И хотя Енисейск не смог занять столь же высокого официального положения, как Тобольск, бывший в течение долгого времени столицей всей необъятной Сибири, он, тем не менее, в продолжение многих десятков лет являлся одним из важнейших административных и торговых пунктов на востоке страны.

Отсюда велось управление всеми поселениями по Ангаре и Забайкалью, включая Нерчинский разряд, отсюда началась разведка и дальнейшее освоение водных путей ленского бассейна, а затем и заселение обширных пространств северо-восточного угла Сибири.

Поскольку никаких сухопутных дорог большой протяжённости в ту далёкую пору не было, сообщение между тогдашними городами шло почти исключительно водными путями. Широко разветвлённые системы здешних рек как будто самой природой были предназначены для связи между собой растущего населения Сибири.

От Тобольска на восток путь шёл вниз по Иртышу до впадения его в Обь, затем вверх по Оби, до устья Кети, далее вверх по Кети до Маковского острога. Отсюда после 89-верстного волока он снова продолжался водой - теперь уже по Енисею, Ангаре, Байкалу, Селенге. А севернее, после сухопутного илимского волока, и по Лене со всеми ее притоками.

Путь, как видим, очень длинный, трудный и неудобный. Тем не менее, пользуясь им, русские упорно продвигались на восток все далее и далее.

С ростом населения в новых местах вставала нелегкая задача обеспечения его хлебом. И как бы много ни было его в Туринском, Тюменском, Верхотурском и Тобольском уездах, снабжение им городов и острогов, расположенных за тысячи верст к востоку, при тогдашних транспортных связях было делом еще более трудным, чем в свое время снабжение населения Западной Сибири через Урал. И потому в районе Енисея с первых же дней освоения «кетской и качинской земель» были предприняты попытки заведения собственной пашни. В окрестностях Енисейска, а позднее и Илимска, стали одна за другой расти деревни и села.

Первые опыты енисейского земледелия оказались

успешными. Стало ясно, что здесь в скором времени можно создать второй земледельческий район Сибири. Чтобы привлечь тут к хлебопашеству как можно большее количество крестьян, власти вынуждены были предоставлять им на ряд лет льготы, в особенности тем, которые селились далеко на севере. Так, например, была создана Дубчесская слобода - в 380 верстах ниже Енисейска, «селение это, - указывает академик С.В.Бахрушин, - было основано неким Цапаней Григорьевым, Иваном Вороговым и другими крестьянами в 1637 году. Слободчики получали «на селитьбу и в пашню земли и сенных покосов и всяких угодий сколько доведется смотря по людям и по семьям, на льготу на десять лет - безоброчно ... никаких податей с них велено не иметь». На что им была выдана царская грамота «за вислой печатью» 25 марта 1639 года. В 1651 году в Дубчесской слободе было уже 16 дворов (интересно отметить, село это существует и поныне. Смотри на карте Ворогово).

В 1652 году чуть севернее Дубчесской слободы получил разрешение занять пашенное место мангазейский стрелец Левка Заворохин «на шесть лет без оброку», к нему также вскоре потянулись люди.

Насколько успешно шли здесь дела по организации пашни говорит, например, тот факт что беспашенные города - заполярная Мангазея и приполярный Туруханск, которые раньше снабжались хлебом из Тобольска, были переведены «на довольствие» в Енисейск. Для этой цели было специально создано несколько заимок и поселений по Енисею, назначение которых в том и состояло, чтобы снабжать Мангазею и Туруханск хлебом.

Как известно, Мангазейский город был довольно оживленным местом. Академик С.В.Бахрушин приводит в своих трудах письменные свидетельства о том, что тут в

иные годы зимовало до двух тысяч человек и более. Чуть меньше скапливалось в ожидании весны в Туруханске. Тем не менее, С.В.Бахрушин считал Мангазею городом «безлюдным» в том смысле, что она якобы не имела постоянного населения, кроме гарнизона «из полсотни стрельцов, казаков и нескольких ссыльных черкас и ежегодно присылавшихся из Березова пятидесяти годовалыщиков». Он рассматривал Мангазею как большое зимовье для промышленных людей, ясачных сборщиков и прочего служилого люда, отправляющегося на промыслы на Нижнюю и Подкаменную Тунгуску и далее на Лену и возвращавшегося потом с мехами на Русь, а также как факторию, где шел большой торг мягкой рухлядью и иными товарами.

Раскопки, проводившиеся Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом под руководством доктора исторических наук М.И.Белова, показывают, что Мангазея была не только торговой факторией, не только большим зимовьем, она была, кроме того, городом мастеров и ремесленников. Мангазейцы были искусными строителями, умевшими строить на вечной мерзлоте. Они выплавляли даже металл.

Экспедиция обнаружила здесь много всевозможных местных изделий из металла и около тридцати тиглей. Следовательно, в городе, кроме служилых людей, постоянно жили мастера по металлу, ремесленники, портные, сапожники, очевидно неплохо, заработавшие на обслуживании охотников-промысловиков, купцов и торговцев.

Все это говорит о том, что население, видимо, было значительно многочисленнее, чем о том свидетельствуют приведенные выше цифры. А стало быть, не так уж мало надо было поставлять хлеба из новых пашенных мест в Мангазею и в Туруханск.

Кроме того, хлеб нужен был не только для питания. Хлеб в большом количестве шел также и на казенное винокурение, которое к тому времени уже было развито здесь.

Вот строки из царского указа в Енисейск: «посылать от Енисейска вино на Березов. в Сургут, в Нарым по 1000 ведер без всякого отлагательства и удержания, не дожидаясь о том отнюдь иного указа, а то вино курить из государева и покупного хлеба».

Енисейцы успешно справлялись с возложенными на них обязанностями. С каждым годом росло здесь число пашенных крестьян. В 1675 году для ведения переговоров с Китаем из Москвы через Енисейск проезжал русский посланник Николай Спафарий. Будучи человеком любознательным, он по пути интересовался всем: экономикой, природой, этнографией, историей и вел обширный дневник.

В соответствующем месте мы находим у него следующую запись: «Енисейская страна вельми хороша, будто Волосская земля. А река Енисей, будто Дунай, самая веселая и великая. И дал господь изобилие всякое, хлеба много и дешев и иное всякое ж и многолюдство... Недалеко есть деревня большая, в которой есть острог и церковь. А именуется та деревня Елань. А из той деревни... до Енисейска множество деревень... и места еланые, зело хорошие и хлебородные. И, сказывают, что во всем Енисейском уезде есть деревень с пятьсот... а с Енисейского острогу до Красноярского ходят все меж русских деревень хлебородных и в Красноярском уезде множество деревень есть».

Имеются свидетельства тому, что даже на далеком енисейском севере русские поселенцы со временем выращивали ячмень, картофель и капусту. В «Записках императорского географического общества» за 1869 год в статье окружного туруханского заседателя Третьякова сообщалось, напри-

мер, что в Туруханском крае под 68 градусом 30 секундами северной широты крестьяне успешно выращивают ячмень, который здесь дает приросту самшест, а также овощи. Особенно хорошо родится репа - до восьми фунтов штука.

В тех же «Записках» за 1865 год в статье некоего доктора Кривошапкина можно прочитать о том, что много севернее Туруханска скопцы (религиозная секта) сеяли ячмень, картофель, редьку, репу, морковь и свеклу. «К удивлению, - пишет автор, - ячмень родится хорошо». Там же сообщается, что «даже за четыреста верст ниже Туруханска в деревне Хантайке родилась капуста, картофель, редька и огромная репа».

Заслуги Енисейска в заведении хлебопашества велики. Уже только за это старинный городок никогда не был бы забыт потомками. Но ему выпала еще одна, не менее важная роль в хозяйственном освоении края. Дело в том, что чем дальше на восток передвигались волны переселенцев, чем многочисленнее становилось население Сибири, тем острее являлась нужда в заведении ремесел.

Новому краю нужны были свои кузнецы и гончары, плотники и шорники, скорняки и слесари, котельщики и медники, бондари и мыловары, кожевники и литейщики. Нужны были люди, умеющие делать колеса, кадки, рамы, деревянную и металлическую посуду, ковать подковы, гнать деготь, копать колодцы, вить веревки и т.д.

Крупным центром зарождения и процветания ремесел на востоке и становится Енисейск. Здесь существовало свыше сорока кузниц, в которых вырабатывалось все, что было необходимо обстраивающемуся краю - гвозди, скобы, котлы, обручи, ободья, сошники, дверные и оконные петли, серпы и т.д. Потребное для этого количество железа покрывалось местной же добычей. Железо выделялось прямо из руд - до 30 тысяч пудов ежегодно.

Енисейские кузнечные мастера, по свидетельству сибирского историка П.А.Словцова, владели таким искусством, что смогли однажды выковать для городской церкви даже иконостас и царские врата большой сложности и красоты.

К этому же времени относится здесь и заведение первых промыслов, предпринимаются первые шаги промышленного освоения сибирских недр. О добыче железной руды уже говорилось. А в 1641 году по реке Усолке были открыты соляные ключи. На них сразу же возникают варницы. Честь этого открытия принадлежит енисейским торговым людям Хромовым. В 1658 году енисейский посадский человек Алексей Жилин открыл слюду на реке Тасеевой. Специальный указ царя Алексея Михайловича от 26 октября того же года на имя местного воеводы Ртищева гласит о дозволении Жилину «ломать слюду, плавить медную руду и приискывать серебряную и золотую». Позднее начнут разрабатывать богатейшие золотые россыпи в долинах многих других притоков Енисея; на реке Курейке откроют графит.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ПАШНЯ

Естественно, что начавшееся развитие сибирской промышленности год от года увеличивало число занятых на горных разработках людей. Тем самым с каждым годом еще более увеличивалась потребность в хлебных запасах. Надо отдать должное, молодое сибирское земледелие неплохо справлялось со своими задачами.

К концу ХУП века Сибирь уже полностью обеспечивала себя хлебом. Более того, в Тобольской губернии уже наблюдался его избыток, в результате чего целая треть крестьян была переведена на денежный оброк.

Но по-прежнему существовали трудности доставки хлеба в отдаленные районы Сибири, где по природным условиям было мало пашенных земель, например, на Лене, на Алдане, на Камчатке и в других местах.

Однако даже и здесь с первых же лет появления русских заводились пашни и огороды. Одним из первых ленских «целинников» был уже упоминавшийся знаменитый землепроходец Ерофей Павлович Хабаров, поселившийся на Усть-Куте (там, где теперь начинается БАМ), Он так успешно вел свое хозяйство, что, по свидетельству Св. Бахрушина, якутский воевода П. Головин смог реквизировать у него однажды «на государев обиход» 3000 пудов хлеба.

Такое состояние дел Хабарова поощряло многих крестьян к занятию хлебопашеством на землях к востоку от Енисея. «В 1654 году, - читаем мы там же у Бахрушина, - на Ангаре, около Братска успешно завел пашню Распута Степанов, ссужавший хлебом местные гарнизоны».

Понятно, что имена пионеров новой, восточной жизни Руси, дошедшие до нас, благодаря историкам, принадлежат людям, которые так или иначе тесно сотрудничали с сибирской администрацией, осуществляя большие поставки хлеба. Армия же рядовых крестьян осталась безвестной. Но это отнюдь не умаляет ее подвига, результатом которого явилось распространение земледелия по всем углам беспредельной Сибири.

Енисейско-Ленское междуречье начало осваиваться русскими сразу же после возникновения города Енисейска в 1619 году. Уже в двадцатые годы двинянин Пянда, плававшая по восточным притокам Енисея, первым вышел на Вилюй и Лену. Чуть позже, идя с казаками «встречь солнцу», этих рек достигает М.Васильев, а за ним, перевалив ангаро-илимский водораздел, на Лену выходит и Василий Бугор.

Их рассказы о великой реке на востоке вызывают большой интерес Енисейской администрации. В 1631 году во главе большого отряда на Лену выступает Петр Бекетов. Обследовав среднее течение этой реки, он в 1632 году закладывает Якутск, с которым в дальнейшем будут связаны многие славные эпизоды первоначального освоения самого дальнего и самого трудного северо-восточного угла Сибири.

Уже через год после основания Якутска, в 1633 году из Жиганского зимовья были отправлены вниз по Лене для обследования ее низовий и прилегающего к ним побережья Студеного моря казаки под началом Ильи Перфильева и Ивана Реброва. Достигнув устья, отряд разбился на две группы, одна из которых, во главе с Ребровым, пошла вдоль побережья на запад, другая, с Перфильевым, - на восток. В результате были открыты устья еще двух больших северных рек - на западе устье Оленека, а на востоке - Яны, где в 1635 году был заложен Усть-Янск,

Еще тремя годами позже Ивановым Губарем на реке Индигирке будет заложено Зашиверское зимовье. В это же время Михаил Стадухин откроет устья рек Алазеи и Колымы. В 1639 году отряд казаков во главе с Иваном Москвитиным выйдет на побережье Охотского моря. А в 1648 году Семен Дежнев с Федотом Поповым уже отправятся «морем-окияном» вокруг Чукотского Носа. Так стремительно, целеустремленно и напористо шло обследование русскими людьми «неведомых земель» на далеком северо-востоке азиатского материка.

То было знаменательное время! Поэт Сергей Наровчатов так скажет о нем:

Концы разгадав до срока
И в концах начала венчая,
Стал Дежнев в голове потока.
Тот поток - вся Русь кочевая.
Здесь, каких только судеб нету!
Со всего посбирались свету,
Были розны, стали едины.
Словно капли единой стремнины.
Той стремнине мы грянем славу,
Сдвинув чаши свои наливные, -
С ней страна возрастет в державу,
С нею Русь вырастет в Россию!

Воистину так. Русь стремительно в те годы вырастала в Россию. Создавалось единое централизованное государство с единой границей и единым рынком. Перед глазами изумленной Европы на обломках вековой феодальной раздробленности росла и ширилась сильная держава. Именно в это историческое время шаг за шагом входила в нее Сибирь, обогащая процесс продолжающейся централизации.

Выше отмечалось уже, что в годы закладки Якутска, Вилюйска и Киренска на ленских берегах, в районе Усть-Кута и Братска, были распаханы многие пашни. Только у Е.П.Хабарова насчитывалось 26 десятин земли. Но не один Хабаров занимался в то время хлебопашеством. И заводилось оно не только на Усть-Куте и у Братска.

Из Якутска русские люди, перевалив Становой хребет, спустились в Приамурье, где был основан земледельческий район. Туда уже в 1655 году переселилось свыше 1500 крестьянских семей, и с каждым годом число переселенцев увеличивалось.

Заметную роль в снабжении Якутска и других русских поселений на северо-востоке Сибири со временем стала играть заведенная в среднем течении Ангары и по реке Илим у так называемая илимская пашня. Здесь были распаханы обширные площади, и хлеба собиралось много. С годами этот сбор увеличивался. Если в 1652 году, например, пишет историк В.В.Покшишевский, отсюда «было отправлено вниз по Лене в Якутск 13,8 тысяч пудов хлеба, причем из этого количества 8,7 тысячи пудов, прибывшего из Енисейска, то в 70-х годах транзитное движение хлеба отмечается только в отдельные годы. В первое десятилетие XVIII века отправка из Илимского воеводства вниз по Лене, возросшие до 20-25 тысяч пудов, идут уже целиком за счет самой илимской пашни».

Со стороны местной администрации прилагались немалые усилия к тому, чтобы, по выражению губернатора Сибири Ф.И.Соймонова, во всей Сибири, включая Якутию и Камчатку, «хлебопашество довести до совершенного градуса». Он, в частности, предлагал применить такую, систему поощрения, по которой казенные земли оставались бы во владении крестьян, а крестьяне могли бы обрабатывать не только пашню, обложенную оброком, «но и сверх того из новых земель, кто сколько пожелает поднимать, и тем хлебопашество размножить старались». Так он писал в своем «Экстракте о хлебопашестве», представленном Сенату. Излишки хлеба он предлагал покупать у крестьян по таким ценам, «которые б за труды их совершенно обидны не были».

О том, что меры, предпринимаемые русской администрацией по заведению пашни в суровой Якутии, со временем дали свои плоды, свидетельствовал знаменитый русский писатель И.А.Гончаров, который, возвращаясь из путешествия на фрегате «Паллада» в 1854 году, проезжал

из Аяна в Иркутск. Рассказывая о том, как много прилагалось в прошлом усилий со стороны русского населения для заведения пашни на малоудобных землях, прилегающих к Алдану и Мае, он с удовольствием отмечал, что усилия эти не пропали даром, что, видя успехи русских поселенцев, туземное население постепенно также стало приобщаться к хлебопашеству, а местные власти всячески поощряли его к этому. Когда якуты принялись за пашню около Якутска, - пишет И.А.Гончаров, - начальство скупило их урожай и раздало майским поселенцам. Уже на третий год куплено было до 12 тысяч пудов. Якуты принялись еще усерднее за хлебопашество. Вначале, рассказывает писатель, тунгусы и якуты не только не хотели сами заниматься обработкой земли, но даже отказывались обрабатывать землю, когда их нанимали русские, «предпочитая есть конину, белок, древесную кору..., а поработавши год и поевши ячменной похлебки с маслом, на другой год приходили за работой сами».

И так повсюду, где только селились русские люди, тотчас же заводились пашни, сенные покосы, строились мельницы, а где позволяли условия, устраивались соляные варницы. Огромная страна, не знавшая хлебопашества в прошлом, постепенно, с годами все более и более превращалась в новую житницу на востоке обширного государства. И почти не оставалось здесь уголка, где не собирали урожая, если не хлеба, то овощей.

Генерал А.А.Игнатьев, детство которого прошло в Восточной Сибири, где отец его многие годы был губернатором, писал впоследствии: «Однажды мы посетили расположенную близ Якутска богатую русскую деревню с солидными избами, украшенными деревянной резьбой. Хозяева принимали по-русски - с хлебом-солью на выши-

том полотенце. На угощение - арбузы и дыни, о которых мы забыли с отъезда из Москвы. Эти русские люди, заброшенные на край вечной мерзлоты, умудрялись оттаивать землю камнями и выращивать пшеницу».

Шаг за шагом, расширяясь по лицу Сибири, хлебосеяние и огородничество проникли вскоре и на самую отдаленную окраину нашего обширного государства - полуостров Камчатку.

Мы не знаем точно, когда именно появились там первые участки обработанной земли под посевы. Но в «Описании земли Камчатки» Степана Крашенинникова есть подтверждение тому, что в 1737 - 1741 годах, когда молодой ученый по программе Второй Камчатской экспедиции изучал полуостров, пашня там уже существовала.

Касаясь преимуществ и неудобств природных условий Камчатки, С.Крашенинников писал: «Некоторые недостатки ее со временем награждены быть могут. Недостаток в хлебе, например, - заведением пашни, чему уже давно начало положено».

Однако хлебопашество здесь долгое время особых успехов не имело. Многочисленные попытки высевать рожь, пшеницу, ячмень, горох, коноплю чаще всего не давали желаемых результатов. Недозревший хлеб в большинстве лет попадал под иней и замерзал. Успешнее других культур возделывался ячмень. Более всех побивались морозом горох и конопля.

Успешнее развивалось огородничество. Последнее особенно широкие размеры приняло в бытность на посту губернатора Камчатки дальновидного и деятельного Василия Степановича Завойко - героя и организатора прославленной Петропавловской обороны 1854 года. Умный администратор очень хорошо понимал значение местного

сельского хозяйства для нужд полуострова, а потому всячески поощрял местное население заниматься обработкой земли. Он сам в большом количестве выписал из России огородные семена и раздал их жителям полуострова вместе с подробными инструкциями по посеву и уходу за ними. После этого население было широко оповещено о том, что на 1 октября в Петропавловске назначается сельскохозяйственная выставка, и то за лучшие выращенные сорта будут выданы премии по пять рублей каждая.

Объявив в назначенный срок выставку открытой, В.С.Завойко с весами в руках при напряженном внимании публики, ничего доселе не видевшей, сам обошел каждый ряд и измерил все наиболее крупные экземпляры овощей. Премии по пять рублей были выданы хозяевам, вырастившим: редьку весом четырнадцать фунтов двадцать четыре золотника (5,7 килограммов), кочан капусты весом семь фунтов (2,8 килограмма), картофель весом один фунт три золотника (412 граммов), репу в семь фунтов двадцать золотников (около трех килограммов), морковь в сорок один золотник (175 граммов), свеклу в девяносто золотников (382,5 грамма).

Подобные выставки В.С.Завойко устраивал несколько лет подряд. Они во многом способствовали популяризации важного для края дела, обогащали опытом местное население.

Справедливости ради следует отметить, что на первых порах русская администрация очень много сделала для распространения земледелия в Сибири и на Дальнем Востоке. Тот же И.А.Гончаров, описывая свою встречу на Мае с одним из крестьян - бывшим матросом Сорокиным, прочно осевшим теперь на дальневосточной земле, замечает: «На стенах у него висят в рамках похвальные листы, данные ему

от начальников здешнего края... хлебопашество и разведение овощей на Мае и Алдане - создание свежее, недавнее и принадлежит попечению здешнего начальства».

Но, конечно же, истинными героями сельскохозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока были не начальники, а простые люди, крестьяне. Об упомянутом выше Сорокине И.А.Гончаров отзывался так: «Этот герой в своем роде, маленький титан. А сколько их явится вслед за ним! Имя этим героям - легион».

Так потом оно и стало. Вслед за первыми героями пришли миллионы Сорокиных «с женами, детьми и со всеми их животы». И земля, не родившая колоса от века, принялась одаривать долгожданного хозяина своего ежегодными урожаями.

Постепенно, с годами стала зарождаться местная сельскохозяйственная наука. Поразительно, но факт, именно здесь, в Сибири, вблизи города Омска в 1828 году был основан второй в России опытный хутор, а затем и опытное поле, принадлежащее Сибирскому казачьему войску. Первые сибирские агрономы О.Обухова и П.Щербаков, работавшие здесь, испытывали различные сорта и способы обработки почвы в условиях местного климата, вели фенологические наблюдения.

Результаты их исследований периодически публиковались в «Земледельческом журнале» Московского общества сельского хозяйства, являясь, по сути дела, первыми научными трудами по сельскому хозяйству Сибири.

Через три года после основания омского хутора в двадцати верстах от Петропавловского порта, на Камчатке, воспитанники Московской сельскохозяйственной школы агрономы Е.Лазарев и Е.Черных положили начало другому опытному хутору. Первые камчатские агрономы зани-

мались исследованием на предмет сельскохозяйственного использования не только Камчатского полуострова, но и Курильских островов (Е.Лазарев) и Русской Америки (Е.Черных).

РУССКАЯ СОХА В АМЕРИКЕ

Сменяя одна другую, партии отважных русских землепроходцев за относительно короткий исторический срок прошли всю территорию Сибири. К середине XVII века они стояли уже на побережье Тихого океана. Как думали тогда, они достигли края света. Дальше идти было некуда. Но остановка оказалась недолгой.

Считалось раньше, считается и поныне, что только экспедиция В.Беринга и А.Чирикова 1733 - 1741 годов впервые обнаружила американские берега и доставила сведения о них. Однако существуют свидетельства тому, что еще задолго до названной экспедиции русские люди, основавшие Охотск и Анадырск, освоившие Камчатку и исходившие Чукотку, не раз плававшие в ту и другую сторону мимо Чукотского Носа, знали о «Большой Земле», лежавшей к востоку «за перелевами». Более того, поддерживали с народом, населяющим ее, торговые сношения.

В своей книге «Летопись Аляски» С.Н.Марков приводит любопытное место из старинного сочинения Якова Линденау - участника многих походов по северо-востоку Сибири, который сообщал: «... и они, чукчи, от своих жилищ на ту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобно русской посуде. И по разглаговльствованию тех чукч имеется через русских людей известие доподлинно так, чтобы якобы купецким людям

двенадцатью кочами минувших лет за семьдесят или более (а это значит, примерно в 1672 году, замечает С.П.Марков) Колымскому среднему зимовью, где прежде ярмонга бывала, для торгу пошедших и от сильных морских погод друг от друга разошедшихся, иные в Камчатку проплыли, а иные к тому острову, который Большой Землею называется, пристали и, тамо жительствовавшими народами совокупившиеся, у них поженились и расплодился...»

«Большая Земля - Аляска», - пишет С.Н.Марков и рассказывает далее о том, что Владимир Атласов в бытность свою на Камчатке (т.е. по крайней мере, лет за двадцать до экспедиции В.Беринга и А.Чирикова) «держал в руках аляскинских соболей». Он приводит одну из записей Атласова, где прямо сказано, что с земли, лежащей напротив Чукотского Носа, зимой по льду «приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи».

Подобные свидетельства не могли не заинтересовать сибирских воевод и губернаторов. С их стороны предпринимаются попытки организовать экспедиции для поисков американской земли - таковы плаванья П. Попова в 1710 - 1711 годах в районе Чукотского Носа, а также И. Евреина и Ф. Лужина в 1719 - 1720 годах в районе Курильских островов и Камчатки. В организации последней экспедиции принимал участие сам царь. В 30-х годах снаряжаются плаванья П. Нагибина, А. Мельникова, И. Федорова, М. Гвоздева.

Но самыми результативными явились экспедиции В. Беринга, А.Чирикова и П. Креницына, организованные правительством. Они положили начало научному и планомерному изучению островных территорий и земель северо-запада американского материка.

После Беринга и Чирикова, а в особенности после пла-

вания П.Креницына, русскими промышленными людьми довольно часто посещались Командорские и Алеутские острова, одновременно производилось обследование берегов Аляски. Достаточно сказать, что во второй половине XVII века с торговыми и исследовательскими целями к алеутскому архипелагу и американским берегам было совершено около 80 плаваний. В широких масштабах велся промысел морских котиков, моржей, а также бобров, голубых песцов и лисиц.

Морской промысел со временем привлек сюда и знаменитого Г.И.Шелихова. Добыча зверя на островах велась, как правило, хищнически, Г.И.Шелихов был первым, кто взглянул на это дело с государственной точки зрения. Он решает основать на Алеутах и на Аляске постоянные русские поселения.

Экспедиция по устройству таких поселений в составе 192 человек на трех парусных судах: «Три святителя», «Святой Симеон и Анна пророчица» и «Архистратиг Михаил» - во главе с Шелиховым отправилась из Охотска 24 августа 1783 года. Плавание продолжалось четыре года. Результатом его явилась закладка множества поселений на Алеутских островах и побережье американского материка. От Кенайского залива на Аляске, до бухты Лыта были вкопаны в землю пятнадцать чугунных столбов с медными русскими гербами и словами: «Земля российского владения».

Как гласит краткое жизнеописание Г.И.Шелихова, составленное Г.Р.Державиным и выбитое золотом на мраморном постаменте памятника, находящегося в ограде бывшего Знаменского монастыря в Иркутске, он не только присоединил к России «острова Кытак и Афогнак и многие другие, но и самую матерую землю Америки ... завел в них домостроительство, кораблестроение и хлебопашество».

Шелихов мечтал увидеть Русскую Америку многолюдной и процветающей, со множеством поселений, с собственной столицей Славороссией. Многое сбылось позже. Была и столица, названная, правда, не Славороссией, а Ново-Архангельском, было и относительное многолюдство.

Ново-Архангельск, расположенный на острове Ситха, по словам С.Н. Маркова, походил на средний губернский город окраинной России. В нем были: замок главного правителя, архиерейский дом, театр, кафедральный собор, семинария, обсерватория, музей, библиотека, мореходная школа, две больницы, аптека, несколько училищ, духовная консистория, детский приют, судостроительная верфь, портовые сооружения, несколько промышленных предприятий, лавки, магазины, склады. Дома строились на каменных основаниях. Крыши были из железа.

Со временем все американское побережье Тихого океана вплоть до Калифорнийского залива было освоено русскими людьми.

За протоком окиана
Росска зрю американа, -

когда-то с восторгом писал поэт Тредиаковский. Этот восторг позднее разделял и А.С.Пушкин.

Самым южным русским поселением на американском побережье был форт Росс, основанный в нескольких десятках километров от современного Сан-Франциско. Здесь, на реке Славянке, поселились хлебопашцы, выращивавшие пшеницу, ячмень, овощи.

Поселенцы, рассказывает С.Н. Марков, нашли затем удобное место для новых посевов - у Сухой речки - между

крепостью и морским заливом. Там был собран богатый урожай - 4500 пудов пшеницы и 457 пудов ячменя. Две тысячи голов скота паслись у подножья гор. Огромные кадки из красной сосны были полны солонины, квашеной капусты и свеклы. Соленое мясо, овощи и пшеницу отправляли из Росса в Ново-Архангельск.

О том же свидетельствует и посетивший Росс французский мореплаватель А.Дюго-Силли. «В Россе, - пишет он, - большое устройство и повиновение. Поселяне заняты работами и содержат караулы. С некоторого времени особенно занимаются хлебопашеством так успешно, что разными онаго произведениями, которые получали из Калифорнии, ныне снабжают Ситху. Почтенный начальник от шести сот коров имеет масла и сыра более, нежели по всей Северной Калифорнии».

Тут к месту будет напомнить читателям о том, что один из первых камчатских агрономов - Егор Черных, о котором упоминалось выше, был переведен с Камчатки именно в форт Росс.

Он стал первым агрономом и на Калифорнийском побережье до прихода туда американцев.

Ученые США в лице профессора Н.И. Рокитянского из Калифорнийского научного центра в письме, опубликованном в журнале «Земля сибирская, дальневосточная» (№ 7, 1978 г.), расценивают заслуги русского агронома как исключительные. «Нас, историков Калифорнии, - пишет американский профессор, - особенно интересует агроном Егор Черных, так как последний является первым агрономом, давшим нам сведения о состоянии земледелия в Калифорнии до прихода американцев в этот штат. Согласно его (Черных) статье в журнале, он предсказывал большое будущее штату Калифорнии, а также сильное заселение этой земли.

Американские профессора Калифорнийского университета, агрономы подтверждают, что за время владычества Испании и Мексики Калифорнией еще никто не дал такого обширного материала, как Егор Черных».

Понятно, что Росс был не единственным русским поселением на американском побережье, где выращивался хлеб. Его возделывали и на некоторых островах, как, например, на Кадьяке. Не случайно же высокий петербургский сановник граф Мордвинов предлагал Российско-Американской компании, управлявшей Русской Америкой, выкупать крепостных у помещиков в местностях, где земли мало, и селить их в плодородной Калифорнии.

Мечтал о расширении границ Русской Америки и один из виднейших декабристов, бывший правитель дел канцелярии Главного правления Российско-Американской компании поэт К.Ф.Рылев. Он хотел, чтобы границы ее проходили по Скалистым горам. Его горячо поддерживал другой декабрист, однажды уже побывавший там, - Д.И.Завалишин, а также О.Сомов. Русской Америкой живо интересовались Н.Бестужев, М.Кюхельбекер, И.Пущин, В.Раевский, мореплаватели И.Крузенштерн и В.Головнин.

Обстоятельства, однако, сложились так, что вместо расширения границ последовало их свертывание. Северный район Тихого океана сделался с некоторых пор предметом спора между такими сильными морскими державами, как Англия и Франция. В дело вмешались Соединенные Штаты Америки. России все труднее было защищать свои интересы в столь отдаленном месте. «Сокращение пушного промысла, ослабление позиций царизма на Тихом океане, трудность в поддержании регулярной связи с Россией, -

пишет доктор исторических наук А.И.Алексеев *, - обусловили постепенную ликвидацию русских владений в Америке.

В 1867 году Россия за 11 миллионов рублей уступила Соединенным Штатам свои права на Русскую Америку.

подавляющее большинство соотечественников вернулось в пределы России, а, сколько из них осталось там, сказать невозможно. С.Н.Марков приводит в своей книге слова французского ученого Пинара, который побывал на северо-западе Америки через три года после продажи Аляски. Он говорил, что в Ново-Архангельске ему приходилось объясняться только на русском языке, то же было и в поселениях.

До сих пор существуют на Аляске русские фамилии, как, например, Кашеваровы. Что же касается следов наших хлебопашцев, то еще в 1912 году на территории бывшего форта Росс находили русские сохи.

Кстати, один из притоков реки Славянки, как сообщает профессор Н.И.Рокитянский, назван в честь Е.Черных, а сама Славянка зовется ныне Русской рекой.

ДОБРАЯ МОЛВА ЖИВЕТ ПОНЫНЕ

Заметный вклад в развитие сельского хозяйства Сибири внесли сосланные сюда декабристы. Разбросанные по дальним и глухим углам, высокообразованные люди эти внимательно присматривались к природным условиям сурового края – его климату, почвам, сложившимся формам ведения хозяйства.

---

*БСЭ, т.22,с.399

Не черешни и не вишни,
И не груши там растут:
Там растет и медь, и золото,
Там копают и куют, —

с грустью писал под влиянием первых впечатлений о Сибири поэт - декабрист Вильгельм Кюхельбекер.

Но еще, будучи на каторге, он убедился, что здесь растут не только «медь и золото». Предметный урок на эту тему был преподан декабристам тем же А.Ф.Фроловым, который заложил огород прямо на арестантском дворе еще во время их пребывания на каторге.

После окончания каторжных работ все участники декабрьского восстания на Сенатской площади были высла- ны в разные места на поселение. Для обзаведения хозяй- ством им отводились земля под посевы и сенные покосы. Тут-то декабристы и проявили себя как пытливые и ра- циональные хозяева. Они щедро делились с крестьянами агрономическими знаниями, показывали образцы ведения хозяйства на научной основе, на основе агрономии. И так было везде: в Минусинске и Селенгинске, Олонках и Урике под Иркутском, Чите и Красноярске - повсюду.

Даже в Туруханске сосланный на поселение князь Ф.П.Шаховской предпринимает серьезные опыты посевов картофеля и овощей в местных суровых условиях. О раз- махе дел и замыслов Ф.Шаховского говорит тот факт, что о его занятиях стало известно даже при царском дворе. Сам главный палач декабристов Николай 1 «усмотреть изволи- ли полезность занятий сосланного по приговору Верхов- ного уголовного суда преступника Шаховского» и «высо- чайше повелеть соизволил спросить его, не нужны ли ему какие денежные пособия» в сем деле.

Тяжелое заболевание Ф.П.Шаховского не позволило ему привести в исполнение свои планы. Вскоре в связи с этим он был переведен в город Енисейск. Но и на новом месте он планирует развернуть исследовательскую работу, о чем свидетельствует бумага дежурного генерала Главного штаба от 22 октября 1827 года, которая гласит: «А как преступник Шаховской... переведен из Туруханска в Енисейск, то и я требовал... чтобы он изъяснил мне: какие заведения может устроить на пользу того края, где ныне находится. От 17 октября преступник Шаховской ответил, что на-деется завести хлебопашество по новой системе севооборо-тов и травосеяния, подать полезные примеры жителям, у которых хлебопашество находится во младенчестве, что есть возможность сделать пособие поселянам как для облегчения работ, так и для сохранения их достояния через ведение различных экономических строений и орудий, как, например, ора, машин для выделки пеньки и льну... что можно с пользой завести свекловичные плантации, что, наконец, его предложение состояло в том, чтобы завести хутор, а для практических опытов сих необходимо 50 десятин земли».

Таким образом, мы видим, что речь в этом документе идет ни более, ни менее как о заведении опытного хутора. Именно об этом мечтал сосланный декабрист (обратим внимание на год: 1827, то есть на год раньше омского). К сожалению, ему не суждено было исполнить задуманное: через два года он умер в тюрьме суздальского Спасо - Ефимьевского монастыря, куда был переведен в результате душевного расстройства после всего пережитого.

Но что не удалось Ф.Шаховскому, с успехом делали другие декабристы. Правда, опытных хуторов в их распоряжении не было, но почти каждый на своем участке (а

они у иных составляли по 60-70 десятин, как, например, у братьев Беляевых в Минусинске) производил опыты, придерживаясь научной основы.

Декабристом Д.И.Завалишиным, поселившимся в Чите, даже был разработан своеобразный план рационального хозяйствования, главнейшими положениями которого были:

- 1) исследовать, что может производить данная местность, и не гнаться за невозможным;
- 2) считать рациональным в хозяйстве то, что разумно и полезно в данных условиях;
- 3) считаться со временем - дворец можно построить и скоро при огромных средствах, но для того, чтобы выросло дерево, нужны годы;
- 4) без прочного основания не предпринимать никакого дела;
- 5) не допускать, чтобы дело господствовало над хозяином, было бы наоборот;
- 6) так не браться за дело наудачу.

Применяя эти положения на практике, Д.И. Завалишин закладывает большой огород и сад, занимается скотоводством, разведением новых пород коров, улучшением сенокосных угодий, выращивает новые сорта овощей и бахчевых культур. Им производились опыты возделывания гималайской черной ржи, имевшей зерно втрое больше обыкновенного, гималайского ячменя, многоплодной чечевицы.

Вводя разные усовершенствования, он изобрел молотильные катки, улучшал обработку почвы, отбирал лучшие семена для посева. Позднее, обобщая свои достижения, Д.И.Завалишин выступил в газете «Восточное обозрение» за 1862 год со статьей научного характера «Природа

и человек в деле колонизации» (Письмо в редакцию о сибирском хозяйстве), которая печаталась в четырех номерах с продолжением.

Автор писал в ней, что успех освоения Сибири зависит не только от природных условий, но, прежде всего, от их рационального использования, усовершенствования приемов ведения хозяйства. Делясь своим опытом, он рассказывал, что выращивал такие сорта растений, о коих «и не мыслили, что они могут произрастать». Арбузы, а их у него было около сорока сортов (часть из них он вывел сам), достигали даже пудового веса. «Особенно замечательны у меня, - писал Д.И.Завалишин, - были опыты с американскими и другими сортами табаку... листья виргинского табаку были более полутора аршин длины». В огороде он выращивал многие сорта лекарственных растений, из которых готовил разные капли, примочки, мази, уксус и т.д. в саду росли «английская и чилийская крупные малины, французская черная смородина, а также лимоны и ананасы. Цветы выращивались летом и зимой. Зимний сад представлял из себя 600 кадок и горшков разных цветов».

Заключая свои мысли Д.И.Завалишин утверждал, что в Забайкалье «при рациональном хозяйстве можно найти много еще отраслей, которые могут быть развиты до размера не только удовлетворения домашней потребности, но и требований торговли».

Можно было бы привести много других примеров того, как ссыльные декабристы вводили в культуру неизвестные в Сибири сорта полезных растений, конструировали сельскохозяйственные машины, улучшали породы скота. Так, например, братья Бестужевы в Селенгинске успешно применяли искусственное орошение, строили неизвестные

до того в Забайкалье парники, занимались разведением тонкорунных овец. К.Торсон там же, в Селенгинске, занимался совершенствованием сельскохозяйственных машин. Несколько таких орудий сконструировали братья Беяевы в Минусинске.

А.В.Поджио первым в Забайкалье вырастил спаржу, огурцы и цветную капусту. В.Ф. Раевский в Олонках под Иркутском выращивал арбузы, чем положил начало бахчеводству в Иркутской губернии. Н.О.Мозгалевский в Минусинске ввели посевы гречихи. В.А.Бесчаснов в селении Смоленщина Иркутской губернии занялся возделыванием конопли и добился блестящих результатов. Он же затем построил маслобойку. П.И.Фаленберг в селе Шушенском Енисейской губернии, а затем и в Минусинске успешно разводил табак, «именуемый Амафорка или Вахорка», ставил опыты по выращиванию виргинского табака.

И так везде, где бы ни находились ссыльные декабристы, они всюду вели свои наблюдения, ставили опыты. И поскольку разбросаны были по всему необъятному сибирскому краю - от Вилюйска и Читы до Ялуторовска и Кургана, то можно сказать: вся Сибирь была их опытным полем.

Заслуга декабристов, как и первых сибирских агрономов О.Обухова, П.Щербакова, Е.Лазарева, Е.Черных и многих других безвестных энтузиастов, состоит в том, что они своими неустанными поисками будили мысли сибирского хлебопашца, на собственном опыте убеждали его в пользе науки, агрономических знаний, лучших приемов и способов обработки земли, культивировании наиболее урожайных и морозоустойчивых сортов ржи, пшеницы, ячменя, овса и других культур. Все это не прошло бесследно, не пропало даром.

Один из наиболее видных декабристов Н.Басаргин, которому после отбытия каторжных работ местом поселения был назначен Туринск, имел все основания сказать: «Я уверен, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири, что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило». Он не ошибся. Сибиряки свято чтут все, что связано здесь с именами декабристов. И ныне, отмечая 400-летие начала хозяйственного освоения Сибири, они говорят им сердечное спасибо за тот огромный опыт, который они передали местному населению по ведению хозяйства, за бескорыстное распространение культурных и научных знаний. Добрая молва о них живет и поныне и будет жить во веки веков.

ХЛЕБ СИБИРИ

Шло время, и Сибирь уже стала не только кормиться сама собственным хлебом и не только в избытке обеспечивала им население Дальнего Востока, но все чаще и чаще уже «подкармливала» Европейскую Россию. Только в 1891 году, например, по случаю недорода в центральных губерниях страны, в Западной Сибири было закуплено и отправлено через Урал хлеба около пятнадцати миллионов пудов. Но даже и в обычные годы по два-три миллиона пудов ежегодно переправлялось из Сибири на рынки Европейской России.

Нужда в сбыте своего хлеба в Сибири с каждым годом нарастала все более и более. «За Байкалом в прошлом году, - писал в 1892 году известный сибирский промышленник А.М.Сибиряков, - мука стоила десять копеек пуд. Крестьяне стали находить невыгодным для себя заниматься уборкой хлеба, ссылаясь на то, что их труд не оплачивается... В Минусинске

синске в урожайные годы, которые там нередки, хлеба собирается очень много, и цена на него падает до восемнадцати-двадцати копеек за пуд. Причем единственным местом для сбыта ... являются одни только енисейские промыслы...»

Так обстояло дело в Сибири уже в девяностых годах XIX века. Еще более осложнилась обстановка здесь после прокладки Великой транссибирской магистрали, которая способствовала массовому переселению крестьян из Европейской России.

Благодаря изобилию дешевых крестьянских рук, в Сибири возникает торговое земледелие, а вместе с ним и торговое скотоводство, основанное на эксплуатации разорившихся земледельцев.

Огромный приток рабочей силы вызвал небывалое за столь короткий срок расширение посевных площадей. В период с 1901 по 1905 год в Сибири в среднем ежегодно засевалось хлебом по 3660 тысяч десятин, в 1906 - 1910 годы - по 4500 тысяч, а в 1913 году - уже 7105 тысяч десятин.

Все это, естественно, вызвало бурное увеличение валовых сборов зерна, которые к 1909 году выросли здесь до 300 миллионов пудов. Это было намного больше того, что потреблялось населением Сибири и Дальнего Востока. Избыток хлеба, теперь уже мощным потоком, хлынул через Урал. Набиравшая силу сибирская буржуазия, борясь с колониальной политикой правительства по отношению к окраинам, давно рвалась на рынки Европейской России. Угроза наводнения более дешевым сибирским хлебом вызвала панику в средней полосе России. «Это будет иметь своим последствием неминуемое разорение сельского хозяйства средней и южной России всего Поволжья», - писал нижегородский губернатор Хвостов.

Насколько серьезной была обстановка, говорит и тот факт, что этим вопросом вынуждено было заниматься непосредственно само царское правительство. Но последнее не смогло найти никакого другого выхода, как только изобрести в качестве предохранительной меры так называемый челябинский тарифный перелом, по которому оплата за провоз сибирского хлеба стала производиться не за сплошное расстояние от станции отправления до станции назначения, как прежде, а по совокупности плат за провоз от станции отправления до Челябинска и от Челябинска до станции назначения.

Эта искусственная мера, спасая от разорения помещиков средней полосы России нанесла чувствительный удар хлебной торговле Сибири. Однако хлебного потока она не остановила и не могла остановить. Он продолжал по-прежнему расти. Только за период с 1905 по 1909 год он составил уже 46,8 миллиона пудов ежегодно, а в 1910-1914 годы - 47 миллионов.

Но бремя челябинского тарифного перелома все-таки сказывалось весьма болезненно на сибирском земледелии, и потому влиятельные представители его с первых же дней боролись за отмену ограничений. Не находя сочувствия, однако, по этому вопросу в правительстве, они стали искать другой выход из создавшегося положения. Так, из Сибири все чаще стали раздаваться просьбы и требования открыть порты в устьях великих сибирских рек для захода в них иностранных торговых судов, как было во времена существования Мангазеи. Они доказывали, что Северный морской путь жизненно необходим для Сибири. (И не только для торговли хлебом, но и маслом, лесом, графитом, слюдой и прочими товарами, которыми Сибирь была изобильно богата). Этого на-

стоятельно добивались местные промышленники, такие, как А.М.Сибиряков, М.К. Сидоров, это убедительно доказывал, используя трибуну Государственной думы, С.В.Востротин, это поддерживал и Иркутский генерал-губернатор А.И.Селиванов. В 1906 году под председательством последнего в городе Иркутске было создано представительное совещание по обсуждению вопроса «О путях сообщения в Сибири». Совещание это, по свидетельству С.В.Востротина, «почти единогласно признало необходимость открытия порто-франко в устьях Оби и Енисея».

Интересно отметить, что, выдвигая перед правительством свое требование, сибиряки главным своим мотивом выставляли сбыт хлеба и уж потом всех остальных товаров и сырья.

Однако царское правительство оставалось глухо к этим горячим просьбам так же, как когда-то оно долго не хотело ничего слышать о строительстве транссибирской железнодорожной магистрали. Как известно, вопрос о сооружении железной дороги в Сибири был впервые выдвинут еще в 1858 году генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н.Н.Муравьевым - Амурским после заключения им с китайской стороной Айгунского договора. Жгучая необходимость этого предприятия была подтверждена потом целым рядом просьб, ходатайств и особых совещаний на разных уровнях в Сибири и в столице.

Тридцать лет понадобилось для того, чтобы наконец-то дошло до тугого сознания сановников кабинета министров, что строительство транссибирской магистрали - дело важнейшей государственной значимости.

Видимо, не меньшее количество лет потребовалось бы

для разрешения проблемы сбыта сибирского хлеба. Мы не беремся здесь судить, как надо было решать ее - открытием ли портов для иностранцев, как того просили сибиряки, или вытеснением американского хлеба с рынка Европейской России (оказывается, ограничивая приток дешевого сибирского хлеба, правительство допускало продажу более дорогого американского), или каким-то третьим путем. Но то, что проблему эту надо было решать срочно, не вызывало в то время сомнения ни у кого.

Даже в правительственном стане начинали раздаваться трезвые голоса. Так, например, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В.Кривошеин писал: «Нельзя задерживать сибирскую торговлю, если бы даже она угрожала конкуренцией, т.к Сибирь - неотъемлемая часть Российского государства». Под давлением этих голосов мало-помалу тарифный перелом в 1913 году был ликвидирован.

Но только в наши дни земледелие Сибири, вооруженное огромным парком тракторов, автомобилей, комбайнов и прочей сельскохозяйственной техники, возглавляемое высокообразованными кадрами агрономов, селекционеров, инженеров и другими специалистами, достигло внушительных успехов.

Окрепла и развилась сибирская сельскохозяйственная наука. Нет теперь здесь ни одной области, ни одного края, где бы не готовились свои кадры агрономов, инженеров, зоотехников, ветврачей и т.д. здесь много научно-исследовательских институтов и опытных станций. Есть даже Сибирское отделение Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук.

Современная Сибирь — одна из основных житниц государства. Теперь уже не по два-три миллиона пудов зерна

продают своего хлеба сибиряки и даже не по сорок семь миллионов, как это было перед началом первой империалистической войны, а по пятьсот и более миллионов пудов зерна закупает теперь здесь ежегодно государство. Есть все основания к тому, что уже в ближайшие годы эта цифра будет значительно увеличена.

Такой долгий и сложный путь прошло сибирское земледелие с тех далеких лет, когда первая партия русских крестьян перевалила за Уральский хребет, чтобы проложить первую борозду на сибирской земле.

Нам по собственному опыту известно, какой это труд - поднимать целину. В недалеком прошлом страна по заслугам награждала героев подъема целинных и залежных земель. Но какова же была степень героизма первых сибирских целинников, которые, не располагая и миллионной долей той техники, какая была у наших современников, не дожидаясь, когда проложат для них удобные пути сообщения, шли и ехали на восток, «топором прорубая путь», закладывая на отвоеванной земле города и засевая вокруг них пашни!

Низкий поклон вам, первые сибирские землепроходцы и земледельцы! Сыновнее спасибо - за беспримерный ратный и трудовой подвиг ваш!

КАК ОБШИРНОСТЬ ГРАНИЦ, БОГАТСТВА И СЛАВА РОССИИ ПРИРАСТАЛИ СИБИРЬЮ

Уходят дороги на запад,
Дороги идут на восток.
И, кажется, прошлое с завтра
Сошлось на развилках дорог.

Дороги, дороги Руси,
То хмурое небо, то ясная синь.
И подвиг, и слава, и время тревог-
Все начиналось с дорог!
Н. Старостин.

О НАРОДНОМ ХАРАКТЕРЕ

Да, все начиналось именно с дорог. Точнее с неотложной нужды в их прокладке, поскольку пришедшие в Сибирь вслед за Ермаком русские люди не нашли здесь никаких налаженных способов передвижения на дальние расстояния. А потому освоение зауральских пространств приходилось начинать прежде всего с прокладки дорог – как водных, так и сухопутных, что было отнюдь не простым делом в столь огромном крае, испещренном сетью широких полноводных рек, во множестве пересеченном высокими горными хребтами, сменяющимися то безбрежными урманными болотами, то сухими ковыльными степями.

Несмотря на огромные трудности, однако, нелегкая задача эта была успешно выполнена. Да не просто: сооруженные здесь пути сообщения оказались самыми протяженными на земном шаре. В результате Россия по обширности своей территории выдвинулась на первое место в мире.

Достаточно напомнить, что даже Аляска и Тихоокеанское побережье Северной Америки вплоть до форта Росс, находящегося в нескольких десятках километров от Сан-Франциско, стали владениями России.

Но прежде, чем начать рассказ о том, как это было достигнуто, необходимо хотя бы несколько слов сказать о характере людей, свершивших этот исторический подвиг.

Оглядываясь на прошлое нашего края, нельзя не заметить одной, очень существенной особенности, которая сопровождала развитие сибирской истории с самых первых дней. Речь идет о массовом героизме первых поселенцев новоприобретенного края. Не о смелости героев – одиночек, не об отваге славных землепроходцев только и не о риске тех многочисленных групп смельчаков, которые руководствовались в своих дальних путешествиях одной лишь жаждой наживы, промышлявших в Сибири пушниной, которую везли затем длинными водными путями через трудные волокы на Сольвычегодскую и Великоустюгскую пушные ярмарки, а именно о массовом трудовом героизме простых русских людей, мужественно преодолевавших «Океаны льда и снега», чтоб оживить холодную страну, вдохнуть в нее новую жизнь. О тех, кто, придя в Сибирь, оседал в ней, становился здесь постоянным жителем, кто осваивал эту неласковую землю, заводил пашню и промыслы, строил города и села, торил дороги.

Именно эти люди заложили основы характера, который был назван позднее сибирским. Главные черты его – выносливость, пытливость, мужество. И еще обостренное чувство пространства.

Просто диву даешься, как в короткий срок много узнали они о новом своем отечестве – о землях не только за Обью рекой и за Енисеем, но и за Леной и Колымой! Знали, где какой приток одной большой реки вершиной своей близко подходит к притокам другой, знали расстояния между ними и условия местности.

И они пользовались этими путями не только сами, а и служили проводниками другим людям, искали и находили новые дороги и способы передвижения, хотя о географии

как науке понятия не имели, более того, в большинстве своем не знали грамоты вовсе.

В связи с этим нельзя не упомянуть об опыте и влиянии Северной Руси, так называемого Русского Поморья, одним из главных центров которого был Великий Устюг. К сожалению, значение северорусских городов в освоении Сибири до сих пор раскрыто не полностью. Их роль давно правильно оценена, но раскрыта все еще недостаточно. Всякий раз, когда речь заходит об этом, наши историки, назвав десятка полтора громких имен устюжан, пинежан и других жителей Придвинья, прославившихся в качестве землепроходцев, считают вопрос самоочевидным и исчерпанным.

А между тем эта роль не сводилась только к личному участию известных землепроходцев. Она заключалась также (что не менее важно) в передаче ценнейшего опыта народной жизни северных областей России в новых, сибирских условиях, в сохранении и закреплении здесь черт характера северной ветви русской народности, ее обычаев и нравов.

Характер же этот сложился не сам по себе, а в силу специфических условий жизни Придвинского края. Дело в том, что Россия в те далекие времена не имела иных выходов к морям, кроме как только к Белому и Баренцеву. Великий Устюг и другие северные города, таким образом, волею судеб оказались в центре этого оживленного пути. Местные жители рождались, росли и мужали в атмосфере бесконечных передвижений, а потому многие из них сами становились искусными навигаторами, они ходили по Сухоне до Вологды, по Вычегде до печорского водораздела и по самой Печоре до Карского моря, а по Двине до Белого моря, через которое добирались до Баренцева, а оттуда до Новой Земли и Шпицбергена; поднимаясь же вверх по

рекам Югу и Лузе, достигали Волги и Каспия. Все эти плаванья требовали большого напряжения сил, мужества, отваги, способствовали выработке характера, не боящегося пространства.

Неудивительно, то как только в конце ХУІ века началось хозяйственное освоение Сибири, первыми за Урал устремились бывалые устюжане, тотемцы, пинежане, каргопольцы, народ сноровистый, смелый, для которого, как говорится, и сто верст – не околица.

О таких людях хорошо сказал писатель – декабрист Александр Александрович Бестужев-Марлинский: «Когда подумаешь, что русский мужичок-промышленник, мореход, на какой-нибудь щепке, на шитике, на карбасе, в кожаной байдарке, без компаса, без карт, с ломтем хлеба в кармане, плавал, хаживал на Грумант, в Камчатку из Охотска, в Америку из Камчатки, так сердце смеется, а по коже мурашки бегают. Около света опоясать? Копейка! Послушайте, как они говорят про свои странствия, про которые бы французы и англичане и в песнях не напелись и в колокола не назвонились, и вы убедитесь, что и труды и опасности для него игрушка... куда не поскачет – дорога, где ни обернется – простор».

Вот такие-то люди и были первыми из тех, кто начинал хозяйственное освоение Сибири. От них-то и ведет свою родословную сибирский характер.

МОРСКИЕ ВОРОТА СИБИРИ

Начинать разговор о путях сообщения в Сибири надо с тех троп, пользуясь которыми проникали за Урал отважные новгородцы. А шли они через Русское Поморье, северным краем, вдоль Мезени, Вычегды, Печоры и их притоков, за-

тем Северным Уралом поперек горного хребта и далее по Сосьве, Оби, Тазовской губе и Тазу.

К сожалению, время не сохранило никаких видимых следов существования этого пути. Одно можно сказать со всей определенностью: он был не из легких.

Другим древним путем в Сибирь служило Студеное море. И это не случайно. Замечательный русский флотоводец Степан Осипович Макаров сказал однажды: «Если сравнить Россию со зданием, нельзя не признать, что фасад его выходит на Северный ледовитый океан». Всякий, кто внимательно посмотрит на географическую карту, легко с этим согласится. Сплошной стеной опоясывают границы чужих государств нашу страну со всех сторон. И только с севера перед нею, подобно огромной площади, привольно раскинулась акватория полярного моря.

На эту особенность русские обратили внимание давно. К сожалению, мы очень мало знаем о делах наших далеких предков – жителей русских северных окраин. Пожалуй, никакая другая область отечественной истории не является столь бедной дошедшими до нас сведениями, как освоение полярных широт. Это тем обиднее сознавать, что в действительности названная часть русской истории, как никакая другая, была богата истинно героическими подвигами и свершениями. Иначе не могло и быть. Характер единоборства человека и природы здесь диктуют сами условия.

Когда русские начали плавать по Ледовитому океану? Кто ответит на этот вопрос? Очевидно, только летописи. Так вот, оказывается, что даже в самом древнем из новгородских летописных сводов под 1032 годом уже есть упоминание о походе по Студеному морю от устья Северной Двины к Железным Воротам. Возглавлялось это плавание новгородским посадником Улебом. Железными Воротами

в те времена назывался новоземельский пролив, который в наши дни именуется Карскими Воротами.

Вот в какую даль времен и расстояний уходит история плавания русских в Ледовитом океане! Что влекло туда смельчаков? Они плавали на Новую Землю за морским зверем и костью, а позже и за сибирскими соболями, которыми были богаты низовья Оби. Но для того, чтобы попасть на Обь от Железных Ворот, необходимо было пересечь Карское море.

Неужели и это было по силам древним русским мореходам? Ведь карские льды и поныне делают этот бассейн одним из труднопроходимых участков Северного морского пути. Как известно, в ту эпоху не было даже паровых двигателей. Парус же и весло в борьбе со льдами Арктики были слишком ненадежной гарантией успеха. Но, похоже все-таки, русские поморы плавали через Карское море. Во всяком случае более поздние подтверждения тому существуют. Основной же путь, так называемый «Мангазейский ход», которым пользовались новгородцы, а позднее и устюжане для достижения низовий Оби и Енисея, пролегал вдоль побережья материка, мимо печорского устья, через Югорский шар до реки Кары и далее, минуя ледяное Карское море, системой ямальских речушек приводил в Обскую, а затем и в Тазовскую губу, в самый центр Мангазейской земли.

Этим ходом пользовались несколько столетий. В 1619 году, однако, он был запрещен Московским правительством, так как создалась угроза захвата его англичанами, давно уже проявлявшими усиленный интерес к русским побережьям Ледовитого океана.

Однако, несмотря на запрет, поморы продолжали пользоваться отдельными звеньями этого пути. А с начала 70-х

годов прошлого века возобновились и сквозные плавания.

Возобновление было вызвано развивающейся экономикой Сибири, в особенности развитием местного земледелия. Но не один только хлеб составлял богатство Сибири. Она производила, кроме того, много масла, мяса, сала, кож. Она была сказочно богата лесом, различными минералами. Здесь по-прежнему много добывалось пушнины, красной рыбы и т.д.

Однако доставка из Сибири всех этих грузов за Урал была сопряжена с целыми рядом подчас непреодолимых трудностей из-за почти полного бездорожья края. Бесконечно длинный, плохо налаженный гужевой тракт не мог обеспечить потребностей огромной страны в грузовых перевозках, благодаря чему экономика ее вынуждена была влачить вялый характер.

В этих условиях местные купцы и промышленники лихорадочно искали выхода из создавшегося положения. Выход же был один – налаживание удобных путей сообщения – либо водных, посредством соединения сибирских рек каналами и шлюзами, либо сооружением транссибирского железнодорожного пути. Но поскольку царское правительство с этим не торопилось, местные толстосумы пытались взять инициативу в свои руки. Надо отдать справедливость, среди сибирских купцов и промышленников были подлинные энтузиасты и патриоты края, как, например, А.М. Сибиряков, М.К. Сидоров и некоторые другие. Ими двигала, конечно, не бескорыстная благотворительность, а расчеты на то, что каждый затраченный рубль на строительство дорог и каналов им же в первую очередь принесет дивиденды. И потому они наперебой предлагали деньги на строительство Обь-Енисейского канала, на расчистку порогов Ангара и другие проекты, которые сами, на свой счет, разраба-

тывали и всякими путями проталкивали в правительство. Но всякий раз натыкались на отказы.

Разбогатевшие на дешевых сибирских хлебах и золоте местные купцы и промышленники рвались не только на всероссийский рынок, они давно уже мечтали об участии в западноевропейской торговле. Один из наиболее богатых представителей их А.М. Сибиряков писал в 1892 году: «Сибирь богата водными путями, реки ее даже считаются первыми в мире...наша задача состоит в том, чтобы ими пользоваться, как должно... создать систему сообщений, имеющую своим выходом море. Что наступило время подумать об этом, лучше всего доказывает прошлый и нынешний годы. В прошлом году...на Оби было закуплено хлеба до 15 миллионов пудов, для перевозки его в Тюмени было вновь построено около 20 пароходов...а куда деваться со своим хлебом Сибири, когда будут изобильные урожаи не только на Оби, но и на Иртыше, да и Европейская Россия не будет нуждаться в сибирском хлебе?»

И вот он хлопочет о сооружении канала Сосьва – Илыч для соединения обского бассейна с печорским, посредством которого сибирский хлеб мог бы пойти на Архангельск. И предлагает деньги для этого. М.К. Сидоров выдвигает свой вариант пути – через систему ямальских речек и канала между Туруханом и Тазом, и также берется осуществить это на свой собственный счет. Енисейский купец П.Е.Фунтосов назначает 10 тысяч рублей в премию тому, кто первым пройдет по предложенному им направлению Обь-Енисейского водного соединительного пути.

Было много других предложений. И хотя правительство неизменно отвечало отказом, однако оно не могло охладить купеческую инициативу. Последняя стала искать иного выхода. Так, М.К. Сидоров удивил Европу и Россию герои-

ческим рейсом снаряженной им шхуны «Утренняя заря», которая вышла в море из устья Енисея 9 августа 1877 года. Ее плавание было сопряжено с массой труднопреодолимых опасностей, ибо построенная в Енисейске плоскодонка по свидетельству специалистов «являла собой самый плохой образец корабельного искусства». К тому же она была почти без навигационных приборов. 18 августа, войдя в Карские Ворота, экипаж этого утлого суденышка пережил самые страшные часы своего дальнего плавания. В сильнейший шторм трудно управляемая баржа стремительно понеслась на отвесно обрывающиеся скалы южной оконечности Новой Земли. Лишь нечеловеческие усилия смелых мореходов отворотили почти неизбежную ее гибель.

За время 12-тысячекилометрового пути было много всяких других опасностей и приключений, прежде чем «Утренняя заря» ошвартовалась у пирса на Неве 19 ноября 1877 года. Герои доставили в столицу богатую коллекцию сибирских полезных ископаемых – образцы серебрянных, медных и железных руд, а также 200 пудов графита, чучела птиц, зверей, гербарии, этнографические материалы и т.д. это был, можно сказать, своеобразный агитрейс, задачей которого было заинтересовать русские научные общества, Академию наук и правительство выгодной разработкой сибирских богатств, в то же время доказать возможность сквозных плаваний из устьев Оби и Енисея в Европу.

Удачно начатое дело получило не менее успешное продолжение. Уже на следующий год другой сибирский промышленник А.М. Сибиряков снаряжает сразу два судна – пароход «Фразер», переименованный им затем в «Москву», и парусный бриг «Экспресс». Вышедшие из Бремена, они доставили в устье Енисея промышленные товары, а обратным ходом в Германию повезли сибирскую

пшеницу. В 1879 году они вновь пришли на Север с различными товарами, в обратный же путь снова загрузились пшеницей. М.К. Сидоров в свою же очередь фрахтует английское судно капитана Виггинса, которое дважды приходит из Англии на Енисей.

Как говорится, лиха беда начало. Эти рейсы убедили даже чиновников морского министерства в том, что пришла пора налаживать пароходство в морях Северного Ледовитого океана. В 1893 году в Енисейск приходит целая флотилия военных кораблей под командованием капитана Добротворского. Тогда же в связи с началом строительства железнодорожной магистрали из Англии в устье Енисея на трех пароходах были доставлены закупленные там рельсы.

И хотя груз дошел до Красноярска не полностью (часть рельсов при выгрузке в Гольчихе была утоплена), тем не менее еще раз было убедительно доказано, что сквозные плавания по Северному морскому пути возможны. Следующим шагом явилось снаряжение каравана грузовых судов в связи с начавшейся русско-японской войной. Только – только построенная железная дорога не справлялась с резко возросшим грузопотоком на Дальний Восток. Потому было решено часть его отправить через Балтийские порты, вокруг Скандинавии в устье Енисея, а оттуда вверх по реке до Красноярска.

Суда грузились в Риге и Либаве. Экспедиция под командованием Сергеева состояла из двух паровых лихтеров, девяти непаровых лихтеров, семи буксиров и четырех больших торговых пароходов. Надо отдать должное, экипаж моряков задание выполнил блестяще.

Мы здесь говорили лишь о русских судах и рейсах. Но не только они бороздили северные воды. В описываемое время в наши северные порты приходило много иностран-

ных судов, зафрахтованных сибирскими купцами и промышленниками. Всего с 70-х годов по 1904 год было проделано 87 плаваний из Европы в Сибирь и обратно (при этом погибло и пропало без вести 10 кораблей).

Наибольшей остроты необходимость налаживания Северного морского пути достигла в предреволюционные годы. Особенно после введения так называемого челябинского тарифного перелома. Сибиряки в это время, используя даже трибуну Государственной думы, настоятельно требовали открыть порто-франко в устье Оби и Енисея. Главным своим мотивом они выставяли сбыт сибирского хлеба, масла, леса, графита и прочих товаров.

Говоря о Северном морском пути, надо несколько слов сказать о Енисейске, являвшемся главным отправным либо конечным пунктом дальних плаваний. Нам уже приходилось упоминать об этом городе, о той большой роли, которую он играл в хозяйственном освоении Сибири. В свое время Енисейск был важнейшим административным центром, из которого велось управление всей Восточной Сибирью, включая Якутск и Забайкалье. Его не миновали ни землепроходцы, ни участники двух великих камчатских экспедиций, никто из путешественников и ученых, изучавших Сибирь тех времен. Позднее Енисейск приобретает не менее важное значение в качестве золотоносной столицы Сибири во времена «золотой лихорадки» на Енисее в середине прошлого века.

Но, пожалуй, самая главная и наиболее интересная роль, которую ему пришлось сыграть в истории Сибири, - это роль морского порта (несмотря на более, чем двухтысячекилометровую отдаленность от побережья Ледовитого океана).

Трудно объяснить, почему именно этот город становит-

ся одним из значительных сибирских центров судостроения и наиболее важной и известной гаванью? Разве не было у других приречных городов сходных условий, скажем, у того же Тобольска или Обдорска, Тары, Сургута или Березова на Оби и ее притоках, либо у Туруханска или Красноярска на Енисее?

Разумеется, были. Но ни один из названных городов не смог тягаться с Енисейском по дерзости и размаху освоения северного морского пути, в особенности по попыткам налаживания внешнеторговых связей.

Позднее лишь Омску удалось перехватить пальму первенства по количеству и объемам перевозок на Северном Ледовитом океане. Здесь, на среднем Иртыше, после учреждения Убекосибири появился подлинный штаб планомерного наступления на Арктику. Работа успешно велась на научной основе при непосредственной помощи Советского правительства. Но это было уже в Советскую эпоху. Что же касается дореволюционного времени, то тут у Енисейска соперников не было.

Но даже и Омск, несмотря на превосходство в объемах перевозок и более высокий уровень постановки дела, не мог превзойти Енисейск в широте связей. Из Омска прежде всего осуществлялись лишь каботажные плавания. Енисейск же был связан с портами Европейских государств – Норвегии, Англии, Швеции и Германии.

Многие енисейцы жили мечтой по дальним плаваниям. И хотя мечта эта была отнюдь не гриновская, не романтическая, а сугубо деловая, она, несмотря на это, была не менее прекрасной.

Кстати, об енисейцах. Пожалуй, ни в ком так ярко и сильно не проявлялся героический и пытливый характер, как в них. И кто знает, не характер ли самого Енисея в

какой-то мере сказался в этих людях? В самом деле, нет и не было за Уралом реки более могучей и величественной.

Не случайно великий русский писатель Антон Павлович Чехов, проезжая через Красноярск в 1890 году, по пути на Сахалин писал о Енисее: «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателем Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость».

И далее: «Я стоял и думал? Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега! Я завидовал Сибирякову, который, как я читал, из Петербурга плывет на пароходе в Ледовитый океан, чтобы оттуда пробраться в устье Енисея..»

С самых первых дней освоения Енисей стал рекой поистине государственной в том смысле, что плавания по нему вызывались не только нуждами передвижения людей и грузов лишь местного значения, но чаще всего преследовали интересы общесибирские, нередко общегосударственные.

Именно здесь, на его берегах, рождались и частично воплощались в жизнь дерзкие идеи дальних водных сообщений, смелые проекты соединения отдельных отрезков водных путей в единую непрерывную магистраль через всю Сибирь. Более того, через Урал и Печору с Двиной вплоть до Архангельска.

Выше мы приводили восторженные слова А.П.Чехова о Енисее. Однако в том же самом его высказывании есть другое утверждение. Он сказал, что жизнь на этих берегах «началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась». При всем огромном уважении к великому писателю, да позволено будет не согласиться с приведенными

выше словами его. Антон Павлович никогда в Сибири не жил и основательно ее историей не занимался. Он лишь проезжал через нее на остров Сахалин, о котором впоследствии написал потрясающую книгу. То же, что было им сказано о первоначальном этапе освоения Сибири, в частности, приенисейских земель, неточно. Ибо не стоном, а именно удалью начиналась жизнь Сибири, в том числе и на могучем Енисее. Стоном она стала сопровождаться позднее, когда Сибирь по воле царского самодержавия была превращена в край ссылки и каторги.

Новая эпоха в освоении полярных широт наступила после революции. Когда началось успешное, в тесном контакте с наукой, освоение Северного морского пути. Уже в трудном 1920 году в связи с разрухой, царившей на железных дорогах страны, Северным морским путем из обских и енисейских портов доставляется хлеб голодающему населению архангельского Поморья. В 1921 году эти поставки увеличиваются. В обмен на сибирский хлеб из Архангельска в Сибирь шли промышленные товары, трактора, станки, машины.

Планомерное наступление на Арктику усиливается в 30-е годы. С тех пор мы не перестаем восхищаться все новыми и новыми подвигами наших современников: советских моряков – североморцев, летчиков, ученых – всех ветеранов Арктики, вписывающих одну героическую страницу за другой в летопись освоения Северного морского пути. Достаточно вспомнить хотя бы исторический поход «Сибирякова» в 1932 году, челюскинскую эпопею 1934 года, героическую зимовку папанинцев в 1937 году, дрейф «География Седова» в 1938 году, подвиги североморцев времен Великой Отечественной войны, плавания атомохода «Ленин» в послевоенные годы и, наконец, триумфальный прорыв атомохода

«Сибирь» к Северному полюсу в 1979 году. Ослепительный фейерверк подвигов! А ведь славные страницы эти — лишь достойное продолжение дела. Начало же покорения арктических пространств уходит в глубину веков.

КАНАЛ, КОТОРОГО НЕТ НА КАРТЕ

До сих пор мы говорили о путях, которые вели в Зауралье и оттуда в Европу. Теперь остановимся на том, где прокладывались первые пути сообщения на территории самой Сибири.

Поскольку, как уже отмечалось, русские люди не нашли за Уралом никаких налаженных путей, то в качестве последних они стали использовать местные реки, благо недостатка в них тут не было. И хотя многоводными и длинными оказались они, вполне удобными и как будто самой природой предназначенными для сношения между различными частями огромной территории, было все же одно великое неудобство: текли они не к востоку, как простиралась сибирская земля, а поперек — с юга на север. И оттого людям, следовавшим от Урала к Тихому океану, приходилось часто перебираться из бассейна одной реки в бассейн другой волоком, по сухопутью.

Хорошо, если люди не были обременены большой поклажей, если ехали они налегке. А если с грузом, то трудно им приходилось на волоках.

Главный путь в Сибирь начинался в уральском городе Верхотурье. Здесь строились лодки, дощаники и прочие речные суда, которые можно было нанять или купить для далеких путешествий по Сибири. Путь от Верхотурья шел по реке Туре, далее по Тоболу, Иртышу, затем вверх по Оби до устья Кети, далее по Кети до села Маковского, от

которого 89-верстным волоком на телегах до города Енисейска.

Здесь начиналась новая водная дорога по Енисею, Ангаре, Байкалу и Селенге, вплоть до самой монгольской границы а если перевалить было через илимский волок с Ангары на реку Илим, путешественник оказывался уже в бассейне следующей великой сибирской реки Лены, откуда землепроходцы через Тугинский волок не раз сплавлялись в Амур и проходили им до самого океана. Из той же великой реки Лены они переправлялись на Индигирку и на Колыму, а с Колымы уже «морем-окияном» добирались до Анадыри и Камчатки.

Труден и долог этот путь. Строительство и усовершенствование Московско-Сибирского тракта во многом способствовало решению проблемы все возрастающего с освоением края объема перевозок.

Однако дороговизна гужевого способа на столь огромных расстояниях толкала к поискам других, более дешевых средств передвижения людей и грузов.

Зарождение частных пароходств на реках Сибири явилось крупнейшим шагом вперед в усовершенствовании путей сообщения в этом отдаленном крае. Первые пароходы в Сибири появились в 1843 году – в бассейне Оби. Уже через одиннадцать лет они начинают ходить по Амуру, а с 1856 года пароходство заводится и на Лене.

С ростом числа пароходов на сибирских реках все более облегчаются грузовые и пассажирские перевозки. Но по прежнему остаются трудности и неудобства перевалки грузов на стыках речных бассейнов. И тогда в полный рост встает идея транссибирского речного пути.

Если бы даже в наши дни кто-либо предложил дерзкий проект соединить между собой такие реки, как Тура, Тобол,

Иртыш, Обь, Енисей, Ангара, Лена, Амур (или Селенга и Амур) посредством каналов и шлюзов в единый бесперевалочный путь от Верхотурья либо Тюмени до Николаевскана-Амуре, то и теперь, пожалуй, мало нашлось бы людей, не подивившихся смелости этой мысли и не усомнившихся в душе своей возможности скорого ее исполнения.

Между тем, идея транссибирского речного судоходства зародилась и жила давно. Первые проекты соединения Оби и Енисея относятся еще к концу XVIII века, к эпохе царствования Павла I. уже тогда рассматривалось несколько вариантов будущего канала: в створе рек Вах и Елогуй, Тым и Сым, Кеть и Кемь. Существовал и еще один проект: Чулым – Кемь.

Все эти направления не раз исследовались, но исполнить ни один из выдвигавшихся вариантов не удалось из-за того, что по тем временам все это оказывалось слишком сложно и дорого. И только с заведением на великих сибирских реках пароходств появились иные возможности. Об этом много в то время писали газеты, спорили инженеры, горячо обсуждали навигаторы, сибирские миллионеры трясли мошной. Такие крупные сибирские промышленники и пароходчики, как А.М. Сибиряков и М.К. Сидоров, жертвовали большие суммы на изыскательские работы и строительство Обь-Енисейского канала.

Царское правительство, однако, отдавая себе отчет в том, что проектируемый канал имел бы кроме экономического еще и стратегическое значение, строительство решило взять в свои руки.

Рассмотрев достоинства и недостатки четырех выше-названных направлений соединения Оби и Енисея, правительственная комиссия приняла к исполнению проект по новому, пятому направлению – Кеть – Кас, где притоки

Кети – Озерная, Ломоватая и Язевая – отстояли от верховий реки Малый Кас енисейского бассейна всего лишь на несколько километров.

Здесь и решено было сделать «прокоп». Начало строительства было назначено на лето 1883 года.

До места предстоящих работ строители добирались водой. Те, что были набраны в Томске, Причулымье и Колывани, плыли вниз по Оби, затем вверх по извилистой длинной Кети, а нанятые в Енисейске и прилежащих деревнях ехали на лошадях или шли пешком до старинного села Маковского. Дальше сплавлялись вниз по Кети до устья Озерной, а по ней до Ломоватой и Язевой.

Более двух тысяч человек собралось в первое лето на месте будущего канала. Изобильные раньше лишь гнусом урманные места эти огласились непривычным здесь шумом и гамом.

И вот наступил час, и ударили, дружно вгрызаясь в грудь земли, заступы, и понесся по тайге, распугивая зверье, тревожный хруст вековых корней. Барабанным боем отдавало урманные эхо перестук веселых топоров на плотинах. На реке Язевой над водою поднялся остов первого шлюза.

Строительство начиналось огромное. Одних только плотин надо было соорудить двадцать восемь. Кроме того, необходимо было возвести двадцать девять шлюзов, расчистить от заломов и карчей мелкие речушки, спрямить их русла и углубить дно. Дело предстояло громадное не только по объему работ, но и по тем последствиям, которые ожидались от исполнения смелого и трудного проекта.

Вслед за строительством Обь-Енисейского канала должны были начаться работы по расчистке Ангары.

К сожалению, осуществить все это тогда не удалось. Построен был только Обь-Енисейский канал. Но и его закончили не полностью.

Осуществлено было лишь «первоначальное устройство пути», или, как мы сказали бы теперь, лишь первая очередь. Поскольку денег у казны было мало, то строительство велось с таким расчетом, чтобы канал как можно раньше начал себя окупать. Поэтому он пока приспособлялся лишь для маломерных судов с тем, чтобы затем постепенно расширять его шлюзы для пропуска и больших пароходов.

В таком первоначальном виде он действовал несколько десятилетий. Им пользовались местные купцы и промышленники, провозились казенные грузы. В конце 90-х годов по каналу проезжал французский путешественник Жюль Легра, позднее рассказавший об этом в своей книге «По Сибири», изданной в Париже в 1899 году.

«Я не могу скрыть радостного удивления, в которое повергает меня такая серьезная работа, выполненная несмотря на всяческого рода трудности в болотистом лесу среди комаров и лихорадки, с кучкой случайных людей и особенно с более чем скромными кредитами, - писал он в своей книге. – Из-за отдаленности от всякого центра цивилизации металл здесь употреблялся как можно меньше. Шлюзы построены целиком из дерева. Камень, который тут невозможно найти, не употреблен. Я бы никогда не поверил, что можно придать балкам и деревянным кессонам, заполненным землей, такую водонепроницаемость и сопротивляемость».

Несмотря на восторженную оценку французского путешественника, данную Обь-Енисейскому каналу, судьба последнего была предreshена. Все дело в том, что казна не торопилась с ассигнованиями на развитие канала. Всего ею было выдано на строительство лишь треть запланированных сумм. В результате из 29 шлюзов было построено пока

лишь 14. в то время как частное судостроение развивалось более быстрыми темпами.

По сибирским рекам уже во множестве курсировали суда значительно более крупных размеров, чем те, на которые канал был рассчитан по проекту «первоначального устройства пути». И хотя в общем-то параметры канала были вполне приличными, они тем не менее уже не удовлетворяли нужд быстрого развивающегося сибирского судоходства.

Тот же Жюль Легра писал об этом так: «В 9 час.30 мин. мы бросили якорь на некотором расстоянии от правого берега Ломовского стана... Здесь начинаются трудности... Трудность заключается для нас в узости его ворот. Правда, они таких размеров, которые мы посчитали бы прекрасными для Франции: ширина 8,5 метра, однако же, этого очень мало для нас. Томский «Николай» - колесный пароход имеет 11 метров 36 сантиметров ширины. Следовательно, для того, чтобы пройти через ворота шлюза, нужно демонтировать колеса и каюты, расположенные над ними. Эта работа потребует, по крайней мере, два дня. Понадобится буксир, чтобы вывести нас за последний шлюз».

Итак, нужна была достройка канала. Однако правительство отказалось от первоначального плана. В Петербурге к тому времени созрела мысль о необходимости сооружения транссибирской железнодорожной магистрали.

Дело в том, что как бы ни были дешевы водные перевозки и как бы ни был хорошо налажен путь технически, судоходство в нем в сибирских условиях возможно лишь в летнюю пору.

После вступления в эксплуатацию железной дороги необходимость в транссибирском речном пути отпала.

Но, думается, лишь временно. Наступит пора, в этом нет никакого сомнения, и транссибирский водный путь будет все-таки сооружен. Сама природа, удобное и выгодное расположение сибирских рек подсказывают такое решение. Относительно же дешевизны доставки грузов, то в этом никакой другой способ перевозок не может составить конкуренции водному.

А что представляет собой Обь-Енисейский канал ныне? Построенный в конце прошлого века в глухом углу сибирского таежного междуречья водный соединительный путь, как уже говорилось, эксплуатировался в течение нескольких десятилетий. Последний раз с большим трудом по нему проводили катера во время Великой Отечественной войны.

В настоящее время канал несудоходен. Деревянные шлюзы обветшали, дно заилилось, русло засорено топляками.

ВЕЛИКИЙ ТРАКТ

Читатель уже обратил внимание на то, что рассказывая о водных путях сообщения в Сибири, мы не раз упоминали о сухопутных. Они развивались одновременно с морскими и речными, и у них было очень важное преимущество перед последними, они не зависели от времени года, по ним движение осуществлялось не только летом, но и зимой.

Главной сухопутной дорогой Сибири был Московско-Сибирский тракт. Его именовали то кандальным, то тюремным, то каторжным. В каждом из этих названий была отражена та тяжкая «обязанность», которую долгие годы нес знаменитый Московско-Сибирский тракт. Он на самом деле был и кандальным и каторжным. Все так. Все правильно.

Но был он еще и великим. Прежде всего по своей протяженности – это была самая длинная дорога в мире. Да и назначение ее отнюдь не сводилось только как к средству передвижения партий ссыльных. При всей своей огромной длине тракт в то же время представлял собой наиболее короткий почтовый и торговый путь, связывавший восточные окраины государства с центром. Его значение в качестве почтовой, торговой и стратегической коммуникации было поистине неоценимым.

С самых первых дней своего зарождения он играл довольно заметную роль в экономической жизни страны. В эпоху, когда, по выражению поэта, старая «Русь вырастала в Россию», когда завершалось образование русского централизованного государства с единым общим рынком, когда даже в силу этого даже самые отдаленные окраины стали тяготеть к ее центру, роль Московско-Сибирского тракта во всем этом была далеко немаловажной. С годами она вырастала еще более.

Сибирский тракт, кроме того, имел международное значение. Как известно, он в Кяхте соединялся с караванным путем, пролегавшим через Монголию и Китай. По нему шли грузы не только из-за границы в Россию, но и из России в страны Востока.

Вот почему, отмечая 400-летие присоединения Сибири к русскому государству, нельзя не упомянуть добрым словом эту главную дорогу Сибири, без которой было бы немислимо хозяйственное освоение и культурное развитие огромного края.

Когда и кем был проложен Московско-Сибирский тракт? Ответить на это непросто. Прокладка, развитие и усовершенствование его – дело не одного поколения людей.

Отмечалось уже, что сношения новгородцев с Сибирью, их походы «в Югру и за самуюдь» пролегли в основном по воде и разным волокам. Зимой они шли обычно по льду, теми же северными реками или вдоль них. С конца XV века от Москвы в сторону Сибири путь пошел несколько южнее – через Вологду и Великий Устюг, а оттуда на Соликамск и Чердынь. Этим путем пользовались и в первые годы после Ермака. От Соликамска же двигались вверх по притокам Камы до верховий реки Тавды, а оттуда спускались к Тобольску. Дорога эта была, однако, «слишком длинна и окольна».

Более удобный путь в Сибирь был открыт в 1597 году. Для его поисков, как говорит летописец, «были отряжены нарочитые люди – сыщики». Лучшее направление предложил некий промышленный человек Артемий Бабинов. Получивший название Бабиновского, путь пошел от Соликамска не на Север по реке Вишере до Лозьвы, как было ранее, а сухопутьем до верховий Туры на Тюмень и далее до Тобольска. Вторая половина этого пути – от Верхотурья до Тобольска – летом обычно шла по Туре и Тоболу, а зимой санным способом через Ирбит на Туринск и далее по льду названных рек.

Новая дорога оказалась короче пути, которым пользовались ранее, примерно на две тысячи верст. Но точно и она никем не промерялась. Расстояния тогда измерялись временем, необходимым на преодоление пути. Так, в старинной «Росписи сибирским городам и острогам» указывается: «С Верхотурья к Туринскому острогу... вниз водою до Усть-Тагила реки до Туринского острогу ходу пол-три дни, а в легких стругах с Верхотурья до Туринского острогу ходу четыре дни... А зимним и летним сухим путем до Туринского острогу лошадьми четыре дни, а наскоро три дни».

Долог был путь по Сибирскому тракту в те времена. Так, чтобы путешественнику добраться от Тобольска до Селенгинска, требовалось не менее шести месяцев непрерывного пути, а до Нерчинска – около девяти месяцев. Грузы же шли еще медленнее.

Новой жизнью тракт зажил в первой половине ХУШ века. Петр I давно и пристально вглядывался в сторону Востока, где его интересовало все – полезные ископаемые сибирских недр, торговля с Китаем и тихоокеанское побережье. Вот почему он позаботился о налаживании надежных путей сообщения в этом крае. В результате резко увеличилась пропускная способность старого тракта, и почта, ранее ходившая в Сибирь только с оказией, стала отправляться регулярно, вначале по три раза в год, а с 1724 года – ежемесячно.

Значительно спрямлено было и направление тракта. Он давно уже шел от Москвы не на Вологду, а на Владимир (отчего и получил название «Владимирка») и далее на Казань и Пермь. Уральский участок тракта также был выпрямлен и смещен к югу. От Перми он пошел на Кунгур, Екатеринбург и Тюмень, оставив далеко в стороне Верхотурье. Все работы здесь по усовершенствованию тракта велись под присмотром управляющего горным округом В.Н.Татищева.

В Средней Сибири, т.е. от Томска до Иркутска, реконструкция пути велась под руководством широко известного мореплавателя капитан-командора Витуса Беринга. Направляясь в 1733 году на Дальний Восток во главе так называемой Второй Камчатской экспедиции, он имел еще и дополнительное поручение по налаживанию почтового тракта в Сибири. Он обязан был по мере продвижения на восток «назначать станы, от которого

до которого места возить летом и зимой почту». Помощниками его в этом деле были ехавшие вместе с ним геодезисты Плаутин и Баскаков. По их распоряжениям не только были определены и заложены станы, но и поставлены верстовые столбы.

Кстати, о сибирских верстах. В исторических архивах петровской эпохи хранится следующий любопытный документ, адресованный верхотурскому воеводе: «1712, сентября в 27 день, по Указу Великого Государя... Петра Алексеевича, всяя Великия и Малыя и Белья России самодержца, Сибири губернатор князь Матвей Петрович Гагарин приказал: по получении сего Указу, послать с Верхотурья до Туринска человека доброго из старых подьячих, и велеть мерять всякую версту по пятьсот сажень, и ставить столбы... а с Верхотурья надписать первый столб».

Как видим, именно с Верхотурья повелся счет бесконечным сибирским верстам. Оттуда же была налажена и «почтовая гоньба» во все сибирские города вплоть до Якутска и Охотска.

Более основательные перестройки Московско-Сибирского тракта производились в 1763-1780 годах и в начале двадцатых годов прошлого века. На всем протяжении пути через каждые 25-30 верст были заново возведены так называемые ямы – с домом для отдыха проезжающих, с амбаром и сеновалом для хранения фуража для лошадей и помещением для ямщиков.

В последующем был спрямлен еще один участок тракта, в результате чего в стороне остались трудный Аевский волок и древняя Тара. Для дороги было найдено более короткое и более удобное направление – от Тюмени на слободу Коркинскую (ныне город Ишим), Абацкое, город Тюкалинск.

На тракте действовал утвержденный самим царем строгий регламент, кому и сколько отпускать лошадей. Станционные смотрители, сверяясь с подорожными проезжающих, выдавали им только то количество лошадей, которое соответствовало их званию и должности. Так, например, для проезда по тракту генерал-фельдмаршала в его повозку полагалось запрягать двадцать лошадей; митрополитам и сенаторам, генералам от кавалерии и инфантерии, действительным тайным советникам – по пятнадцать; архиепископам и генерал-лейтенантам – по двенадцать; епископам, генерал-майорам и действительным статским советникам – по десять; капитан-командорам и статским советникам по восемь лошадей и т.д. Титулярным советникам, для примера, в чине которого состоял великий А.С.Пушкин, полагалось запрягать не более трех лошадей. Купцам и людям нижнего звания также полагалось давать не более трех. Таков был порядок. Но можно было при необходимости и при желании прикупить за свой счет дополнительное количество лошадей, если на станции таковые оказывались свободными.

Движение по тракту во всякое время года было оживленным. По данным П.Головачева, только между Томском и Иркутском во второй половине 80-х годов прошлого столетия было занято свыше шестнадцати тысяч ямщиков с восьмьюдесятью тысячами лошадей, которыми перевозилось до четырех миллионов пудов грузов.

Ямщик на тракте был самой главной фигурой. Как правило, это были люди горячие и расторопные. Надо сказать, ямщики в России во все времена были особым сословием. Их можно было назвать даже мужицкой интеллигенцией. Постоянные поездки на большие расстояния, в разные от-

даленные края, встречи со многими интересными и бывальными людьми обогащали их знанием жизни, расширяли кругозор. Не случайно в народе так много бытовало песен о ямщиках. Некоторые из них живут и поныне.

Одна из них – «Однозвучно гремит колокольчик» относится непосредственно к Московско-Сибирскому тракту. Автор слов ее, Иван Иванович Макаров из поселка Сива Пермской губернии, был старшим ямщиком конвойной роты, сопровождавшей ссыльных и каторжан от Перми до Тобольска и Томска. Здесь, на этом пути – на уральских ли склонах, в Барабинской ли степи – и родились его бесмертные строки.

В концовке широко известной песни Гурилева нет слов о ссыльных и о Сибири. Композитор убрал их, очевидно, по цензурным соображениям. Но у Макарова они были. Вот две последние строфы этого стихотворения:

Однозвучно звенит колокольчик,
И не слышится песнь ямщика.
Слышен звон кандалов, а дорога,
Дорога в Сибирь далека.

Мы вернемся с тобой из Сибири.
Ну, а те, что у нас впереди,
Те простились навеки с Россией.
Им обратно уж нету пути.

И.И. Макаров, как рассказывает его биограф А. Шварц из Перми, был автором ряда других стихотворений. Но прожил он, к сожалению, не долго. В одну из дальних поездок поэт-ямщик замерз в пути. «Это часто случалось в зимние бураны, особенно во время переходов по Барабин-

ской и Кудундинской степям», - пишет А.Шварц.

И кто знает, не о нем ли, не о Макарове ли кем-то была сочинена другая, не менее известная песня, рассказывающая про то, как «в степи глухой замерзал ямщик?» Этот вопрос напрашивается тем более, что у Макарова, как и у замерзающего песенного героя, была молодая, горячо любимая жена, часто упоминавшаяся в его стихах. А одно из них – «Ты грустишь, моя милая Маша» - целиком посвящено ей.

Он писал в нем:
Ты грустишь, моя милая Маша,
Что еду в далекий я путь.
Не легка моя будет дорога,
Помолись обо мне. Не забудь.
Ты храни себя, милая Маша.
К тебе в Сиву вернусь я вновь.
Пусть минует тебя князя плетка,
Пусть минует и княжья любовь.

Я вернусь, и конвойный начальник
Разрешит Сиву мне навестить,
И уйдем далеко мы полями,
Чтобы горе людское забыть.

Случилось однако так, что Ивану Ивановичу Макарову не суждено было больше увидеть свою «милую Машу». После его смерти ей доставлены были только «мешок худой, сапоги худые, две пары исподнего белья, картуз добрый да бумаги с сочинительством».

Так в 1852 году погиб ямщик-поэт. Слова же полюбившейся в народе песни его живут и сегодня. Следует отдать должное, И.И. Макаров – не исключение. Среди ямщиков

встречалось немало талантливых людей. Многие из них впоследствии «выбивались в люди», заводили свое дело, либо оставляли после себя интересные записки. Братья Черепановы, например, из Тобольска, создали даже целый труд по истории Сибири, так называемую Черепановскую летопись.

Основная же масса ямщицкого сословия влачила жалкое существование. Труд их был нелегок, а оплачивался скудно. Но в деле своем все они были, как уже отмечалось, людьми горячими и расторопными. «Только приедешь куда-нибудь, только скинешь с себя все и расположишься у теплой печки, как уже говорят, что лошади готовы, - вспоминал известный русский писатель И.А.Гончаров, которому довелось проехать по Московско-Сибирскому тракту от Аяна на Тихом океане до столицы. – Не могу нахвалиться расторопностью и радушием здешних ямщиков... Лошади на взгляд сухи, длинношеи и не обещают силы, - подолжает он, но едва проезжие начнут садиться, они наострят уши, ямщики обступят их кругом, по двое держат каждую лошадь, пока ямщик садится на козлы... Вот ямщик уселся, забрал вожжи, закрутил их около рук... «Ну!» - говорит он. Все мгновенно раздаются в стороны, и тройка разом выпорхнет из ворот, как птица... И не увидишь, как мелькнут двадцать пять верст».

И.А.Гончаров пишет далее, что за сутки проезжал по 250 верст. Было это, конечно, зимней порой. Летом скорости были значительно меньшими.

Особенно трудно приходилось в распутицу, когда дорога раскисала. В такую неудобную пору, например, ехал по Сибирскому тракту другой выдающийся писатель А.П.Чехов. В его дневнике мы читаем: «От Томска до Красноярска отчаянная война с невылазной грязью, боже

мой, даже вспомнить жутко!.. Случалось, что от станции до станции ехал я 6-10 часов».

Такой он был великий Сибирский тракт, так ездили по нему – в разное время по разному: то летели птицей – тройкой, то, наоборот, ползли черепахой. Не говоря уже о тех, кого вели по нему в кандалах. Этим приходилось испытать все – страдать от холодов зимой и месить непролазную грязь весной и осенью. И, звеня кандалами, шагать, шагать, шагать...Кому целый год, а кому и того больше. Среди этих несчастных были люди самые разные – от уголовников до жертв помещичьего и царского произвола.

Тем же путем проследовало в ссылку не одно поколение русских революционеров, в их числе А.Н.Радищев, Н.Г.Чернышевский, В.И.Ленин, Ф.Э.Дзержинский, И.В.Сталин и другие, ученые и путешественники, такие, как Миллер, Паллас, Гумбольдт, Гмелин, Потанин, Пржевальский и многие, многие другие.

По тракту передвигались партии переселенцев-крестьян из центральных губерний России, следовали военные грузы, гнали скот, шагали воинские команды для охранения восточных рубежей и тихоокеанского побережья. А впоследствии по нему доставлялись нанятые партии рабочих и строительные материалы для сооружения транссибирской железнодорожной магистрали, которой и суждено было в конце концов заменить старый тракт.

ПОЗВОНОЧНЫЙ ХРЕБЕТ РУССКОГО ВЕЛИКАНА

По мере освоения Сибири, расширения ее границ и начавшегося массового переселения в эти края крестьян из европейской части страны все яснее становилось, что

Московско-Сибирский тракт уже не в состоянии обеспечить транспортные нужды восточной окраины. Все стали сходиться на том, что здесь нужно строить железную дорогу. Первый, кто поднял этот вопрос в Петербурге, был генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Выслушали его внимательно, однако предложение пока отклонили, так как казна не располагала необходимыми средствами для столь грандиозного строительства.

Узнав о финансовых затруднениях России, на арену выступили богатые и предприимчивые иностранцы. Вначале появился американец Дулль. На выгодных для себя условиях он брался построить от Нижнего Новгорода до Тихого океана однопутную дорогу на конной тяге с тем, чтобы со временем перевести ее на паровую.

Ответ царского правительства, не пожелавшего в этом важном деле связываться с иностранцами, был отрицательным. «По нашим климатическим условиям не может быть признано удобоисполнимым», - вежливо сказали ему. Вторым был Коллинс. Тоже американец, предложивший для начала построить железную дорогу между Иркутском и Читой – на самом трудном отрезке многотысячекилометрового сибирского тракта. Этот проект также был отклонен.

Через год в Петербурге появляются не менее предприимчивые англичане – Морисон, Горн и Слейг – с предложением образовать акционерную компанию из иностранных капиталистов и на их деньги в течение шести лет построить железную дорогу от Нижнего Новгорода до Татарского пролива. В качестве компенсации они оговаривали для себя особые привилегии на девяносто лет. Однако столь же категорический отказ последовал и на это предложение.

Транссибирскую магистраль решено было строить

своими силами, на свои средства и из своих материалов. И пока все это накапливалось, разгорелся жаркий спор, где, по какому направлению ее вести.

Недостатка в предложениях не было. Так, с проектом выступил коммерции советник Софронов. Учитывая, что у казны денег мало, он предложил правительству дорогу на восток проложить не по северному направлению, как брались американцы и англичане, а по южному – от Саратова через казахские степи на Семипалатинск – Минусинск – Селенгинск, далее вдоль Амура с последующим поворотом на Пекин.

Выбор этого направления обосновывался экономическими соображениями, большей заселенностью тех мест, развитием промышленности, что, по его мнению, должно было способствовать ускорению строительства и быстрейшей окупаемости дороги.

Проект этот был опубликован в газетах и подвергся широкому обсуждению. Большинством, принимавшим участие в разборе достоинств и недостатков предлагаемого Софроновым направления, было высказано отрицательное мнение. Почти все склонялись к тому, что дорогу надо строить севернее, вдоль Московско-Сибирского тракта.

В середине 80-х годов появился на свет новый проект, автором которого был губернатор Тургайской области А. Проценко, предложивший проложить магистраль от Уфы через Златоуст – Челябинск – Омск – Томск – Братский острог мимо северного угла Байкала – по верхней Ангаре – через Витим – на срез дуги Амура по притокам Зеи и Буреи (примерно там, где сейчас строится БАМ) – к Хабаровке (нынешнему Хабаровску), а оттуда к Владивостоку.

В качестве преимуществ этого направления выдвигалось соединение дороги с бассейном Лены, приближение

ее к Олекминским, Витимским и Зейским приискам, что обещало утроить добычу золота. Проект был издан отдельной брошюрой и широко разослан для обсуждения. В Сибири его горячо поддержал инженер Н. Меженинов, в свою очередь также выступивший с брошюрой, в которой попытался обосновать проект технически. Он доказывал, что предложение Проценко вполне приемлемо, что, по сравнению с проектом Софронова, это направление будет короче на 550 верст и что здесь будет меньше горных хребтов и меньше потребуются земляных работ.

Желая придать большую весомость и убедительность своим расчетам, Меженинов ссылался на историю Сибири. «Храбрые казаки Поярков, Хабаров, Толбузин и другие, - напоминал он, - двигались именно этим путем».

Однако проведенные изыскания показали, что проект Проценко есть чисто кабинетная затея, основанная на полном незнании условий местности. На деле оказалось, что там и горных хребтов, и рек, и земляных работ будет больше и к тому же и длиннее будет на 400 верст.

Один из критиков этого проекта – полковник Волошин – не без горечи и иронии писал в 1889 году: «Жаль, что храбрости инженеров часто не дают ходу показания нивелира и придирчивые требования железнодорожной техники. Триста лет тому назад мы получили Сибирь в наследство от наших предков, но до сих пор не знаем, что нам досталось. Давно пора разобраться в отцовском сундучке, хотя бы только для того, чтобы избавиться от несбыточных иллюзий или фантастических проектов».

Затем правительственной комиссией рассматривался проект, который внесли совместно два генерал-губернатора – иркутской (Игнатьев) и приамурской (Корф). Учитывая неотложность в строительстве сквозного парового пути

через всю Сибирь и считаясь с затруднительным финансовым положением России, которая пока была не в состоянии поднять сразу столь огромное дело, они предложили временно ограничиться сооружением железной дороги на трех участках: Средне-Сибирском – между Томском и Иркутском, Забайкальском – между Байкалом и Сретенском и Дальневосточном – между поселком Ханка на Уссури и Владивостоком.

Они писали, что из Тюмени, стоящей в конце Уральской железной дороги, пароходы ходят до Томска. Их уже много, и они выполняют довольно большой объем грузоперевозок. Давно заведено пароходство и на Амуре. Так что, если железной дорогой соединить Томск с Иркутском, а Байкал со Сретенском, то этим самым был бы обеспечен сквозной паровой путь вплоть до тихоокеанского побережья. Третий участок железной дороги связал бы Хабаровку с Владивостоком. На этом направлении также начались изыскательские работы.

Было много других проектов: генерал-адъютанта Казнакова, московского чайного торговца Орлова, члена Пермского статистического комитета Островского и других. Среди них были попросту курьезные, как, например, проект бывшего томского губернатора Супруненко, предложившего построить конно-железную дорогу от Тюмени на Омск – Томск – Красноярск – Иркутск под непрерывной крытой галереей, которая должна была предохранять путь от снежных заносов. И той же галерее он предлагал провести и телеграфную проволоку.

Внимательно рассматривался проект адмирала Копытова, убеждавшего правительственную комиссию строить не отдельные участки железной дороги, а сквозной путь до Тихого океана. «Великому государству подобают великие

дела», - сказал он. При этом ратовал за южное направление: от Оренбурга через Орск – Атбасар – Акмолинск – Бийск – Минусинск – Нижнеудинск – Иркутск – Кяхту – Абагатуй – Гирин – Ниигуту – пос. Никольское – Владивосток. Следует упомянуть здесь еще один проект, представленный отставным титулярным советником Тирским из Минусинского уезда. Он предлагал для резкого оживления золотопромышленности в районе Лены, Витима и Олекмы дорогу вести от Оренбурга, так же как советовал Копытов, но не на Орск, а севернее – через Челябинск и Томск, Красноярск, Брацкий острог и северный берег Байкала в сторону Амура.

На чем же в конце концов остановился выбор правительственной комиссии? Она предпочла направление, указанное Восточно-Сибирским и Приамурским генерал-губернаторами Игнатьевым и Корфом. Но вести ее решили не от Тюмени, как предполагали те, а от Челябинска на Омск – Каинск – на Почитанскую (минуя Томск) – Красноярск – Канск – Нижнеудинск – Иркутск – Верхнеудинск – Читу – Благовещенск – Хабаровку – Владивосток. Кроме того, решено было строить не отдельные участки железнодорожного пути, а единую сквозную транссибирскую магистраль, призванную оживить экономическую жизнь восточной окраины государства, усилить переселенческое движение, способствовать развитию местной промышленности и сельского хозяйства.

Споры, которые велись вокруг предстоящего строительства сибирской железной дороги, заняли значительно большее время, чем само сооружение ее.

К моменту окончательного выбора направления магистрали с запада к границам Сибири на разные расстояния было протянуто уже три железные дороги. Их конечными

пунктами были: Оренбург, Златоуст и Тюмень. От одной из этих точек и должен был начаться Транссиб.

Оренбург был отвергнут вместе с проектами, предлагавшими вести дорогу по южному направлению. Оставались Тюмень и Златоуст, а точнее Миасс (поскольку, пока шли споры о выборе направления, дорога до Златоуста уже продвинулась в сторону Челябинска до Миасса). Из двух оставшихся пунктов предпочтение было последнему, так как с Тюмени паровая тяга в сторону востока уже осуществлялась Иртышским и Обским пароходствами. С окончанием же строительства Обь-Енисейского канала этот путь обещал распространиться вплоть до бассейна Селенги.

Итак, дорогу решено было вести от Миасса – Челябинска через Омск – Каинск – Ачинск – Красноярск – Нижнеудинск – Иркутск – Слюдянку – Верхнеудинск – Читу – Благовещенск – Хабаровку на Владивосток.

Строительство магистрали началось весной 1891 года с двух концов сразу – от Миасса через Челябинск на восток и от Владивостока – на запад. Общая длина дороги предполагалась 7474 версты. Стоимость всего строительства вместе с подвижным составом исчислялась в 362 миллиона рублей.

Сооружение пути было разбито на шесть учатков: Западно-Сибирский, Средне-Сибирский, Кругобайкальский, Забайкальский, Амурский и Уссурийский. Движение по сибирской железной дороге должно было начаться от Челябинска до Оби и от Владивостока до Хабаровска в 1895 году, в течение следующих четыре лет планировалось ввести в строй участок от Оби до Иркутска, а транзитное сообщение через всю Сибирь начать еще через четыре года, то есть в 1903 году, после соору-

жения самого трудного участка – Кругобайкальского, на котором предстояло пробить несколько десятков тоннелей.

С началом земляных работ на линии одновременно размещались заказы по всем уральским заводам и предприятиям Европейской части России на поставку необходимого оборудования, строительных материалов и подвижного состава. Так, только для участка Челябинск – Иркутск было заказано 7400 тыс. пудов рельсов, 148 восьмиколесных паровозов и свыше четырех тысяч крытых товарных вагонов.

Главным критерием начатого дела был объявлен «принцип хорошей и прочной постройки с тем, чтобы ожидаемое в будущем увеличение пропускной способности Сибирской железной дороги было достигнуто достройкой линии, а не коренной переделкой ее». Другое условие – экономия, поскольку денег у казны было мало, а размеры начатого предприятия грандиозны. Третье требование – строить быстро, чтобы избавиться от бесполезной и убыточной уплаты процентов на строительный капитал и от лишних расходов на содержание администрации. Быстрейшая сдача дороги в эксплуатацию обещала раннее поступление первых доходов от нее.

Строящаяся дорога обеспечивалась почти целиком отечественными материалами. И дело тут отнюдь не в русской спеси или каких-то других привходящих обстоятельствах, а в том, что отечественные материалы, в частности уральских заводов, часто превосходили иностранные. Взять те же рельсы. Они по цене в сравнении с привозными обходились значительно дороже. Иностранцы были дешевле. Однако рельсов иностранного изготовления на строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали укладывалось очень и очень мало. Их число было настолько

мизерным, что об этом пришлось все-таки вспомнить, то больше не по значению факта как такового, а по тем курьезным обстоятельствам, при которых они были доставлены к месту стройки.

Дело в том, что рельсы везли из Англии северным морским путем. При выгрузке в устье Енисея значительная часть их утонула вместе с баржами, на которых они должны были следовать в Красноярск. Потребовались нечеловеческие усилия, чтобы в условиях Заполярья зимой вымораживать этот крупногабаритный и тяжелый груз из ледяного плена.

Но и то, что с таким великим трудом было доставлено к месту сооружения Транссиба и уложено на сибирские шпалы, продержалось недолго. Английские рельсы пришлось заменять уже через два-три года службы, в то время как рельсы, изготовленные на уральских заводах, служили по 10-12 лет без замены.

Вот что писал в 1891 году проектировавший Сибирско-Уральскую (до Тюмени) железную дорогу известный русский инженер Е.В. Богданович: «Каждому патриоту, сознающему всю важность развития в России железного дела, а в особенности русскому железному заводу, вероятно очень приятно прочесть отчет директора Нижегородской железной дороги, из которого оказывается, что за пять лет с рельсами из русского железа не было ни одного случая перелома, продольного раскалывания, отскакивания головки или другого опасного внезапного повреждения, между тем как с рельсами английскими случалось это часто. Следовательно, дешевое оказалось дороже дорогого. С тех пор вопрос о выгодности рельсов, приготовляемых по способу Бессемера, которые могут служить до 12 лет, а не по три года, как английские, - считается решенным».

Как видим, русские железоделательные заводы впол-

не справлялись с трудной задачей обеспечения огромной стройки рельсами не только в плане количественном, но и в качественном.

Едва, однако, было приступлено к строительству транс-сибирской магистрали, как вокруг начавшегося дела вспыхнул новый ажиотаж. Первыми забеспокоились жители города Томска. Дело в том, что избранное направление линии Омск – Каинск – Колывань – Ачинск – Красноярск оставляло в стороне их старейший город – крупный торговый, административный и культурный центр Западной Сибири.

Линия смещалась к югу от Томска по трем причинам: во-первых, так было удобнее вести прокладку магистрали – ровнее местность, меньше болот и оврагов; во-вторых, провести дорогу южнее – означало приблизить ее к наиболее хлебородной части Томской губернии, а также к горнодобывающей промышленности здешнего района (нынешний Кузбасс). И, наконец, в-третьих, - путь при этом оказывался на 86 верст короче, что в видах удешевления строительства и последующей эксплуатации дороги имело немаловажное значение.

Но старый торгово-чиновничий губернский Томск смириться с этим не мог и не хотел. Его авторитету, его будущему – не только отдаленному, но и ближайшему – наносился непоправимый и жестокий урон. Что значило остаться в стороне от главной дороги, здесь очень хорошо знали по судьбе захиревшего Тобольска, бывшего в свое время первым городом Сибири.

И томичи решили действовать. Они обратились в Комитет сибирской железной дороги в Петербурге, возглавлявшийся наследником престола Николаем (впоследствии Николаем II). Они дошли затем и до самого царя. Однако

изменить дело в свою пользу не смогли. Им лишь пообещали построить связующую ветвь с выходом на магистраль в районе станции Тайга.

Тогда начались восточной окраине оживление экономической жизни, увеличение переселенческого движения, расширение распахки целинных сибирских земель, заведение новых промыслов. И, быть может, не самое последнее из всего этого – усиленные хлопоты томичей по скорейшему сооружению обещанной ветки и вводу ее в строй действующих до сдачи в эксплуатацию всего участка пути Челябинск – Иркутск. Только в этом случае надеялись томские торговые воротилы сохранить свое значение и обороты, а заодно и авторитет своего города.

Вскоре за томской обидой обнаружилась еще одна – колыванская. Этому предшествовали следующие обстоятельства. Стало известно, что железнодорожный мостовой переход через Обь в районе Колывани у деревни Скалинской (как предполагалось ранее) сооружать нецелесообразно, потому что русло реки в этом месте сильно извилисто и непостоянно, много островов, проток, весенние разливы достигают ширины до 15 верст. Изыскатели во главе с известным инженером-путейцем и писателем Н.М. Гариным-Михайловским стали подыскивать для моста более подходящее место. Ими обследовались берега вниз от Колывани, у сел Орское, Дубровино и Тамаринское и вверх по реке – у села Кривошеково.

Изыскания показали, что севернее Скалинской, хотя разливы реки по веснам и меньшие – до трех верст, но там пришлось бы дополнительно пересечь еще две небольшие речки – Омбу и Вьюны, текущие в глубоких логах. А вот напротив Кривошековой – в 40 верстах к югу от Колывани – и грунт скальный, и река узка – всего 360 сажен ширины,

и разливы наименьшие - 550 сажень.

Именно это место по настоянию Н.М. Гарина-Михайловского и было утверждено для строительства моста через Обь. Благодаря чему линия магистрали значительно сдвинулась к югу от Колывани, т.е. со станции Чулымской ее повели прямо на Кривошеково. Тут-то и пришло в движение богатое колыванское купечество. В городе состоялось заседание городской думы, на котором была выработана петиция. В ней говорилось: «Город Колывань представляется весьма значительным местным торговым центром, т.к. в нем ежегодно сосредоточивается до 500 тысяч пудов хлеба, до 25 тысяч пудов сала, до 20 тысяч пудов масла, до 75 тысяч скотского мяса и до 18500 штук скотских кож, не говоря уже о прочих сельскохозяйственных произведениях. Одни из этих продуктах (хлеб, кожи) находят себе сбыт на российских рынках, другие идут в Восточную Сибирь. Само собой разумеется, что железнодорожная линия должна стать единственным способом передвижения этих грузов». Далее шли доказательства того, что перенос моста от Скалинской в Кривошеково не только нанесет удар колыванской торговле, но что, кроме всего прочего, Кривошеково вообще не лучшее место для моста, что хотя там разливы и не широки, но зато глубокие, и вода вследствие этого держится до середины лета. А из-за того подвозка грузов исключена на продолжительное время. У Скалинской же она возможна круглый год. Если у Скалинской строительство моста будет и дороже, зато все окупится процветанием местной торговли и экономики.

Эту петицию поддержал томский губернатор К. Шапошников, обратившийся с ней в Министерство внутренних дел и в Комитет сибирской железной дороги.

Просьба колыванцев тем не менее удовлетворена не была. Дорога пролегла через Кривошеково.

Была и еще одна обида на Комитет строящейся дороги, на этот раз омская. В городе Омске, как известно в те времена не было ни одного моста через Иртыш. Поэтому связь сельскохозяйственного левобережья с городом, лежащем на правом берегу реки, была затруднена. И вот, когда здесь приступили к сооружению железнодорожного мостового перехода, местные власти во главе с генерал-губернатором обратились в Комитет с просьбой приспособить новый мост для экипажного и пешеходного передвижения устройством второго этажа либо уширением настила.

Омские просьбы рассматривались и в Комитете сибирской железной дороги и Министерстве путей сообщения. Однако никто не поддержал и омичей.

Обиды трех городов были понятны и законны. Но главное было все-таки не в них. Главное состояло в том, что Великая транссибирская магистраль строилась. И строилась успешно. Она обещала стратегическую цельность огромного края.

В конце августа 1894 года в Омске состоялись, наконец, долгожданные торжества: сюда, на левый берег Иртыша, со стороны Челябинска пришел первый паровоз. Да не сам по себе, а привел за собой несколько пассажирских вагонов. Уже через год, в августе 1895 года, открылось движение по всему Западно-Сибирскому участку магистрали. Правда, пока еще не сквозное. Оно прерывалось для паромной переправы через Иртыш в Омске, ввиду неготовности пока здешнего моста.

Беспересадочное движение через Омск до Оби началось с 17 марта 1896 года, а с 31 марта 1897 года путь для поездов был открыт и через Обь. Затем успешно вступил

в строй крупнейший в Западной и Восточной Сибири мост через Енисей, построенный по проекту выдающегося инженера-мостостроителя Л.Д. Проскурякова, удостоенного за эту работу Золотой медали на Всемирной выставке в Париже в 1900 году.

Так, участок за участком, было налажено движение от Челябинска до Иркутска. Сложнее обстояло дело с байкальским отрезком пути, где необходимо было пробить много тоннелей. Впрочем, говорить надо не о затяжке работ, а о том, что были упущены сроки начала строительства. Поначалу вообще хотели обойтись без этого участка пути, наладив через Байкал четко действующую паромную переправу по примеру той, которая существовала в Америке на Великих озерах.

В Англии был заказан первый паром-ледокол. Его доставили на «сибирское море» в разобранном виде. Собирали в поселке Листвяничном, и уже в 1900 году спустили на воду. Назвали его «Байкалом».

Это было 100-метровой длины огромное судно, одновременно вмещавшее на свою палубу 27 груженных вагонов и паровоз. Кроме того, имелись в достатке каюты для пассажиров. Команда, обслуживавшая его, состояла из 200 человек. В течение суток ледокол делал три рейса от станции Байкал на северо-западной берегу озера до станции Танхой – на юго-восточном.

Вслед за первым на воду был спущен второй ледокол-паром «Ангара», что удвоило производительность переправы. Однако растущее количество грузов на магистрали заставило Комитет сибирской железной дороги пересмотреть свое решение и начать строительство Кругобайкальского отрезка пути.

В 1901 году развернулись работы на участке между стан-

циями Байкал-Слюдянка. То, что было здесь сооружено в довольно сжатый срок (всего за четыре года), и поныне восхищает специалистов и всех, кому довелось проезжать по этому отрезку пути. Здесь на коротком участке в труднейших условиях были пробиты десятки тоннелей. Дорога прокладывалась по каменистому ложу местами буквально в одном-двух метрах от уреза воды под нависшими скалами гор байкальского побережья. Это был истинный подвиг строителей – рабочих и инженеров.

Дальнейшее звено магистрали – от «священного» озера Байкала до Хабаровска – было отнесено, как известно, к третьей очереди строительства. Линия здесь должна была идти вдоль Амура, повторяя его изгибы.

Однако продолжавшие поступать в адрес строителей Транссиба предложения о выборе окончательного направления магистрали склонили Комитет сибирской железной дороги изменить направление линии на востоке и провести ее через Маньчжурию. Так было прямее, короче и легче по природным условиям. Достаточно сказать, что путь сокращался на целых 514 верст и, что немаловажно для экономики здешнего края, железная дорога не грозила конкуренцией, успешно развивающемуся амурскому пароходству.

Был сделан запрос китайскому правительству. В 1896 году концессия на строительство КВЖД была получена, таким образом линия прошла значительно южнее направления, планировавшегося первоначально, сомкнув кратчайшим путем западный отрезок Транссиба с приморским.

Несколько общих данных об исторической стройке. Одновременно на сооружении транссибирской железной дороги было занято до 70 тысяч рабочих и шесть тысяч

служащих. Одних только земляных работ было произведено одиннадцать миллионов кубических сажен. Цемента израсходовано свыше 6500 тысяч пудов. Длина железнодорожных мостов через большие реки составила около 10 верст, а небольших деревянных свыше 35 верст. На шпалы было вырублено около 40 тысяч десятин леса.

Все работы по сооружению магистрали были выполнены в срок. Отдельные участки сдавались даже досрочно. В 1900 году по линии уже было открыто сквозное движение, за исключением небольшого маньчжурского отрезка и участка Кругобайкальской дороги, где была налажена паромная переправа, вполне обеспечивавшая бесперебойную работу пути.

Качество работ повсеместно было признано хорошим. Это свидетельствовали и иностранные инженеры, интересовавшиеся и ревниво следившие за ходом строительства, и многочисленные корреспонденты из разных стран. Все они не скрывали своего восхищения быстротой, с какой сооружалась Транссибирская магистраль, и добротностью строительства. Они единодушно отмечали, что только что построенная аналогичная дорога в Канаде, связавшая побережья Тихого океана с Атлантическим, была короче сибирской, однако, строилась дольше, стоила дороже и качество работ в значительной мере уступало русской магистрали.

Много говорилось в те дни о значении нового пути. Парижская газета «Ля Франс» так писала: «После открытия Америки и сооружения Суэцкого канала история не отмечала события более выдающегося и богатого прямыми и косвенными последствиями, чем постройка сибирской железной дороги». Позвоночным хребтом русского великана была названа эта дорога.

Французам вторили англичане. «Сибирь далеко не та бесплодная равнина, унылое место изгнания, каким обыкновенно рисуют ее европейцы, - писали они. – Напротив, это богатейшая страна, с многими сотнями тысяч акров плодороднейшей земли, с громадным минеральным фондом – страна, полное промышленное развитие которой может со временем положить начало новой экономической эре. Но не в этом, пока еще отдаленном, результате заключается главное значение сибирской железной дороги, а в том, что она сделает Россию самодовлеющим государством, для которого ни Дарданеллы, ни Суэц уже не будут играть никакой роли, и даст ей экономическую самостоятельность, благодаря чему она достигнет могущества, подобного которому не снилось еще ни одному государству».

Последствия строительства и впрямь были огромными. Не касаясь здесь стратегических и международных аспектов дела, скажем лишь, что для самой Сибири вновь построенная дорога явилась могучим ускорителем развития экономики края. В Сибирь хлынул поток переселенцев. Только с 1895 по 1903 год сюда переселилось свыше миллиона крестьян, что привело к резкому увеличению посевных площадей, поголовья скота и птицы. Здесь заметно возросло производство хлеба, мяса, молока и масла.

Большой толчок дорога дала также развитию каменноугольной промышленности, золотопромышленности, кожевенному и мукомольному делу. С годами роль Транссибирской магистрали в экономике Сибири и Дальнего Востока увеличивалась все более.

Высоко специалистами был оценен и сам опыт сооружения столь протяженной дороги в суровых природных условиях.

В 1900 году на Всемирной выставке в Париже Комитет сибирской железной дороги и Министерство путей сообщения России, руководившие работами по сооружению Транссибирской магистрали, были удостоены Гран-при «за удачное выполнение возложенной на них задачи».

Окончание работ решено было ознаменовать постановкой трех памятников императору Александру III, считавшемуся покровителем стройки. Один из памятников должен был стоять в начале великого рельсового пути - в Петербурге, перед Московским вокзалом. Другой - в середине сибирского отрезка, в городе Иркутске. Третий - в самом конце пути - на привокзальной площади во Владивостоке.

Петербурге и Иркутске. Обе фигуры царя в советское время были снесены. Но по-прежнему живет и действует Транссибирская магистраль - грандиознейший памятник материальной культуры великого народа.

РОДНОЙ ЗЕМЛИ ПРОСТОРЫ

Отец мой был природный пахарь.
Народная песня.

Как уже было сказано в последней четверти XVI века в результате успешного похода Ермака и его дружины за Урал началось хозяйственное освоение Сибири.

Первыми были заселены долины рек Туры и Тобола. Продвижение русских к югу от Тобольска пошло долиной Иртыша, ставшей основной жизненной артерией края.

«Идти город ставить вверх Иртыша... где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести и Кучума

царя истеснить и соль устроить», - говорилось в наказе царя Федора Ивановича будущему основателю города Тары князю Андрею Елецкому.

А было это в лето 1594-е, достопамятную и славную пору.

Град Тарский поставили на высоком левом берегу Иртыша, на привольном и веселом месте. Внизу расстилалась луговая пойма, вокруг зеленой стеной стояли леса. Место не только пригожее, но и угоднее – пушной зверь, строительный лес, рыбные ловли – все рядом. Сразу же начали исполняться царские указы. Необходимо было обезопасить себя от коварства хана Кучума, который, как известно, проиграл сражение с Ермаком и «взяша себе мало нечто от сокровищ своих, вдашася невозвратному бегству». Рыская раненым зверем по ишимским и барабинским степям, он искал случая отомстить Ермаку. Вскоре это ему удалось. Как поется в народной песне:

Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой...
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина.

Тут-то вскоре непробиваемым щитом на пути и встала молодая Тара. Местный воевода Андрей Воейков в 1598 году с отрядом тарских ратников прогнал далеко на юг воинственного хана и доставил в своем обозе из Барабы богатые трофеи и много пленников, в числе которых было восемь ханских жен, пять его сыновей и восемь дочерей. Сам Кучум успел ускакать, но оправиться после этого разгрома он уже не смог.

Отдельные группы разбитого татарского войска еще продолжали бродить в Приобье, беспокоя русских, но сделать они уже ничего не могли. «Град Тарский, - говорится в «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, - служил неодолимой твердыней от всяких кучумовых гнусликов».

В те же годы в окрестностях Тары была заведена пашня. Она появилась здесь уже на второй год после основания города, то есть в 1595 году – 410 лет тому назад. Сегодня мы отмечаем великое множество разных юбилеев – областных, городских, районных. Но никто, к сожалению, не вспомнит той, быть может, главной даты в истории нашего края, которая положила начало земледелию в Прииртышье.

А заведена была та самая первая пашня на Конопляном бугре в непосредственной близости от стен Тары (северо-западная оконечность современного города). В последующие годы посевы производились в шести верстах, за речкой Чекруш, на земле, ставшей по сути опытным полем Прииртышья. Четыре года опытных посевов убедили тарчан в перспективности земледелия в здешних местах. И в 1599 году тарский воевода послал в Москву доклад о том, что «земля на Таре хлебородная и всякий хлеб родится». В ответ из Москвы последовал Указ царя Бориса Годунова о посылке в Тару крестьян для заведения государевой пашни.

Справедливости ради надо отметить, тарская пашня была не самой первой в Сибири. Несколько раньше она появилась вокруг поселений по Туре и Тоболу. Как известно, первых пахарей доставили туда по указу все того же царя Федора Ивановича от 1590 года, который гласил: «Выбрати в Сибирь на житье тридцать человек крестьян с женами, детьми и со всеми их животы, а у каждого чело-

века было бы по три мерина добрых, да по три коровы, до по две козы, да по три свиньи, да по пять овец, да по двое гусей, да со всем для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь». А «на подмогу» им велено было дать по двадцать рублей человеку.

Первая партия крестьян отправилась в тот же год из Сольвычегодска. Вслед за ней потянулись новые группы. Позднее этот поток усилился за счет тысяч семей так называемых «выкликанцев», что, спасаясь от бедности, отправлялись на свободные сибирские земли искать для себя и детей своих более счастливой доли. Хлебопашество их силами распространялось все далее и далее на восток, как того требовали последующие царские указы.

Так в 1604 году строителям Томска – Гавриле Писемскому и Василию Тыркову велено было: «И пашни в новом Томском городе промышлять». А вот наказ от 1628 года Андрею Дубенскому – строителю Красноярска: «Острог поставить... ясак имати, пашню завести». Как видим, везде одной из первейших забот было заведение пашни.

Большим тормозом для развития хлебопашества являлась нехватка людей. Другой большой трудностью был недостаток семян и тягла. Особенно трудно было в 1603 – 1604 годах, когда в Сибири случился сильный падеж скота и многие крестьянские хозяйства остались без лошадей и быков. Об этом свидетельствуют документы тех лет. В царской грамоте на имя тюменского головы Алексея Безобразова от 5 декабря 1604 года говорится: «Мы писали в Казань, велели купить 300 быков и велели отослати в сибирские города для пашни».

Конечно, доставить по тогдашнему бездорожью 300 быков из Казани в Тюмень было делом нелегким. Но не было другого способа, чтобы хоть немножко пополнить тя-

ловую силу для зарождающегося сибирского земледелия. Впрочем, один способ был – покупать лошадей у местных татар и приезжих нагайцев и бухарцев. Перед нами грамота царя от 31 августа 1596 года воеводе князю Григорию Долгорукому: «...а которые будут бухарцы с товары или нагаи с лошадьми торговые люди учнут к вам приезжать, и вы бы тем бухарцам и нагайцам торговым людям велели с нашими русскими людьми и с юртовскими и с ясашными татары на Тюмени торговать беспошлинно... И бережение к ним и ласку держали великую и обиды бы им насильства никоторого не было, чтоб впредь им повадно было со всякими товары приезжати».

Тут мы видим уже не только попытку увеличить поголовье рабочего скота в Сибири, но и желание наладить хорошие отношения с соседями, стремление заложить основы политики добрососедства.

Тем временем с годами все больше прирастало русское население Сибири за счет переселенцев из-за Урала. Трудный это был процесс. Огромные пространства, преодолеваемые переселяющимися крестьянами из европейской части России, изматывали их силы. А потому большинство переселенцев, как правило, оседало в Западной Сибири. Однако многие из здешних крестьян, ставших уже сибиряками, нередко срывались со своих, казалось бы, уже насиженных мест и ехали дальше на восток. Туринские мужики переселялись на иртышские земли, иртышские ехали на енисейские, а те в свою очередь перебирались на амурские. Так со временем Сибирь сама своими силами, своими людьми расширялась к востоку.

Часть крестьян Ирбейской слободы Верхотурского уезда, например, перебралась в села Среднего Прииртышья, пелымский сын боярский Петр Албычев основал Енисейск,

житель Киргинской слободы Туринского уезда Толбузин геройски защищал Албазинский острог, стоявший на охране русских пашенных поселений по левому берегу Амура.

С каждым новым поколением все больше и больше ехало людей на восток. Сибиряки с рождения жили в атмосфере вечного передвижения и постоянных слухов о лучших краях, о лучших землях, лучших условиях жизни.

Однако вернемся в Прииртышье, где под защитой города Тары, как грибы после дождя, росли поселения вверх по могучей сибирской реке.

Вначале обживались окрестности Тары. Потом стали появляться селения выше по реке. Одна за другой возникали слободы: Бергамакская, Такмыкская, Чернолуцкая, деревни: Карташева, Качесова, Пустынная, Серебряная и другие. В 1716 году сооружена Омская крепость, от которой, как по команде, потянулись казачьи станицы – и вверх по Иртышу, и к западу, в сторону оренбургских степей.

С ростом населения в Среднем Прииртышье все ощутимее сказывались трудности сообщения между разными его частями. Ведь до прихода русских здесь не было налаженных путей сообщения. Единственный сухопутный тракт с Урала на восток пролегал севером – через Тобольск и Тару. Главной транспортной артерией края служил Иртыш. Передвигались на лодках, обласках, дощаниках и прочих речных посудилах. Хорошо, когда путь лежал вниз по течению. Трудными и длительными были плаванья вверх по реке. Случалось, что они так и не достигали цели. Одна из таких больших неудач произошла в 1795 году. Из Тобольска необходимо было доставить в Омскую крепость и на Ямышево 500 пудов пороху и 50 тысяч рублей денег медью для расположенных там гарнизонов. Доставить подрядился тобольский купец Иван Куклин на своем судне, предназна-

ченном для рыбной ловли. Находясь в пути уже не первую неделю, он с большим трудом преодолевал встречное течение. Как сказано в «Деле по рапорту тарского исправника Карпа Эрепа о потонувшем судне подрядчика Куклина» (Тобольский архив, ф.341, оп.1, ед.хр.302), «около деревни Затонской утром 14 июля часов в пять отвалили от берега и пошли бечевой. Неожиданно судно наткнулось на невидимую сверху карчу, которая пробила днище, и судно пошло ко дну». Водолазов в те времена не было, вполне возможно, груз тот и поныне лежит на дне, замыйтый песком.

Продвижение русских на юг от Омска со временем обезопасило прилегающие районы от набегов кочевников, в частности джунгар, в связи с чем путь из России на восток постепенно переместился также к югу. Он шел уже не через Тару, а через Коркинскую слободу (Ишим) на село Абатское, через современную Крутинку и Тюкалинск на Омск. Новое направление трассы старого сибирского тракта заметно оживило экономику южной части края, значительно стала увеличиваться плотность населения по обеим сторонам пути.

Но вплоть до конца XIX века Омское Прииртышье сильно страдало от бездорожья. Большое оживление в развитии экономики края внесло заведение на реках Западной Сибири частных пароходств. Это произошло ровно 157 лет назад. Однако лишь строительство Транссибирской железнодорожной магистрали по – настоящему всколыхнуло все сферы местной жизни, начиная с роста производительных сил и кончая развитием культуры.

Железная дорога пролегла по землям теперешних Исилькульского, Москаленского, Марьяновского, Омского, Кормиловского и Калачинского районов. Первый поезд в Омск пришел в августе 1894 года. Не минуло и 20 лет, как территорию области прорезала еще одна линия желез-

ной дороги, протяженностью 526 верст – от Тюмени через Ишим, Называевскую и Любино. И тогда сибиряки, войдя во вкус размахнулись еще на две железнодорожные ветки: от ст. Называевской до Тюкалинска и от Любино до Тары.

Во многих публикациях у нас можно прочитать о том, что Транссибирская магистраль должна была пройти через Тару, а тюменская – через Тюкалинск. Но якобы Тарские и Тюкалинские купцы дали взятку инженерам-путейцам, чтобы те провели дорогу подальше от этих городов. Все это, разумеется, чушь. Уж кто-кто, а купцы всегда понимали выгоды удобных и быстрых путей сообщения. Что касается Тары, то дорога через нее никак не могла проектироваться, потому что за ней лежат Васюганские болота. А Тюкалинск стоял в стороне от кратчайшей прямой линии Тюмень-Омск. Но после постройки тех дорог тарчане и тюкалинцы поднимали вопрос о строительстве к ним веток.

На Тюкалинском трассе уже велись изыскательские работы, уже составили экономическое обоснование, расписали, сколько чего можно будет перевозить по ветке: сливочного масла, мяса, овса, ржи, кож, овчин, щетины, сала и т.д. Длина ветки должна была составить 62 километра («Записка об экономическом значении и вероятном грузообороте железнодорожной ветки от Тюкалинска к Тюмени Омской железной дороги». СПб, 1913 г.). Однако мировая война похоронила все эти планы.

Со строительством новых путей сообщения росли поселения и расширялась пашня. С годами набиравший силу Омск все основательнее претендовал на ведущую роль в экономической жизни Среднего Прииртышья. Именно сюда, вдоль реки, к югу постепенно перемещался центр земледельческого района. Здесь, южнее Омска, оставалось еще много изначально нетронутой земли. Пустовали степи

по границе с Казахстаном. Селения в тех местах попадались редко. Казачьи же станицы – Ачаирская, Атмаская, Черлакская и другие – располагались по Иртышу, другие ближе к речке Камышловке. Казаки несли сторожевую службу и, следовательно, были в среде местного населения как бы привилегированным сословием. Поэтому, неудивительно, что лучшие земли, в частности пойменные, отводились именно им.

Казаки сеяли хлеб, но главным в своем хозяйстве считали животноводство, источником заготовки кормов для которого служила иртышская пойма. Инженер Министерства путей сообщения Чернышов, исследовавший по заданию своего ведомства реку, отмечал в своем отчете в 1887 году, что казаки успешно занимаются сельским хозяйством, «ежегодно снимая более семи миллионов пудов сена».

Спустя 30 лет, в 1913 году, начальник агрономического отдела Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска Н.Г.Овчинников также внимательно изучал состояние сельского хозяйства сибирских казаков. Он писал в «Трудах первого съезда агрономов и смотрителей войсковых земель»: «Особенно казаки успешно занимались и занимаются скотоводством. Этому способствовали левобережные иртышские и заливные луга. Десятиверстная полоса способствовала развитию животноводства у казаков. При скотоводческом направлении хозяйства естественно, что казачество издавна интересуется левобережной полосой Иртыша, так как вопрос об урожае трав для многих казаков представляет более интереса, чем урожай хлеба.

Начиная с Черлака, иртышская пойма представляет ценное в сельскохозяйственном отношении угодие, так как сам Иртыш, оставив здесь малоплодородную степь, вступа-

ет в области Барабы и Ишимской степи. Казаки станиц и поселков этого района делают в последнее время значительные успехи в деле развития скотоводства и маслоделия при посредстве артелей... Сибирское войско и ныне, благодаря названной полосе, является поставщиком на рынок миллионов пудов хорошего сена и тем спасает от бескормицы степное скотоводство отдаленных степных местностей».

Очень крупные распахки земель южнее Омска появились в самом конце прошлого – начале нынешнего века. Связано это было с постройкой Транссибирской железнодорожной магистрали, а затем со столыпинской реформой. В эти годы в Сибирь из центральных губерний России, Украины и Белоруссии хлынул нескончаемый поток переселенцев.

В эти годы в Омском Прииртышье возникли сотни новых поселений. Среди них такие крупные села, как Полтавка, Павлоградка, Одессоке, Русская Поляна и другие, ставшие районными центрами.

Но даже после этого в южных районах региона все еще оставалось много целинных земель, не тронутых от века. Однако пришел черед и для них. Они были подняты в достопамятном 1954 году. Более миллиона двухсот тысяч гектаров распахали тогда. Подъем целины вывел Омскую область в число крупных производителей хлеба. Так, если в 1953 году, накануне подъема целины, в государственные закрома омичами было засыпано 33 миллиона пудов хлеба, то уже в 1956 году – 110 миллионов. Область удостоилась высшей награды государства – ордена Ленина. Небывалый до того урожай здесь был получен в 1979 году – по 18,5 центнера с гектара в среднем по области. Все же в тот год было собрано 4,2 миллиона тонн, засыпано более 2 миллионов тонн зерна.

Большой вклад в освоение целины и дальнейшее развитие земледелия области внесли сибирские ученые. У омской сельскохозяйственной науки большая и славная история. Именно в Омске в 1828 году был основан первый не только в Сибири, а и в России опытный хутор, а затем и опытное поле, принадлежавшее Сибирскому казачьему войску. Первые сибирские агрономы Обухов и Щербаков, работавшие на них, испытывали различные сорта пшеницы и ржи, разные способы обработки почвы, вели фенологические наблюдения. Результаты их исследований периодически публиковались в «Земледельческом журнале» Московского общества сельского хозяйства. Это были по сути первые научные труды по земледелию Сибири.

Здесь же, в Западной Сибири, работал позднее выдающийся сибирский агроном Н.А.Скалозубов, которым было собрано и изучено около 500 образцов пшениц. Выведенные из них сорта Цезиум-111 и Мильтурум-321 получили широкое распространение.

Ученые существующего ныне Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства – прямые наследники дела Скалозубова и агрономов бывшего опытного поля Сибирского казачьего войска. Надо отдать должное, новые поколения сибирских ученых-аграрников не уронили доброй репутации своих предшественников. Сотрудники селекцентра подарили своим землякам урожайные сорта пшеницы – такие, как Омская-9, Иртышанка-10, Омская-12, Алмаз и другие.

О ценности новых сортов красноречиво говорят цифры даже такого неблагоприятного года, каким был 1981 год. В то сильно засушливое лето Иртышанка-10, например, дала в средней полосе области по 28-30 центнеров с гектара. А с полей, засеянных Омской-12 в опытно-производственном

хозяйстве им.Фрунзе Тарского района, на месте самых первых пашен в нашем Прииртышье, было получено по 42,6 центнера с гектара.

...А все, как уже сказано выше, начиналось в далеком 1595 году с маленького Конопляного бугра и Чекрушанского поля. Ветры четырех столетий прошумели с тех пор над нашей древней землей. И мы видим, что в жизни поколений ничто не стоит отдельно, само по себе. Здесь все взаимосвязано и переплетено. Тарчане в свое время завершили дело, начатое Ермаком, окончательно изгнали Кучума и завели первые пашни, а наши современники с честью закончили дело, начатое тарчанами. Своеобразная эстафета поколений.

И было бы сегодня грешно не вспоминать и не отметить добрыми словами и делами одну из важнейших дат сибирской истории – дату начала сельскохозяйственного освоения родного Прииртышья.

А теперь коротко об административном делении и подчинении земель Омского Прииртышья в прошлом. Как мы знаем, долгое время они находились в ведении Тары. Главным же городом Сибири был Тобольск. В Тобольскую губернию часть этой территории входила и тогда, когда было образовано Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Южная же ее часть вошла в состав Акмолинской области. Последняя позднее входила в состав Степного края. Еще позднее была образована Омская губерния. Затем она была разделена на Омский и Тарский округа в составе Западно-Сибирского края. И, наконец, в 1934 году образована Омская область. Поначалу она включала в себя огромную территорию от границы с Казахстаном до Карского моря. Но в 1944 году все северные территории отошли к вновь образованной Обь-Иртышской, а затем Тюменской области.

Таким образом, площадь нашей области сократилась более чем в десять раз.

Но даже и при этом она на фоне многих других областей выглядит великаном. Говорят, все познается в сравнении. Давайте и мы прибегнем к этому методу. Территория Омской области сегодня составляет 139,7 тысячи квадратных километров. А площадь, например, бывшей союзной республики, а ныне суверенного государства Грузии составляет всего лишь 70 тыс. кв. км, то есть в половину меньше. Площадь Молдовы – 34 тыс., а Армении – 30. Вот и получается, что на территории Омской области свободно могли бы разместиться сразу три суверенных государства – Грузия, Молдова и Армения, да еще осталось бы место для Нагорного Карабаха (4,4 тыс. кв. км). Три государства и автономная область, неужели это не впечатляет?

На нашей площади так же свободно могли бы улезть: Азербайджан – 87 тыс. кв. км. и Эстония – 45 тыс., либо целых семь российских республик: Удмуртия, Мордовская, Чувашская, Марийская, Чеченская, Ингушская и Северо-Осетинская. Сравнение с западно-европейскими государствами выглядит так: с нашей площадью сравнима общая территория Бельгии, Голландии, Швейцарии и более половины Албании. Либо Португалии, Дании и Люксембурга, да еще осталось бы места для Лихтенштейна, Монако и Сан-Марино.

Так велика и обширна наша Омская область. Она простирается на три природно-климатические зоны – тайги, лесостепи и степи. Она богата ресурсами – лесом, черноземами, водными источниками, полезными ископаемыми. В области создана промышленность, способная составить честь любому европейскому государству. Как же можно не любить и не гордиться таким краем?

СЛОВО ОБ ОМСКЕ

Уж и есть за что
Полюбить тебя!...
А. Кольцов.

Давно и верно замечено, что города, как люди: у каждого своя судьба. Своя, неповторимая она у нашего Омска, готовящегося в скором времени отметить свое 300-летие со дня основания.

Приближающаяся историческая дата, безусловно, почтенная, далеко не рядовая. Три века, три столетия о том свидетельствуют. Знаменательна она и тем, что своим происхождением связана с именем Великого Петра. Не случайно она соседствует с другой многозначительной датой России – 300 – летием со дня основания Санкт-Петербурга. Да, оказалось, что стольный Санкт-Петербург, заложенный Петром в 1703 году на берегах Невы, старше нашего Омска всего на 13 лет. Таковы факты истории. Все действительно так. Но у всякой истории, как правило, существует своя предыстория, часто малоизвестная, но всегда интересная. Есть она и у нашего Омска..

А суть ее состоит в том, что самая первая попытка заложить Омскую крепость на Иртыше относится еще к допетровской эпохе. А именно к царствованию самого первого правителя из Дома Романовых – Михаила Федоровича, деда Петра Великого. Было это в 1628 году, то есть ровно 376 лет тому назад.

Как видим, дата для Омска тоже вполне достойная, чтобы вспомнить о ней сегодня. Что же тогда происходило в нашем Прииртышье? А была здесь кровавая междоусобица

среди разных народностей, населявших край – между калмыками (выходцами из западной Монголии), сибирскими татарами, киргиз-кайсаками и другими племенами. Эти непорядки угрожали стабильности русским владениям, широко распространившимся к тому времени по северным районам Сибири. Вот тогда-то и созрел стратегический замысел: чтобы навести мир и порядок в Прииртышье, необходимо заложить крепость на устье Оми, где, как писали царю тарские воеводы Юрий Шаховской и Михаил Кайсаров: «Место хороше и угоже и лесу близко много... из того острога оберегати наши ясачные волости и ясачных людей мочно».

Царь Михаил Федорович, получив донесение своих верноподданных воевод из Тары, тотчас распорядился поручить исполнение сего важного дела Тобольскому губернскому начальству.

Казалось бы, судьба будущего Омска была решена. Но оказалось, что тарчане несколько припоздали со своей стратегически важной идеей. Пока в Тобольске обсуждали, как и с чего начинать дело, воинственные калмыки в 1634 году ворвались во все тарские волости и саму Тару. Многие населенные пункты, целые волости уезда были разорены, иные сожжены до основания.

Дело с закладкой крепости на устье Оми само собой в связи с обстоятельствами отложилось на многие десятилетия. Она была основана, как мы хорошо знаем, лишь в эпоху Петровскую. Но нужная крепость, как видим, таки появилась. Причем, в том самом месте, где было указано в 1628 году тарскими воеводами Ю.Шаховским и М. Кайсаровым. И именно с тем же самым охранительным для края предназначением.

Случайно ли все это? Конечно же, нет. Такова судьба этого места и города, предназначенная им свыше. Забегая

вперед, отметим, что охранительная линия этой судьбы убедительно прослеживается и сегодня, спустя 287 лет. Это же отнюдь не случайно, что именно у нас в Омске в середине апреля 2003 года происходила встреча представителей двенадцати российских губерний, граничащих с Казахстаном, с президентом этого государства Нурсултаном Назарбаевым. В этой встрече, официально названной форумом приграничных районов России и Казахстана, принял участие и президент России Владимир Путин, что подчеркивало ее особое значение и важность для российско-казахстанских отношений.

Неслучайны были и слова омского губернатора Л. Полежаева на открытии встречи, справедливо отметившего, что «Сама история определила наш регион как своеобразный полигон для реализации интеграционных моделей».

Однако вернемся к тому, с чего начали, к истории основания Омской крепости. Первая, деревянная, она была заложена на левом берегу Оми, показавшемуся ее основателю Ивану Дмитриевичу Бухольцу более удобным для этой цели. Через несколько десятилетий она значительно более укрепленной была перенесена на правый. Вокруг стали разрастаться форштадты – Ильинский, Казачий, Кадышевский, Бутырский, Мокринский и другие.

Омская крепость с первых дней своего существования занимала центральное положение в жизни региона. Вначале как защита от набегов кочевников и опорный пункт для дальнейшего освоения русскими степных пространств Сибири, а вскоре и как административный центр всех пограничных линий.

В 1782 году крепость получает статус города, который объявляется вначале центром окружным, а позднее губер-

ским. Одновременно Омск является главным штабом сибирского казачьего войска.

В 1822 году Сибирь в результате реформы М.М.Сперанского была разделена на два самостоятельных генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское. В результате столицей Западной Сибири становится Тобольск. Но уже вскоре после этого Главное Управление Западной Сибири было переведено в Омск, ставший административным центром огромного края, включая нынешние территории Омской, Новосибирской, Кемеровской, Томской, Тюменской, Курганской областей и Алтайского края. А позднее, с учреждением Степного края, отсюда велось управление Северным и Восточным Казахстаном, вплоть до Семиречья.

Именно отсюда, из Омска, вышел в 1854 году отряд казаков положивший начало городу Верному – нынешней Алма-Ате.

Омск был в ряду первых сибирских городов, где начиналось каменное строительство. Он был первым городом на востоке страны, где появился «оперный дом», в котором «чинили представления разных комедий и трагедий». А было это в 60-е годы ХУШ века. Омск по праву снискал славу и как собиратель, хранитель сибирской старины, а также множества экспонатов, привезенных в город многими путешественниками, уроженцами Омска. Эти богатства составили основу фондов краеведческого музея.

О важном значении Омска как наследника и продолжателя дела предков свидетельствовало то обстоятельство, что легендарное знамя отряда Ермака, долгое время хранившееся в разных городах севера Сибири, в конце концов было передано именно Омску (вплоть до революции оно хранилось в Казачьем соборе).

Здесь, в Омске, в 1877 году был открыт Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества, внесший с годами огромный вклад в научное изучение и хозяйственное освоение не только нашего края, а и Средней Азии и Центральной Азии. Здесь же впервые зародилась и агрономическая наука в Сибири. В 1828 году на окраине города был основан опытный хутор казачьего войска, где начали проводить различные опыты на строго агрономической основе. Он был самым первым в Сибири, вторым в России и в числе всего лишь нескольких в Европе. Старый Омск известен отечественной географической науке как важный центр и отправная база многих дальних путешествий. Вспомним многочисленные научные экспедиции выпускника Омского кадетского корпуса Г.Н.Потанина. Уже в первые поездки его в Семиречье и в верховья Иртыша обратили на него внимание П.П.Семенова-Тян-Шанского. Вспомним знаменитые путешествия в Центральную Азию другого омича – М.В.Певцова. Вспомним раскопки древней монгольской столицы – Каракорума – уроженцем Омска Н.М.Ядринцевым, бывшим, кроме того, известным всей России публицистом, прозванным «сибирским Герценом». Были еще экспедиции А.Н.Седельникова, а затем И.Ф.Бабкова в восточный Казахстан, рискованное путешествие в Кашгар Чокана Валиханова.

В Омске бывали по пути в Центральную Азию, Тибет и Монголию Н.М.Пржевальский, П.К.Козлов, В.И.Роборовский. это именно здесь П.П.Семенов-Тян-Шанский дважды брал разрешение у генерал-губернатора Гасфорда на свои знаменитые поездки в Заилийский край, Тянь-Шань. Омск посещали такие крупнейшие историки и естествоиспытатели с мировым именем, как Ф.Г.Миллер,

П.С. Паллас, А. Гумбольдт, А. Брем, Д. Мессершмидт, И. Фальк и другие.

В Омске родились художник Михаил Врубель, скульптор П.Клодт. здесь учились и жили поэт Леонид Мартынов, композитор Виссарион Шебагин, писатель Феофан Березовский, Герой Советского Союза Дмитрий Карбышев. С именем города связаны имена Ф.М.Достоевского, А.Н.Туполева, Н.И.Цицина, Всеволода Иванова, Сергея Залыгина и многих других замечательных людей.

А теперь коротко об административном делении нашего Прииртышья в послереволюционный период, когда была учреждена вначале Омская губерния, которая с образованием Западно-Сибирского края, разделилась на Омский и Тарский округа. В 1934 году при очередном административном размежевании в составе Западно-Сибирского края была образована Омская область, с территорией, простиравшейся от границы с Казахстаном на юге до холодных берегов Карского моря на севере.

Но в 1944 году все северные территории отошли ко вновь образованной Обь - Иртышской, позднее Тюменской области. Таким образом, площадь нашей области сократилась более чем в десять раз. Но даже и при этом она на фоне многих других областей России выглядит великаном. Говорят, все познается в сравнении. Давайте и мы прибегнем к этому методу.

Территория Омской области сегодня составляет около 140 тысяч квадратных километров. А площадь, например, бывшей союзной республики, а ныне суверенного государства Грузии составляет всего лишь 70 тысяч квадратных километров, то есть наполовину меньше нашей. Площадь Молдовы – 34 тысячи, а Армении – 30. Вот и получается, что на территории Омской области свободно могли бы

разместиться сразу три суверенных государства – Грузия, Молдова и Армения, да еще осталось бы место для Нагорного Карабаха /4,4 тысячи кв.км/. три государства и автономная область – неужели это не впечатляет?

На нашей площади так же свободно могли бы разместиться: Азербайджан – 87 тыс.кв.км, Эстония – 45 тыс., либо целых семь российских республик: Удмуртская, Мордовская, Чувашская, Марийская, Чеченская, Ингушская и Северо-Осетинская. Сравнение с западно-европейскими государствами выглядит так: с нашей площадью сравнима общая территория Бельгии, Голландии, Швейцарии и более чем наполовину Албании. Либо Португалии, Дании и Люксембурга, да еще осталось бы место для Лихтенштейна и Монако.

Велика и обширна область, чьей столицей является Омск. Она простирается на три природно-климатические зоны – тайги, лесостепи и степи. Она богата ресурсами – лесом, черноземами, водными источниками, нефтью. В послевоенные годы создана промышленность, способная составить честь любого европейского государства. Как же можно не любить и не гордиться таким краем?!

А теперь о том, сколько нас? По данным переписи 1989 года, население области составляло вместе с Омском 2142500 человек. Из них русских – 1714,3 тысячи человек, или 80,2 процента. Немцев – 133,8 тыс. или 6 процентов. Украинцев – 104,7 /около 5 проц./, казахов – 75,9 /около 3,5 проц./, татар – 50,2 /около 2,5 проц./, белорусов – 11 /около 0,5 проц./, чувашей – 5,7 /около 0,25 проц./, евреев – 5,4 /около 0,25 проц./, эстонцев – 4,1 /около 0,2 проц./, латышей – 3,2 /около 0,15 проц./, мордва – 2,8 /около 0,1 проц./, остальных – марийцев, финнов, молдаван, литовцев, чехов, болгар, поляков, цыган и коми-зырян – около 1,5 процента.

Таково лицо нашей области в национальном аспекте.

Естественно, за последние годы произошли какие-то изменения – одних немного прибыло, других – убавилось, но это сколько-нибудь заметно общей картины не меняет.

С каждым годом растет вширь и ввысь город на Иртыше. Сейчас в нем уже миллион двести тысяч человек. В послевоенные годы здесь велись большие работы по озеленению городских улиц, скверов и бульваров. Успехи были огромными. Омск приобрел славу города – сада. Сюда приезжали делегации многих других городов, чтобы перенять опыт.

Омичи любят свой город и гордятся им. Каждый из них может повторить вслед за поэтом:

[illegible]

ДЕЛО ЧЕСТИ ОМИЧЕЙ

Полемические заметки

Как известно, приближающийся 2016 год для родного города нашего будет юбилейным. Исполнится 300 лет со дня основания первой Омской крепости, положившей начало ныне существующему мегаполису.

Все мы хорошо знаем, что самая обширная по территории страна в мире, то-есть наша Россия-Матушка, в свое время родилась не сама по себе и не сразу. Она осваивалась,

расширялась и обживалась нашими трудолюбивыми предками в течение столетий.

Старинная заповедь гласит: «Есть на земле места святы для нас, как родители. Бывают краше, но без этих мы сироты». Надо признать, сказано верно. Без них мы действительно сироты. Особенно печально, если это случается по собственной вине. Например, при забвении многих славных имен, воинских и трудовых подвигов талантливых предков наших, что к большому стыду, в результате, превращает нас в достойных сожаления «иванов, не помнящих родства».

Сожаления эти не лишены оснований. Посмотрим, как мы чтим заслуги людей, положивших начало хозяйственному освоению родного края. Всегда ли мы справедливы в оценке их заслуг? Увы, приходится признавать, далеко не всегда. Наглядный тому пример освещение в местной печати событий, связанных с основанием Омска, в частности с ролью в этом историческом деле подполковника Ивана Дмитриевича Бухольца.

Не хотелось, чтобы в такой момент о человеке, положившем начало городу сочинялись, как это было раньше, унижающие его достоинство сказки. Ведь это дело имеет аспект не только исторический, а и другой, не менее важный - нравственный. Основатель города, как и основатель рода, семьи, трудовой династии должен пользоваться уважением потомства.

Дело чести сограждан - закон этот неукоснительно блюсти.

Мы много говорим о патриотизме и любви к родному краю, но часто слова наши - лишь праздное сотрясение воздуха. Вот конкретный случай - плохо знаем человека, положившего основание городу. Да какому городу! Так

случилось, что славное имя героя обросло у нас разными сплетнями.

В чем только его у нас не обвиняли! В недалёковидности, в нерешительности, даже в трусости. Обвинителями выступали не только начинающие местные краеведы и журналисты, а случалось, люди заслуженные, известные историки и писатели. (Видит Бог, от ошибок никто не застрахован).

Возьмем для примера историческую повесть нашего выдающегося земляка поэта Леонида Мартынова «Крепость на Оми», изданную в Омске в 1940 году. Как же в ней характеризуется И.Д.Бухольц? Касаясь неудачи, постигшей его отряд у Ямышевского озера, автор пишет: «Самонадеянный и легкомысленный князь Гагарин и несмелый аккуратист Бухгольц превратили Ямыш в гигантское кладбище». И далее: «И вообще, честь основания города Омска никак не приходится приписать подполковнику Бухгольцу. Грозное по началу прозвище Бухальцев, теперь звучало как злая насмешка. Характерно, что в старом Омске именем Бухгольца был назван лишь коротенький переулок. Зато широко была в Сибири распространена поговорка «Пропал, как Бухголец!».

Просто не верится, что это мог написать наш талантливый Леонид Николаевич, которого мы все глубоко чтим, автор прекрасных исторических поэм, философской лирики и «Воздушных фрегатов». Откуда у него это неприятие И.Д.Бухольца? Ответ на этот вопрос мы находим в самом упомянутом сочинении. Оказывается, это идет от историка П.А.Словцова.

Почтенный автор «Исторического обозрения Сибири» так писал о ямышевской зимовке отряда Бухольца: «Подполковник отвечал джунгарам с твердостью русского офицера, что он не перестанет исполнять волю Государя,

и заботился только о том, как бы уведомить губернатора о своем положении, когда надлежало бы ему решиться разогнать толпу громом пушечным». И далее: «Бухгольц ... успел выпроситься в Петербург от стыда и следствия».

Так писал П.А.Словцов. Но мы-то знаем теперь, что не от следствия укрывался И.Д.Бухгольц на самом деле, а наоборот, шел ему навстречу, ехал держать ответ перед крутым на расправу царем Петром. И нам известно, чем закончилось это следствие. Но, как показывают факты, старые заблуждения не рассеяны и по сей день. Обидная для памяти Бухгольца фраза П.А.Словцова: «успел выпроситься в Петербург от стыда и следствия» повторяется не только Л.Мартыновым, мы находим ее и в общем-то хорошей и нужной книге «Омск. Очерки истории города», (Омское книжное издательство, 1983 г.) М.К.Юрасовой.

Л.Мартынов, называя И.Д.Бухгольца «несмелым аккуратистом» противопоставляет ему Ивана Лихарева, который уже через два года после Бухгольца прошел со своим отрядом в верховья Иртыша и заложил там Усть-Каменогорск. Вот де что значит смелость и инициатива! Но так ли все выглядело на самом деле? Давайте же в конце концов разберемся, что произошло в Прииртышье в 1715 – 1719 годах. Действительно ли И.Д.Бухгольц был трусом, побоявшимся открыть пушечную пальбу против кочевников, дабы прорваться через их толпу?

Конечно, жителю первой половины XIX века, современнику громких побед русского оружия над Наполеоном, затем хотя затяжной, но также успешной войны на Кавказе, а позже и подавления восстания поляков, П.А.Словцову казалось естественным применение «грома пушечного» против азиатских кочевников. Но не надо забывать, что несколько иначе смотрели на такие дела в России веком рань-

ше. Петр I, в поте лица своего трудившийся над обновлением государственного механизма державы, боровшийся за выход ее к морям Азовскому и Балтийскому, сильно нуждался в прочном мире на Востоке. Главным постулатом его политики здесь было: вести дела «ласкою, а не жесточью». Посылая Бухольца в верховь Иртыша, он строго наказывал, как следует ему вести себя при встрече с тамошним кочевым населением / «никакие ссоры не чинить» / Князю же Гагарину вменялось обеспечить дипломатическим путем разъяснение местному контайше мирных целей похода.

Как известно теперь, дипломатия эта своевременно не сработала. Отряд попал в окружение воинственных племен, встревоженных появлением русских. Началась труднейшая зимовка в осаде, осложненная повальными болезнями. И все-таки И.Д.Бухольц ни в чем не уступил неприятелю. Не открывая «пушечного грома», он тем не менее сдаваться не собирался, а с наступлением весны с честью вывел из окружения всех оставшихся членов своего отряда и сплавился по Иртышу к устью Оми и здесь заложил крепость.

Действуя таким образом, ему удалось внести успокоение в стане кочевников. Они воочию убедились в мирных намерениях русских и потому отряд Ивана Лихарева через два года они пропустили уже без всяких осложнений.

А.Мартынов вслед за П.А.Словцовым ставит это в заслугу одному майору Лихареву, а надо бы в этом видеть прежде всего результат предыдущего похода, который сам по себе был неудачным, но заложил основу доброго окончания последующему.

Поступи Бухольц так, как считал Словцов, трудно было бы рассчитывать на дальнейший успех в этом районе. «Гром пушечный» взбудоражил бы всю Степь. Не надо забывать,

что силы кочевников превосходили отряд Бухольца более, чем в три раза. Кроме того, они в короткое время способны были удвоиться и утроиться тогда, как Гагарин мог выслать в помощь Бухольцу лишь несколько сот солдат.

Потому-то вызванного для отчета в Петербург Бухольца не только не наказали, но и признали «годным к лучшему делу». В то время как князь Гагарин «за великое воровство» и необеспечение предварительных связей с джунгарами был повешен.

К сожалению, до сих пор многие исследователи объясняют результаты похода отряда Бухольца не объективными требованиями последовательной и твердой политики России по отношению к Востоку, а сугубо личными качествами командира – недостатками смелости, немецкой педантичностью и т.д. Они удивляются при этом, как ему удалось избежать сурового наказания. Но они должны бы еще более удивиться тем, что Петром I ранее не был наказан за еще большую неудачу Ф.Головин, возглавлявший русское посольство на переговорах с Китаем. Трехтысячный отряд его был встречен под Нерчинском 15-тысячным войском китайцев. Под давлением силы был подписан несправедливый Нерчинский трактат 1689 года, по которому все русские поселения на Амуре были ликвидированы, а крепости скрыты.

Однако Головин тогда, как и Бухольц позднее, получил повышение по службе. Отчего бы это? Да потому, что и Головин, и Бухольц руководствовались в своих действиях отнюдь не страхом перед врагом, не трусостью, а высшими, коренными интересами России. Оба они вышли из трудно сложившихся обстоятельств с честью, не посеяв недоверия к своему государству со стороны соседних народов.

История доказала справедливость и дальновидность та-

кой политики. В этом может теперь убедиться каждый, кто не поленится взглянуть на карту нашей Родины. Народы и народности Востока позднее не сопротивлялись вхождению в состав России. Для этого нужно было время и доказательства мирных намерений. То и другое им было обеспечено. Приамурье вновь стало русским по дружественному Айгунскому договору с Китаем. Как и добивалась Россия, все Левобережье Амура отошло к ней без «пушечного грома», без единого выстрела, без пролития крови. И если на Дальнем Востоке времени для этого потребовалось достаточно много, то для улаживания недоразумений с джунгарами в Прииртышье, благодаря выдержке И.Д.Бухольца хватило всего двух лет.

Критика А.Н.Мартыновым событий, сложившихся в 1714 – 1716 годах на Иртыше, сводилась в основном к тому, что экспедиция за песочным золотом была провалена подполковником Бухольцем, побоявшимся разогнать «громом пушечным» полчища джунгар и киргиз-кайсаков, преградивших путь его отряду. Разумеется она была необоснованной, противоречащей точке зрения старых сибирских историков, их представлениям о свершившемся.

Посмотрим для примера, как отзывался обо всем этом тот же П.А.Словцов. Касаясь инициативы губернатора о посылке этой экспедиции, он расценил ее как авантюру, побужденную желанием лишний раз обратить на себя внимание царя, доказать ему свое усердие. Он пишет: «Угодливость царю русскому, всегда текущая из сердца преданного, но не всегда соображенная в голове, была в настоящем деле важною, но не преступною ошибкою князя Гагарина». Поначалу она действительно могла не казаться таковой. Однако далее историк продолжает: «Если бы государь благо рассудил отослать в Сенат на рассмотрение фантасти-

ческое представление Гагарина, в котором ни одна строка не смотрит прямо, Сибирь не понесла бы столько жертв. Ибо с чего взял губернатор, что контайша духа воинственного будет смотреть равнодушно на крепости, владения его разрывающие? Откуда достать продовольствие отряду, в степь углубляющемуся?»

Из приведенной оценки действий Гагарина старым сибирским историком видно, что экспедиция была заранее обречена на неудачу. И виноват в этом был прежде всего Гагарин, в чьем проекте «ни одна строка не смотрела прямо». Сенату же его проект представлен не был. Пётр слишком доверял губернатору.

Он строго наказывал Гагарину обеспечить успех экспедиции прежде всего дипломатически, то есть своевременно известить и твердо уверить контайшу джунгар, что экспедиция имеет сугубо мирные цели, чтобы тот пропустил отряд без осложнений. А что сделал Гагарин?

Обратимся снова к Словцову. Оказывается, Гагарин всего раз и то «лишь мимоходом сказал посланцам контайши, что этот офицер (Бухольц) отправлен не для войны». И то, что он сказал это лишь мимоходом случайно оказавшимся в Тобольске посланцам, а не послал к контайше с письмом нарочного, как это следовало сделать, как обычно делается между соседями, оскорбило степного владыку. Не имея подробных разъяснений от губернатора, он вознамерился заступить дорогу экспедиции.

Губернатор не выполнил и другого поручения царя - обеспечить экспедицию всем необходимым в пути. Вот что И.Д.Бухольц, столкнувшись в Тобольске с полной безучастностью Гагарина к делам отряда, писал с обидой к Петру I: «Во всем мне от него великое задержание...В Тобольску, государь, как я прибыл припасов воинских, лядунок, пере-

везей, портупеев, лопаток, заступов, кирок, мотыг, ломов, топоров, буравов, долот, ни к пушкам ядер и никакой амуниции, ни телег походных, ни ящиков патронных, ни людям мундиру ничего не было, о чем о всем сведом господин губернатор... А подлинного и вернова ведомца о песошном золоте близ Еркета господин губернатор мне не дал».

Полное равнодушие к судьбе экспедиции проявил Гагарин и тогда, когда отряд И.Д.Бухольца попал в окружение войска контайши, разгневанного проявленным пренебрежением к нему со стороны сибирского губернатора. Вступить в сражение, чтобы разогнать калмыков-джунгар «громом пушечным», И.Д.Бухольц не мог, ибо имел строгий наказ Петра со степняками «никакие ссоры не чинить». Руки царя были связаны делами на западе, и он не хотел наживать себе врагов на востоке. Потому-то он и наказывал Гагарину заранее известить и уверить контайпу, что у отряда сугубо мирные цели.

Но губернатор, как мы уже знаем, этого не сделал. Он, кроме того, был обязан посылать отряду подкрепление и продовольствие, но не торопился делать и это. Единственный небольшой отряд, посланный им с продовольствием, до места назначения не дошел, был перехвачен степняками.

А как в этих условиях проявил себя И.Д.Бухольц? Некоторые авторы не раз писали о том, что он вел себя трусливо, был нерешителен и безынициативен. Так ли это? Факты говорят о другом. Когда построенную им Ямышевскую крепость окружили джунгары и попытались взять ее с налета, они потерпели поражение. Это ложь, что «наголову разбитый и вытесненный из Ямышевской крепости воинственными степняками Бухольц не знал, что делать». Ведь на самом-то деле это И.Д.Бухольц отбил нападение

более чем в три раза превосходящего противника, а не его разбили, да еще «наголову».

Вот как об этом сказано в авторитетной документальной книге: «К помянутой крепости Ямышевой пришли внезапно многолюдством контайшины калмыки тысяч десять и больши... и приступили к крепости... И бился он с ними 12 часов, и с помощью Божией от крепости и других мест отбил». («Памятники Сибирской истории XVIII в.», 1885г., кн.2-я, стр. 145-147).

О том же писал и автор «Исторического обозрения Сибири» П.А.Словцов, указывая, что когда нападение было отбито, контайша прислал И.Д.Бухольцу суровое предупреждение: «Если не сойдешь с чужого места, я буду здесь зиму зимовать и лето летовать». На что подполковник (Бухольц) отвечал ему с твердостью русского офицера, что он не перестанет исполнять волю государя».

П.А. Словцов считал, что Бухольц напрасно не пустил в ход пушки. Но выше уже было сказано, что сделать этого он не мог, дабы окончательно не испортить отношения со степняками. Действия И.Д. Бухольца в конце концов убедили контайшу, что русские и в самом деле войны не хотят, что и позволило в дальнейшем плавать вверх Иртыша уже свободно. Так вскоре не только была восстановлена Ямышевская, а и основаны новые крепости.

Но это было потом, а пока вернемся к осажденному в Ямышево отряду, дела которого принимали трагический оборот. Не получая помощи из Тобольска, люди страдали от недоедания, к тому же, как следствие, начались болезни. Цинга и сибирская язва косили людей. Гагарин по-прежнему бездействовал. Петр I, узнав о трудном положении посланного им отряда, шлет Гагарину сердитое письмо из далекого Копенгагена. Вот его текст: «При от-

езде нашем из Питербурха довольно вам приказывали не только что по тем указам исполнять, но и самому тебе велели к нему (Бухольцу) съездить и видетца и подлинно о всем определить, о чем паки вам подтверждаем, дабы вы, конечно, по тем указам исполнили, в чем можете ответ дать, еще ли не исполните по указу. Петр».

Но даже и после этого губернатор не побывал в Ямышево и ничем не помог.

Однако он вспомнил о наказах Петра I и принялся уверять как джунгар, так и киргиз-кайсаков в своих сугубо мирных намерениях. Так, 29 ноября 1717 года он отправляет нарочного к ним с письмом следующего содержания: «По указу нашего великого государя люди его царского величества Сибирской губернии с людьми вашими ссоры иметь не будут». (Памятники сибирской истории XVIII века, кн.2, 1885, стр. 156-157).

На удивление, с положительным ответом ордынцы не замедлили. «Великий государь прислал к нам про нас проведать и тому мы обрадовались», - так ответили они. (Там же, стр. 166-167).

Знакомясь с этими документами, начинаешь понимать, какие возможности были упущены в свое время Гагариным. Напиши он подобное письмо не в 1717 году, а годом - полтора раньше, не случилось бы беды в Ямышево - джунгары не осадили бы отряд Бухольца, не перехватили бы транспорт с продовольствием, а затем и гонца Бухольца к контайше. Но Гагарин не выполнил того, что обязан был сделать, и случилась трагедия. Экспедиция была сорвана. Что в этих условиях оставалось делать И.Д.Бухольцу? Чтобы сохранить сильно поредевший в результате тяжких болезней отряд, он решил, разоря крепость, сплавиться вниз по Иртышу.

Испытания не сломили твердости духа офицера, преданного Отечеству и государю, которым он служил верой и правдой. Он помнил свой долг: в любых обстоятельствах иметь в виду пользу государственную. Не зря же и в наказе ему при отправке в экспедицию самим царем Петром было записано: «Поступать как доброму и честному человеку надлежит во исполнение сего интересу по месту и конъюнктурам». И он достойно использовал сложившуюся конъюнктуру. Поскольку не по его вине не получилось с походом в верховья Иртыша он решил возвратиться все-таки не с пустыми руками, а заложить крепость на устье Оми. И он еще с пути послал в Тобольск к Гагарину гонца со своим предложением. Послал потому, что по существующему порядку в любом крае закладка новых крепостей должна была согласовываться с местными губернаторами. Тем более здесь, в отдаленном крае.

Гагарин, почувствовав, наконец, вину свою за свершившиеся в результате его бездействия последствия, не только предложение И.Д.Бухольца за благо принял, но даже послал ему дополнительно 1300 рекрут! Что называется, засуетился.

Из этого факта некоторые краеведы и историки делают вывод, что основание Омска явилось заслугой именно Матвея Гагарина. Так ли это в действительности? Высадив отряд в устье Оми, Бухольц действительно ждал разрешения на свою инициативу. Да, строительство крепости по существовавшему порядку пока не начиналось без согласия губернатора. Однако люди без дела не сидели, а сразу начали заготавливать лес для возведения редута, на что ни от кого никакого разрешения Бухольцу брать не требовалось, ибо это ему предписывалось самим Петром I при отправке на Иртыш. Вот строки из царского Указа, данного Бухоль-

цу: «В некоторых удобных местах, а именно при реках... делать редуты и в тех редутах оставлять людей по своему усмотрению». И далее: «поступать как доброму человеку... по месту и конъюнктурам».

(Памятники сибирской истории кн. 2-я, 1885 г., стр.37).

И редут И.Д. Бухольц в скором времени построил в твердом расчете, что если разрешения на строительство крепости не последует, то здесь тем не менее будет стоять надежный русский опорный пункт. Этот-то самый редут, возникший в районе нынешнего речного вокзала и является самым первым сооружением на территории нашего города. (На том месте сегодня стоит памятный знак с пушкой наверху). К тому времени пришло разрешение и на строительство крепости, что также вскоре Бухольцем было с успехом осуществлено.

Так было на самом деле. И стало быть считать Гагарина основателем Омска решительно нет никакого резона. Он ни разу даже и не ступал на омскую землю.

Нелепым выглядят утверждения некоторых авторов, будто И.Д.Бухольц уехал с берегов Оми в Петербург «от стыда и следствия».

Ему бояться было нечего. В ходе дела он был полностью оправдан с записью в личном деле: «Годится к лучшему делу». Иначе получилось с Гагариным, который был приговорен к смертной казни через повешение. И не только за неудачу по его вине экспедиции, а еще и за «неслыханное воровство» - как говорилось в приговоре, то есть «за казнокрадство». Петр I настолько был взбешен раскрывшимися злоупотреблениями в Сибири губернатора, что повесить его приказал не обычно, а вверх ногами. Причем приказал не снимать его с виселицы. Когда через два меся-

ца веревка перегнила и труп упал на землю, его приказано было повесить на цепь в назидание всем будущим казнокрадам и лихоимцам.

Возникает законный вопрос: зачем кому-то нужно вопреки фактам порочить доброе имя основателя Омской крепости и возвеличивать матерого казнокрада?

Многие из критиков И.Д.Бухольца мало что знают, а то и вовсе не ведают о дальнейшей его судьбе. А она была завидной. Он, признанный следствием «годным к лучшему делу», вначале был назначен комендантом города Нарвы, а в 1723 году Петр I направляет его на службу в Забайкалье командиром Якутского полка и одновременно комендантом Селенгинской крепости, бывшей в ту пору главным центром Забайкалья. Особая важность той крепости заключалась в том, что русско-китайская граница была еще не размежевана Россия уже давно пыталась завязать дружественные отношения с Китаем. Много сил и внимания Петром I уделялось налаживанию торговли с ним. С 1689 года по 1725 год им было направлено в эту страну одиннадцать торговых караванов. Существовала уже «Восточно-китайская торговая компания», организованная по его личному указу.

В силу всех этих обстоятельств назначение И.Д.Бухольца свидетельствовало об очень высоком мнении о нем Петра I, о безусловном и полном доверии к нему. Царь Петр не терпел не только казнокрадов, но глубоко презирал и трусов. Ему ли было не знать характер Ивана Дмитриевича Бухольца, находившегося в свите юного царя со времен его Потешного полка. Позднее он видел его в деле - в боях под Нарвой и трудном Азовском походе. И если именно его он выбрал для рискованной

экспедиции в неведомые азиатские просторы, то, зна-

чит, был уверен в нем, надеялся, что он выйдет с честью из любой ситуации.

Так оно потом и было: не получилось не по его вине в Ямышево, зато выросла крепость на Оми. Не с пустыми руками вернулся он в столицу. Кроме того, «не учинив ссоры» со степняками, обеспечил тем самым успешное продвижение последующих экспедиций. Не прошло и двух лет, как вслед за Омской на Иртыше уже стояла крепость Семипалатинская, а еще через год - и Усть-Каменогорская. Оправдал он доверие Петра и в Забайкалье, став там «Главным пограничным управителем», заложив Кяхту и Троицкосавск, наладил регулярную торговлю с Китаем. Петр всегда доверял своему преданному сподвижнику, был уверен в его высоких боевых, деловых и нравственных качествах.

Это был человек высоких достоинств и благородства. Службу он нес с честью, за что в 1731 году был произведен из полковников в бригадиры, а увольнялся уже в чине генерал-майора.

В Санкт-Петербургском архиве сохранилось донесение Восточно-сибирского вице-губернатора Ланга, в котором так было сказано о причинах отставки 70-летнего Бухольца и его достоинствах: «Бригадир и селенгинский комендант Бухольц, который, яко древен и в ногах болезнь имеет, того ради его, Бухольца оттуда возвратить, а туда здорового человека его же характера послать». Как видим, смена требовалась «его же характера». Несмотря на краткость формулировки, ею сказано очень много.

За что же его порочат в Омске?

Люди, склонные к святотатству, есть всегда. Печально, что находятся другие, охотно предоставляющие им газетные страницы... Так и хочется повторить уже сказанное по подобному случаю: креста на вас нет, ребята!

Можно ли со всем этим мириться? Ведь дело, как уже сказано, имеет не только исторический, а и другой, не менее важный аспект – нравственный. Основатель города, как и основатель рода, семьи, трудовой династии, должен быть уважаем в потомстве. Мы же плохо помним и знаем не только заслуги первостроителя своего города, а даже и правильное написание его фамилии. Одни в споре утверждают, что Бухгольц, другие, что Бухольц, третьи, что Бухолц.

Нормально ли это, дорогие сограждане?

Конечно же, нет. Особенно сегодня в канун 300-летия со дня основания Омска – празднования, запрограммированного по инициативе нашего губернатора Л.К.Полежаева самим Президентом Российской Федерации. Ранее подобной чести удостаивались лишь три крупных города страны – Москва к 850-летию, Санкт-Петербург к 300-летию и Казань к 1000-летию. Оказаться в славном списке таких городов – это ли не великая честь, не уважение, проявляемое Омску со стороны Российского правительства?

На этом фоне демонстрация плохого знания истории родного края, ее героев, в частности заслуг основателя города не украшает омицей. Давно пора бы уже положить конец не в меру затянувшимся спорам, дабы не позорить ими себя в дни подготовки ко грядущему большому юбилею.

ВОКРУГ ИМЕНИ ОСНОВАТЕЛЯ

Возвращаясь к напечатанному

Причем, напечатанному не раз, не в одном месте и не одним автором. В жизни нередко встречаются события, явления и люди, в течение многих лет порождающие про-

тивоположные толкования собственной сути. Такие споры иногда принимают острый полемический характер.

Примером может служить существующая у нас разногласица по вопросу о том, как правильно должна писаться и произноситься фамилия подполковника, основавшего в 1716 году первую Омскую крепость, 300-летие закладки которой, как уже сказано, омичи собираются торжественно отметить в 2016 году.

Разногласица эта длится давно. Остроту она приобрела в связи с приближающейся упомянутой круглой датой нашего города. В самом деле, нормально ли в таких обстоятельствах не знать, как звали человека, стоявшего во главе тех исторических событий? Нормально ли когда разные авторы, разные газеты называют его по-разному – то Бухгольц, то Бухольц, то Бухолц?

Особо острое оживление спор получил в 1965 году, после возвращения из Москвы профессора Д.Н.Фиалкова, специально ездившего туда для работы в архивах. Касаясь вопроса, как в старых документах писалась фамилия основателя Омска, он в статье «Страницы сибирской истории», опубликованной в «Известиях Омского отделения географического общества» утверждал, что широко распространенное сегодня написание «Бухгольц» - неправильно, потому как во всех документах Петровской эпохи он значился то как «Бухольц», то как Бухолц», «Бухальц», «Бухалт» или «Букольц». Но нигде как «Бухгольц». Сам он правильным считал написание «Бухольц».

Тремя годами позже, в сборнике «Из истории Омска», это повторил Е.Н.Евсеев. С той лишь разницей, что правильным он считал написание «Бухолц», а не «Бухольц». В подтверждение чего автор, так же как и Фиалков ранее, опубликовал еще один подлинный автограф основателя

Омска. Однако формы «Бухольц» и «Бухолц» вызвали резкое неприятие со стороны некоторых архивных работников категорически объявивших единственно правильным написание «Бухгольц» ссылаясь при этом почему-то на словарь Брокгауза и Ефрона, а не на подлинные документы. И поскольку все три стороны и поныне стоят каждая на своем, то так по-разному и бытует в нашем городе фамилия его основателя. Нормально ли это?

Начнем с написания «Бухгольц». Это, действительно, широко распространенная форма, встречающаяся в словарях и многих трудах историков постпетровской эпохи. Верно и то, что Иван Дмитриевич по отцовской линии происходил из немцев. И предки его, по-видимому, были именно «Бухгольцами». Тут спора быть не должно.

Почему же видоизменилась старая немецкая фамилия? Объясняется это особенностями русского языка, в котором сочетания согласных «х» и «г», «к» и «г» являются неудобными для произношения, и потому в них, как правило, твердое звонкое «г» смягчается и становится глухим. Возьмем для примера слова «легкий» и «мягкий». Мы произносим их без твердого и звонкого «г», которое превращается в «х». Мы произносим: «лехкий» и «мяхкий». То же самое произошло со звуком «г» в фамилии «Бухгольц».

В начале старой немецкой фамилии под влиянием мягкого согласного звука «х» при произношении (особенно быстром) смягчился и стал глухим последующий звук «г», вследствие чего фамилия стала звучать как «Буххольц». А далее видоизмененный звук, потеряв свое первоначальное качество, постепенно выпал (редуцировался), как лишний. Фамилия приобрела в результате устойчивую форму «Бухольц». Все по законам языка, все естественно. Но наши

оппоненты никак не могут постигнуть эту истину. Их не смущает тот факт, что в Преображенском полку Петра Великого, где служил будущий основатель Омска, не было офицера с фамилией Бухгольц, а был Бухольц. Ими не придается никакого значения и тому обстоятельству, что один из множества сохранившихся автографов И.Д.Бухольца, найденных профессором Д.Н.Фиалковым, воспроизведен в «Записках Омского географического общества» еще в 1965 году. Он был тщательно изучен и подтвержден тогда таким авторитетным специалистом, как А.Ф.Палашенков, археограф по образованию, который сам в своих работах после этого писал фамилию основателя Омска уже без буквы «Г».

Казалось бы, чего же еще, если, наконец-то, установлено, как писал свою фамилию сам Иван Дмитриевич Бухольц! Но не тут-то было. Оказалось, что «знатоков» прошибить ничто не может. Они продолжают утверждать, что это-де, все проделки местных краеведов, их происки. Что так быть не может, потому что так не может быть никогда! Что правила транскрипции по Брокгаузу и Ефрону того не позволяют.

Однако факты опровергают их утверждения. Оказалось, что в Омском речном училище работал опытный педагог-наставник Владимир Григорьевич по фамилии Бухольц! Это ли не живое свидетельство тому, что такая фамилия не только была когда-то, но существует и поныне вопреки Брокгаузу и Ефрону.

- Да, я немец, - сказал Владимир Григорьевич, - про спор ваш читал. Товарищи просто не знают. Бухольцы – распространенная немецкая фамилия. Она есть не только в Омске, но и в соседней Новосибирской области и на Алтае.

Как бы в подтверждение сказанного, вскоре из Моска-

ленок пришло письмо, в котором сообщалось: «В феврале 1991 года в одной из омских газет я читала статью И.Петрова «Версия. Не будем торопиться с выводами» про И.Д.Бухольца. А в сентябре мне пришлось быть на могилке своих родственников в селе Мордово Красноармейского района Саратовской области. И вот, проходя мимо других могил, я прочитала надписи: «Бухольц Леон Карлович (1867 – 1953) и Бухольц Эмма И. (1868 – 1964)». Придя к знакомым, я рассказала, что в газете читала статью о И.Д.Бухольце. Они мне сказали, что дочь тех Бухольцев сейчас живет в Полтаве. И дали ее адрес. Я вам его посылаю, она может что-то рассказать, если они, конечно, родственники, а не однофамильцы, Извините за беспокойство, а вдруг я вам помогла чем-то. Если нет, прошу прощения, что отняла время. А.В.Ревзина»

На письмо пришлось ответить в том смысле, что, конечно, они не родственники, но, как и И.Д.Бухольц по отцу, - тоже немцы, о чем свидетельствуют их имена и место, где они жили, - ведь это же территория их бывшей республики в Поволжье.

Время между тем шло и появлялись новые свидетельства правоты омских историков и краеведов, отстаивавших транскрипцию «Бухольц»

Подлинной сенсацией явилась публикация статьи московского историка С.Романюка «Китай-город» в апрельском номере журнала «Наука и жизнь» за 1997 год, в которой он указал точное место, где в Москве находилась усадьба основателя Омска Ивана Дмитриевича Бухольца.

Омские историки и краеведы не раз с сожалением отмечали, что пока неизвестно, где находилось его родовое гнездо и где он похоронен. И вот эта неожиданная публикация! Подняв старые документы московского городского архи-

ва, С.Романюк перечислил усадьбу за усадьбой одного из самых центральных районов столицы - «Китай-города». Описывая строения расположенного здесь Ветошного переулка вблизи Никольской улицы, он указывает: «Здесь был двор генерала Ивана Дмитриевича Бухольцева, по фамилии которого подворье, здесь находившееся, называлось Бухольцевым».

Что интересно, место это находится в трех шагах от Кремля, в двух шагах от Красной площади, сразу же за зданием ГУМа по другую его сторону. Сейчас на месте бывшей усадьбы И.Д.Бухольца стоят дома №7 и №9. Местоположение московского двора И.Д. Бухольца позволяет предположить, что его семья имела в свое время вес и положение. Достаточно сказать, что их соседями были князья Хворостины, Голицыны и Ржевские. Такое соседство говорит само за себя. Вполне возможно, городская усадьба Ивану Дмитриевичу перешла в наследство от матери - русской столбовой дворянки Дарьи Дмитриевны Бровциной, которая, овдовев, приняла в дом Дмитрия Филипповича Бухольца и родила ему двух сыновей - Ивана и Авраама.

Ценность публикации С.Романюка не сводится лишь к точному указанию местоположения родовой усадьбы основателя Омска, а и к тому еще, как в старых документах московского городского архива отражено написание его фамилии. Обратим внимание: «двор был генерала Бухольцева» (то есть «Бухольц» + окончание - ева). А «подворье называлось Бухольцевым» (то есть «Бухольц» + окончание - свым).

Это свидетельствует о том, что в Москве он был именно Бухольцевым, а не Бухольцем и не Бухолцем, как нередко пишут у нас многие авторы. Это, кстати, подтверждается и надписью на надгробном камне на могиле дочери Ивана

Дмитриевича, похороненной в Донском монастыре. Там выбито: «Здесь покоится тело полковницы Феклы Ивановны Алмазовой. Урожденной Бухольцевой».

Как видим, и здесь фамилия выбита без буквы «г», но с мягким знаком.

Да, шло время и правильность транскрипции фамилии основателя Омска утверждалась все более. Во всех серьезных публикациях омских историков – археографа, директора краеведческого музея А.Ф.Палашенкова, доктора географических наук, профессора Д.Н.Фиалкова, доктора исторических наук, профессора А.Д.Колесникова отныне писалось «Бухольц». Эта транскрипция была признана и властными структурами.

Именно так, в этой транскрипции в целях увековечивания имени первостроителя города по решению Омского городского Совета №418 от 25 сентября 1987 года площадь перед речным вокзалом была названа «Площадью Бухольца». Точно так же обозначено это имя и на мемориальной доске, установленной там более тридцати лет назад с указанием места и времени высадки отряда. Ее текст гласит: «В начале мая 1716 года на этом месте высадился отряд под командованием подполковника Ивана Дмитриевича Бухольца, положивший основание Омской крепости». А рядом на стрелке Оми и Иртыша установлен другой памятный знак с пушкой наверху и надписью: «Здесь, в устье Оми в мае 1716 года высадился отряд подполковника Ивана Дмитриевича Бухольца, заложивший первую Омскую крепость».

Кроме того, здесь, на площади возвышается памятник в виде объемного шара с изображением красочного портрета основателя Омска с четкой крупной надписью: «И.Д. БУХОЛЬЦ».

Казалось бы, наконец-то истина восторжествовала, но, к сожалению, только показалось. В местной печати вдруг вновь часто запестрела форма «Бухгольц». Что же произошло? Откуда путаница? Кто в этом виноват? Все объясняется просто. В городе на средства «Омскоблстройбанка» издана книга «Омск в панораме веков». Шикарный фолиант и впрямь заслуживает похвалы авторам и благодарности спонсору, но к большому сожалению, содержит непозволительные в подобных делах вольности. Речь о том, что авторы книги Н.А.Миненко и С.В.Федоров сознательно или по какой другой причине в тексте Указа Петра 1, которым открывается их сочинение, исказили написание фамилии И.Д.Бухольца. Документ, приводимый ими, начинается словами: «Подполковнику Бухольцу».

Чтобы убедиться, что это грубое искажение, достаточно открыть сборник исторических документов «Памятники Сибирской истории XXIII века», книга вторая, 1885 г., стр.35-37, где приводится подлинный текст Петровского Указа, в котором черным по белому значится не «Подполковнику Бухгольцу», а «Подполковнику господину Бухальцу».

Пропущенное в тексте Указа слово «господину», естественно, свидетельствует по крайней мере о невнимательности авторов при подготовке Указа к печати. Что же касается непозволительной правки столь важного документа, самовольного исправления в нем фамилии человека, которому адресовано царское послание, то это дело уже абсолютно недопустимое.

Исправляя фамилию в тексте Указа, авторы просмотрели, либо сознательно игнорировали, другое свидетельство того, как писалась она в действительности. Имеется в виду письмо Сибирского губернатора Матвея Гагарина от 2

июня 1714 года, которое Н.Миненко и С.Федоров приводят на стр.47 «По имянному его царского величества Указу, - говорится в нем, - определен в Сибирскую губернию подполковник Бухальц для строения новых городов». Как видим, и здесь «Бухальц», а не «Бухгольц».

Теперь о том, почему она часто писалась через букву «а» - Бухальц, как например, в Указе Петра? Потому, что особенностью правописания тех лет часто было воспроизведение слова на письме таким, как оно слышалось. Именно это и отразилось на написании фамилии основателя Омской крепости. Дело в том, что неударное «о» в ней, как часто случается со многими словами в нашем языке и сегодня, звучит как «а». Замечаем ли мы, что вместо «Москва» большинство из нас произносит «Масква», вместо «погода» - «пагода». Чтобы убедиться в этом, послушаем, как теле- и радиодикторы, например, передают метеосводки. Они говорят: «Саобщение а пагоде. Ажидаются асадки» и т.д. То есть в словах на месте неударных «о» явно звучат звуки «а». Конечно, сегодня все подобные слова у нас пишутся по правилам современного правописания: «Сообщение о погоде. Ожидаются осадки» и т.д. В Петровские же времена таких правил не было, и потому чаще писали так, как слышалось при произношении.

Именно по этой причине фамилия Бухольц звучала, как Бухальц. И если бы не сохранились автографы самого И.Д.Бухольца, мы бы и сегодня ее так писали. Однако они существуют, и мы обязаны с этим считаться. А в них, естественно, отражена буква «о», а не «а». И, значит, для нас он Бухольц. То, что предки его когда-то писались Бухгольцами, в данном случае значения не имеет. Как, к примеру, не имеет значения то, что шотландские предки М.Ю.Лермонтова были Лерманами, немецкие предки

Д.И.Фонвизина – фон Визиными, а литовские предки князей Трубецких – Трубежскими. Таких примеров множество. Достаточно вспомнить имена таких политических деятелей, как всем известный Владимир Ленин, по рождению Ульянов, как Иосиф Сталин (Джугашвили), как представители культуры, например, Максим Горький (Алексей Пешков) или Демьян Бедный (Ефим Придворов) и т.д. Причины изменений разные, а суть одна. Обратной силы у этого закона нет. И потому не надо менять по своему произволу чью-либо фамилию, даже на ту, которую достоверно известно, носили его предки. Это не позволено никому.

Омичей, однако, подобные манипуляции не смущают.

Время, между тем идет, а дело, к сожалению, продолжается прежним порядком. Давайте же, наконец, спокойно во всем разберемся, положим конец затянувшейся разногласице, чем прежде всего проявим уважение к памяти первостроителя крепости, из которой вырос наш современный мегаполис. Одновременно перестанем недостойно выглядеть сами в пору, когда родной город готовится торжественно отпраздновать свое 300-летие, а мы к стыду своему не знаем даже, как правильно пишется и произносится фамилия его основателя.

Еще раз спросим себя: нормально ли это, дорогие сограждане? И можем ли мы с этим мириться и дальше?

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Иван Федорович Петров родился 20 февраля 1920 г. в деревне Степанихе Крутинского района Омской области. Участник Великой Отечественной войны. Окончил историко-филологический факультет Уральского государственного университета. Много лет работал редактором

Омского книжного издательства, а затем главным редактором журнала «Земля сибирская, дальневосточная». Член Союза писателей России с 1966 г. Автор двадцати семи книг. Является Почетным членом Петровской академии наук и искусств. Награжден орденами «Отечественной войны» второй степени, Дружбы народов, многими медалями. Лауреат областной литературной премии (1999 г.).

Отзывы читателей, историков, литературоведов

«Писателей можно, разумеется условно, делить на два резко отличных типа. Первый – однолюбцы, как бы раз и навсегда выбравшие свою тему и жанр, всю жизнь упорно и любовно обрабатывающие свой надел. Иван Федорович Петров принадлежит, кажется, к другому типу. Он в постоянном поиске новых форм, новых тем и жанров. Начал как сатирик и юморист, выпустил три книжки под смешными названиями: «Поросенок по-гречески», «Кум королю», и «Сердце в томате». Они были хорошо приняты читателем и критикой. Но вот несколько лет спустя, появились его книги «Дорогами героев», «Земля отцов», «Следы на земле». И в них – совсем новый, неожиданный поворот творческих интересов – очерки о старой Сибири, героях гражданской и Великой Отечественной войн.

Тяга к утверждению доброго и светлого оказалась сродни дарованию И.Ф. Петрова, быть может, даже более сродни, чем обличение дурного и смешного. Всегда трудно предсказать, как сложится путь писателя. Смело можно утверждать одно: в каком бы жанре ни создавались новые произведения Ивана Федоровича Петрова, - это будут се-

рьезные нужные людям книги, и след, оставленный ими в сознании и сердце читателя, будет добрым.»

Беленький Еф. «Писатель неустанныго поиска» // По родному краю. Омск, 1980.

«Книги Ивана Федоровича Петрова получили признание у читающей публики, заслужили высокую оценку специалистов. Знакомясь с произведениями Ивана Петрова, невольно обращаешь внимание на одну важную особенность его творчества – умение мастерски пользоваться историческими источниками, выделить, подчеркнуть живую связь времен. Особенно хочется отметить книгу «Не забудь их, моя Россия!» Хотелось бы подчеркнуть общественную значимость его книг. Простота и яркость изложения, богатство материала делают их незаменимым пособием при изучении истории нашей Родины.»

Сорокин М. (Канд. ист. наук) «Не забудь их, моя Россия!» // Сиб. огни. 1985. №10.

«Знаю автора давно: сначала переписывались, историческими материалами обменивались, ну и, наконец, лично познакомились. И не где-нибудь, а в Омске, где живет Иван Федорович. Я убедился, что он не просто писатель, а писатель-краевед – знаток сибирской истории. И вот у меня в руках новая его книга «Сибирь – мое Отечество». Прочитал ее с большим удовольствием. Она и научно-популярная, она же и художественная. Рекомендую сибирякам и всем интересующимся историей Сибири иметь эту книгу всегда под руками. Написана она честно и правдиво. Легко и с интересом читается.»

Алексеев А. (Докт. ист. наук, Институт истории СССР). «Все о Сибири» // Омская правда. 1990. 18 сентября.

«Вышла в свет новая книга Ивана Петрова. Называется она «История с географией». Наиболее ярко в этой книге раскрылся Петров - писатель и Петров – гражданин в своих микрорассказах «Раздумья, мимолетности». Написанные по горячим следам событий, написанные – пусть обвинят меня хоть в банальности, хоть в высокопарности, но точнее не скажешь, - не чернилами, а кровью сердца, эти новеллы показывают стоящее сегодня на перепутье наше больное и растерявшееся общество. За произведениями, составившими книгу видна незаурядная личность автора – человека до предела совестливого, мучающегося тем, что он видит вокруг, впадающего порой в отчаяние, но все же не теряющего надежды.»

Лейфер А. «Машинка по-прежнему не зачехлена» // Вечерний Омск. 1998. 4 июня.

«Омичи старшего поколения хорошо знают известного сибирского писателя, земляка Ивана Федоровича Петрова. Уже сами названия его книг – «Дорогами героев», «Земля отцов», «Алтайский самородок», «Следы на земле», «По родному краю», «Сибирский корень» - говорят о том, что Иван Федорович посвятил свой талант сибирской земле. Недавно он порадовал читателей новой книгой «История с географией», за которую ему присуждена премия Администрации области «За заслуги в развитии культуры и искусства». Коллектив редакции поздравляет его и желает новых свершений.»

«Летописец земли сибирской» // Омский вестник. 2000. 15 февраля.

«В главном здании Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге работает выставка книг старей-

шего сибирского писателя – краеведа Ивана Федоровича Петрова, которому недавно исполнилось 80 лет. На выставке представлены первые книги писателя, вышедшие в Новосибирске и Омске, заметки краеведа «О малой родине и сыновнем долге», сборники «Следы на земле», «История с географией» и другие произведения, журналы «Сибирские огни», «Земля сибирская, дальневосточная» с очерками И.Ф. Петрова разных лет. Выставка иллюстрирована фотографиями города Омска.»

Мамиков В. (Санкт-Петербург). Книжная выставка омича в Санкт-Петербурге // Омское время. 2000. 27 апреля.

«Совсем недавно вышла новая книжка И.Ф. Петрова «С поклоном». Жаль, что такой умный, очень нужный сборник издан маленьким тиражом. Он собран автором с любовью и уважением к родной земле, написан прекрасным русским языком, держит внимание читателей не занимательностью придуманного сюжета, а реальными историческими событиями. Здесь есть и боль, и негодование, и восхищение, и улыбка. Отмечается и особая интеллигентность, присущая стилю его – умение вести дискуссии с оппонентами, не впадая в оскорбительную тональность.»

Першина Л. «Дело всей его жизни» // Новое обозрение. 2004. 14 июля.

**Иван Федорович
ПЕТРОВ**

**РОДНОЙ ИСТОРИИ
ПАМЯТНЫЕ СТРОКИ**

**В авторской редакции
Дизайн-верстка Е.А. Пичугиной
Корректор**

Подписано в печать ????????2009
Формат 115х160. Бумага офсетная.
Гарнитура Garamond Premier Pro.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. ???????. Уч.-изд. л. 7,2.
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в ??????

